
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание
Основано в 2009 г.
№ 3-1(27)
2016

Главный редактор – канд. пед. наук **В.Н. Абросимов**
Зав. редакцией – **Т.А. Магсумов**
Ответственный секретарь редакции – **Я.А. Максимов**
Технический редактор, администратор сайта – **Ю.В. Бяков**
Компьютерная верстка, дизайн – **Р.В. Орлов**

MODERN RESEARCH OF SOCIAL PROBLEMS

Printed Scientific Periodical Edition
Founded in 2009
№ 3-1(27)
2016

Editor-in-Chief – **V.N. Abrosimov**, PhD
Deputy Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**
Executive Secretary – **Ya.A. Maksimov**
Support Contact – **Yu.V. Vyakov**
Design and Layout – **R.V. Orlov**

Красноярск, 2016
Научно-Инновационный Центр

Krasnoyarsk, 2016
Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, № 3-1(27), 2016, 238 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в НАУЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ БИБЛИОТЕКЕ в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Modern Research of Social Problems, № 3-1(27), 2016, 238 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

Modern Research of Social Problems is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI).

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088, «SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2016

Члены редакционной коллегии

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», член Президиума АН РТ

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г.Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе, Россия

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в. ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет»

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института масс-медиа ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, Россия

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики детства, иностранных языков, информатики и частных методик Филиала Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева в г. Железногорске

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры менеджмента Филиала ФГБОУ ВПО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске

Зуляяр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии и истории ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет»

Копцева Наталья Петровна – доктор философских наук, профессор, декан факультета Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»

Корнилова Ирина Валерьевна – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и методики ее преподавания ФГБОУ ВПО «Набережночелнинский институт социально-педагогических технологий и ресурсов»

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии, культурологии и туризма Института международных отношений, истории и востоковедения ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, начальник научного отдела ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры»

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии и антропологии ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры»

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарного знания ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса»

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургское ГАОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы»

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории ФГБОУ ВПО «Вятский государственный гуманитарный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская орден Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена»

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия»

Editorial Board Members

Valeev Nail Mansurovich – Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Doctor of Philology, professor; Honored Scientist of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan; member of the Writers' Union of Russia and the presidium of the Union of Russian ethnographers; Vice-President of the Republic of Tatarstan; Academician-secretary of the Department of Humanities of the Republic of Tatarstan

Galieva Farida Gabdulkaevna – Senior Researcher, Institute of Ethnological Studies Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Doctor of Philology, Candidate of History, Associate Professor of Moscow State Pedagogical University, Branch in Ufa

Gasanov Magomed Magomedovich – Vice-Rector for Academic Affairs (Dagestan State University), Doctor of History, Professor

Gotovtseva Anastasiya Gennadevna – Doctor of Philology, Associate Professor, assistant professor of literary criticism of the Faculty of Journalism of the Institute of the media «Russian State University for the Humanities»

Dotsenko Dmitry Vasilevich – Candidate of Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva, Zheleznogorsk Branch

Zubova Yana Valerevna – Doctor of Social Sciences, Department of Management, Ukhta State Technical University, Branch in the city of Usinsk

Zulyar Yuriy Anatolevich – Head of the Department of Political Science and the Faculty of History of Russian history, Irkutsk State University, Doctor of History

Koptseva Natalia Petrovna – Doctor of Philosophy, Professor, Dean of the Faculty of Humanities Institute, Siberian Federal University

Kornilova Irina Valerevna – Doctor of History, Assistant Professor, Naberezhnye Chelny Institute of Socio-Educational Technologies and Resources

Litvin Aleksandr Alterovich – Doctor of History, Professor, Head of the Department of Museology, culture and tourism, Kazan (Volga) Federal University

Matsievskiy German Olegovich – Head of the Scientific Department of the Krasnodar State University of Culture and Arts, Doctor of History, Associate Professor

Mostitskaya Natalya Dmitrievna – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Moscow State University of Culture and Arts

Pokrishchuk Dmitriy Vladimirovich – Candidate of Political Sciences, Lecturer, Department of humanitarian and socio-economic disciplines Russian State Humanitarian University

Popovkin Andrey Vladimirovich – researcher in the Department of Ethnography, ethnology and anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East (IIAE FEB RAS), associate professor of the philosophy of the Far Eastern State Technical University, Candidate of Philosophy

Popovkina Galina Sergeevna – Senior Fellow of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of RAS (Vladivostok), Candidate of History

Pulkin Maksim Viktorovich – Candidate of History, Senior Researcher, Institute of Language, Literature and History of Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences, Associate Professor of the Department of Cultural, Petrozavodsk State University

Saenko Natalya Ryafikovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Volgograd State Pedagogical University

Serov Nikolay Viktorovich – Doctor of Cultural Studies, Professor of Philosophy and Cultural Studies St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

Sudovikov Mikhail Sergeevich – Doctor of History, Assistant Professor, Head of the department of national history, Federal State Educational Institution of Higher Professional Education «Vyatka State University of Humanities»

Shirokalova Galina Sergeevna – Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

HISTORY AND ARCHAEOLOGICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-1-7-15

УДК 373(091)

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИЕ ШКОЛЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Валитов А.А.

Цель. Статья посвящена исследованию развития церковно-приходских школ в поселениях Северо-Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Предметом анализа выступают церковно-приходские школы. Автор ставит целью изучить численность и раскрыть значение данных образовательных учреждений в поселениях региона.

Метод или методология проведения работы. Использовался конкретно-исторический подход к изучению поставленной проблемы, поскольку в ее основе лежит исторический отрезок времени, насыщенный конкретными фактами. Рассмотрены особенности становления и развития региональной структуры церковно-приходских школ и выделены ее характерные признаки.

Результаты. Автор, анализируя процессы возникновения и развития сети церковно-приходских школ в поселениях Северо-Западной Сибири, приходит к выводу, что они протекали противоречиво. С одной стороны, государственная политика поддержки данных школ создавала благоприятные организационные и адми-

нистративные условия, с другой стороны реалии Тобольского севера: огромные пространства, отсутствие коммуникаций, малочисленные населённые пункты, бедность местных жителей, наличие особой категории инородческого населения – все это тормозило процессы развития церковно-приходских школ.

Область применения результатов. Результаты исследования могут использоваться в дальнейшей научно-исследовательской работе, связанной с изучением дореволюционного образования.

Ключевые слова: *церковно-приходские школы; поселения; Северо-Западная Сибирь; образование; епархиальный училищный совет.*

PAROCHIAL SCHOOL NORTHWEST SIBERIA IN LATE XIX – EARLY XX CENTURY

Valitov A.A.

The aim of study. The article investigates the development of parochial schools in the North-Western Siberia settlements at the end of XIX – beginning of the XX century. The subject of analysis are the parochial schools. The author aims to explore and reveal the number value of the data of educational institutions in the settlements of the region.

The method of study. It used concrete historical approach to the study of the problem, since it is based on a historical period of time, full of concrete facts. The features of formation and development of the regional structure of parish schools and highlights its characteristic features.

Results of study. By analyzing the network processes of emergence and development of parochial schools in the settlements of the North-Western Siberia, it passes to the conclusion that they leaked contradictory. On the one hand, government policy support for these schools to create organizational and administrative conditions, on the other hand the realities of Tobolsk North: huge spaces, lack of communication, small settlements, poverty of local residents, the existence

of a special category inorodcheskogo population – all this hinders the process of ecclesiastical parochial schools.

The scope of the results. The results can be used in further research and development work related to the study of pre-revolutionary education.

Keywords: *parochial schools; settlement; North-Western Siberia; education; diocesan school boards.*

На рубеже XIX–XX вв. в Российской империи набирали темп модернизационные процессы. Происходившие изменения затронули сферу образования, выполнявшую важнейшую социокультурную функцию. Исследование ограничено Березовским, Сургутским уездом, которые географически обозначаются как Северо-Западная Сибирь. Данный регион имел особые природно-географические, административные и демографические характеристики. В исследуемый период на этой территории с одной стороны сохранялись феодальные отношения, с другой – в наиболее развитые поселения стал проникать капитализм.

В целом вопросам образования на Тобольском Севере уделили внимание следующие авторы О.И. Еремеева, А.И. Татарникова, И.С. Томилов, Д.Ю. Федотова, В.В. Цысь, О.П. Цысь [1, 4, 9, 11]. Церковно-приходские школы изучались в единой системе начального образования, не выступая самостоятельным объектом исследования.

В исследуемый период система начального образования в Северо-Западной Сибири была представлена школами церковного и светского ведомства. Важным условием, способствующим возникновению и эволюции церковных образовательных учреждений в регионе, стал выход в свет новых «Правил о церковно-приходских школах» 1884 г. [8]. Таким образом, на законодательном уровне было оформлено создание ЦПШ – начальных общеобразовательных учреждений православного типа.

В исследуемый период в крае возникли и действовали следующие виды школ: двух и одноклассные церковно-приходские, школы грамоты.

Централизованное управление церковно-приходскими школами в регионе принадлежало Тобольскому епархиальному училищному совету (создан 30 ноября 1884 г.). В 1888 г. на территории Тобольской епархии было открыто 12 уездных отделений епархиального совета в их числе Березовское и Сургутское [10, с. 61].

Березовский и Сургутский округа занимали площадь 1 032 656 кв. верст, все остальные округа Тобольской епархии – всего 356 322 кв. верст. В большинстве приходов северных округов не было открыто церковных школ, основными причинами являлись малочисленность жителей и отсутствие средств у населения на открытие и содержание школ [10, с. 61].

В целях реализации «Правил», в крае стали возникать школы: в 1885 г. Кондинская при Свято-Троицком монастыре, при действующих храмах в 1886 г. Сургутская, Обдорская, Кушеватская, Ларьякская, чуть позже открылись Мужеская (1887.), Шеркальская (1889), Чемашевская (1889), Сосьвинская (1889), Щекурьякская (1893 г.) [3, л. 200].

Таким образом, в первое десятилетие действия «Правил» в Сургутском и Березовском уезде были открыты шесть церковно-приходских и три школы грамоты. Следует отметить, что учреждению и успешной деятельности церковно-приходских школ на Тобольском Севере, не хватало подготовленных педагогических кадров, существовали финансовые и иные трудности. Вновь открытые школы действовали очень короткое время от года до двух лет, затем они прекращали свое существование. Хотя, через несколько лет могли вновь открыться. Например, Ларьякская школа периодически открывалась и закрывалась, так она действовала в учебные годы в период 1886–1887 гг., 1889–1898 гг. [10, с. 61]. В 1897–1898 гг. были открыты церковно-приходские школы в с. Ваховском (Локосово), Верхне-Лумпокольском и Нижне-Лумпокольском, в 1902 г. – в с. Юганском.

Наблюдателем церковных школ Сургутского стал благочинный Сургутского округа священник Стефан Тверитин, Березовского –

священник Иоанн Сургутсков. Основной задачей наблюдателей стало инспектирование подведомственных школ. В функции наблюдателя входило материальное снабжение школ (выплата зарплаты учителям, постройка школ, приобретение учебных пособий и др.), наблюдение за преподаванием в церковных школах, участие в экзаменационных комиссиях и предоставление отчетов в Тобольский епархиальный училищный совет.

Анализируя персональный состав уездных отделений епархиального училищного совета в период с 1884–1896 гг., видно, что большую часть членов отделения составляли представители духовенства и учителя. Так в 1888–1889 г. в Березовском отделении состояли: благочинный, священник И. Сургутсков (председатель), штатный смотритель Березовских училищ В.И. Рачинский, священник И. Федюшин, и И. Киановский; Сургутского: благочинный, священник С. Тверитин (председатель, казначей, секретарь), учитель Сургутского приходского училища Ф.К. Зобнин [7, с. 78].

Следует отметить, что существенную помощь в открытии и финансировании церковных школ оказывали представители государственных и местного органов управления региона. Так, содержанием и основным жертвователем на нужды церковных школ Сургутского уезда был местный уездный исправник Г.А. Пирожников, в Березовском уезде – Л.Н. Ямзин [11, с. 112].

В целом существенная нагрузка, связанная с управлением общеобразовательными учреждениями, приходилась на епархиального наблюдателя за церковными школами, которые должен был периодически проверять их состояние в ходе инспекционных поездок, что в условиях Севера Западной Сибири было затруднительно. Например, в 1913–1914 учебном году Сургутский уездный наблюдатель пробыл в пути 30 дней, преодолев в общей сложности 1 714 верст, некоторые школы он посещал неоднократно. В двух учебных заведениях он присутствовал на выпускных экзаменах.

Березовский уездный наблюдатель за это же время совершил три поездки, побывав в девяти школах [3, л. 234]. В 1914–1915 учебном году Сургутский и Березовский уездные наблюдатели неоднократно посещали церковно-приходские школы [5, с. 29]. В 1915–1916 учебном году наблюдатели посещали все церковные школы Тобольского севера минимум по одному разу [6, с. 78].

Следует согласиться с выводами А.И. Татарниковой, что чем севернее находилось то или иное поселение ослабевала плотность школьной сети. «Так, в Тобольском уезде образовательное учреждение имелось в каждом 13-м поселении, в Березовском уезде – в 20-м, в Сургутском – в 38-м» [9, с. 398].

Таким образом, процессы возникновения и развития сети церковно-приходских школ в поселениях Северо-Западной Сибири, проходили противоречиво: с одной стороны поддержка данных школ со стороны государственных и церковных институтов создавала благоприятные организационные и административные условия, с другой стороны реалии Тобольского севера: огромные пространства, отсутствие коммуникаций, малочисленные населённые пункты, бедность местных жителей, наличие особой категории инородческого населения – все это тормозило процессы развития церковно-приходских школ.

Несмотря на это, в поселениях, расположенных на территории края, возникли и успешно действовали церковно-приходские школы, хотя численность их в исследуемый период едва достигла двух десятков. При этом они давали возможность приобщения детей школьного возраста к образованию и культуре.

Работа поддержана программой УрО РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» № 15-13-4-11.

Список литературы

1. Валитов А.А., Томилов И.С., Федотова Д.Ю. Влияние модернизационных процессов на трансформацию образовательной инфраструк-

- туры поселений Северо-Западной Сибири позднеимперского периода // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2015. № 12. С. 93–96.
2. Государственное бюджетное учреждение Тюменской области в г. Тобольске (далее ГБУТО ГА в г. Тобольске) Ф. 156. Оп.11. Д. 1523.
 3. ГБУТО ГА в г. Тобольске Ф. 61. Оп.1. Д.19.
 4. Еремеева О.И. Свет и тени. Очерки истории духовной культуры народов Северо-Западной Сибири в начале XX в. Тюмень, 2004.
 5. Отчет о церковно-приходских школах Тобольской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1914–1915 учебном году // Школьный листок приложение при Тобольских епархиальных ведомостях (далее ШЛ при ТЕВ) 1916. N 4.
 6. Отчет о церковно-приходских школах Тобольской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1914–1915 учебном году // ШЛ при ТЕВ. 1917. N 10.
 7. Отчет Тобольского епархиального училищного совета о церковно-приходских школах и школах грамоты в Тобольской епархии за 1892 / 93 учебный год. отдел неофициальный // Тобольские епархиальные ведомости (далее ТЕВ). 1894. N 7–8.
 8. Правила и программы для церковно-приходских школ и школ грамоты. СПб, 1894.
 9. Татарникова А.И. Образовательные учреждения в сельских поселениях Западной Сибири конца XIX – начала XX вв. // *Фундаментальные исследования*. 2014. N 12. С. 397–401.
 10. Церковно-приходские школы Тобольской епархии. отдел неофициальный // ТЕВ. 1890. N 3–4.
 11. Цысь В.П., Цысь О.П. Образование и просвещение на Севере Западной Сибири в XIX – начале XX вв. Нижневартовск, 2011.

References

1. Valitov A.A., Danilov I.S., Fedotov D.Y. Vlijanie modernizacionnyh processov na transformaciju obrazovatel'noj infrastruktury poselenij

- Severo-Zapadnoj Sibiri pozdneimperskogo perioda [The impact of modernization processes in the transformation of the educational infrastructure of the settlements of the North-West Siberia late imperial period]. *Alma mater (Vestnik vysšej shkoly)* 2015. № 12, pp. 93–96.
2. GBUTO GA v g. Tobol'sk – *Gosudarstvennoe bjudzhetnoe uchrezhdenie Tjumenskoj oblasti «Gosudarstvennyj arhiv v g. Tobol'ske»* [State budgetary institution of the Tyumen region, “the State Archives in Tobolsk”]. F. 156. Op.11. D. 1523.
 3. GBUTO GA v g. Tobol'sk – *Gosudarstvennoe bjudzhetnoe uchrezhdenie Tjumenskoj oblasti «Gosudarstvennyj arhiv v g. Tobol'ske»* [State budgetary institution of the Tyumen region, “the State Archives in Tobolsk”]. F. 61. Op.1. D.19.
 4. Eremeeva O.I. *Svet i teni. Oчерki istorii duhovnoj kul'tury narodov Severo-Zapadnoj Sibiri v nachale XX v.* [Light and shade. Essays on the history of the spiritual culture of the North-Western Siberia peoples at the beginning of the XX century.]. Tyumen, 2004.
 5. *Otchet o cerkovno-prihodskih shkolah Tobol'skoj eparhii v uchebno-vospitatel'nom otnoshenii za 1914–1915 uchebnom godu* [Report of the parochial schools of the Diocese of Tobolsk in the educational relation of the 1914–1915 academic year]. *Shkol'nyj listok prilozhenie pri Tobol'skih eparhial'nyh vedomostjah*. 1916. N 4.
 6. *Otchet o cerkovno-prihodskih shkolah Tobol'skoj eparhii v uchebno-vospitatel'nom otnoshenii za 1914–1915 uchebnom godu*. [Report on the parochial schools of the Diocese of Tobolsk in the educational relation of the 1914–1915 academic year]. *Shkol'nyj listok prilozhenie pri Tobol'skih eparhial'nyh vedomostjah*. 1917. N 10.
 7. *Otchet Tobol'skogo eparhial'nogo uchilishhnogo soveta o cerkovno-prihodskih shkolah i shkolah gramoty v Tobol'skoj eparhii za 1892 / 93 uchebnyj god. otdel neoficial'nyj* [Report of Tobolsk Diocesan school boards of parochial schools and school diplomas in Tobolsk diocese for

- the 1892/93 academic year. informal department]. *Tobol'skie eparhial'nye vedomosti*. 1894. N 7–8.
8. *Pravila i programmy dlja cerkovno-prihodskih shkol i shkol gramoty* [Rules and programs for parochial schools and grammar school]. SPb, 1894.
 9. Tatarnikova A.I. *Obrazovatel'nye uchrezhdenija v sel'skih poselenijah Zapadnoj Sibiri konca XIX – nachala XX vv.* [Educational institutions in rural areas of West Siberia late XIX – early XX centuries]. *Fundamental'nye issledovanija*. 2014. N 12, pp. 397–401.
 10. *Cerkovno-prihodskie shkoly Tobol'skoj eparhii. otdel neoficial'nyj* [Parochial school Tobolsk diocese. informal department]. *Tobol'skie eparhial'nye vedomosti*. 1890. N 3–4.
 11. *Cys' V.P., Cys' O.P. Obrazovanie i prosveshhenie na Severe Zapadnoj Sibiri v XIX – nachale XX vv.* [Education and awareness in the North of Western Siberia in the XIX – early XX centuries.]. Nizhnevartovsk, 2011.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Валитов Александр Александрович, к.и.н., ведущий научный сотрудник
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН
ул. Академика Осипова, 15, г. Тобольск, Тюменская обл., 626152,
Российская Федерация
assas11@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Valitov Alexander Aleksandrovich, Ph.D., Leading Researcher
Institution of the Russian Academy of Sciences Tobolsk Complex Scientific Station Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
15, Academician Osipov Str., Tobolsk, Tyumen Region, 626152,
Russian Federation
assas11@mail.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ STUDIES IN PHILOLOGY

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-1-16-27

УДК 811.35: 0-11: 81.40

О ДЕШИФРОВКЕ ТЕОНИМОВ ТАПАРНА И ШИБЛЕ В ХАТТСКОМ И АБХАЗО-АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ (СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗЫ)

Абазов А. Ч., Никитина Н. Н.

В данной статье делается попытка реконструкции абхазо-адыго-хатто-хеттских параллелей на основе анализа мифологии и пантеона богов, еще не получивших достаточного освещения в науке. В рамках доступного языкового материала современных абхазо-адыгских языков авторами предпринимается дешифровка хаттского языка на основе внутренней и внешней реконструкции теонимов в сравнении с пантеоном богов абхазо-адыгского ареала.

Ключевые слова: *дешифровка; хеттский; хеттология; этимология; реконструкция; семантика; адыговедение; кавказоведение; мифология; теонимы; языковые параллели.*

ON THE DECODING OF THEONYMS OF TAPARNA AND SHIBLE IN THE HATTIC AND ABKHAZ-CIRCASSIAN LANGUAGES (COMPARATIVE, HISTORICAL AND CONTRASTIVE ANALYSES)

Abazov A. Ch., Nikitina N. N.

The paper is an attempt to carry out the reconstruction of Abkhaz-Circassian-Hattic-Hittite parallels based on the analysis of mythology and

deity pantheon that have not been thoroughly studied so far. The authors are aimed at decoding the Hattic language on the basis of internal and external reconstruction of theonyms in comparison with the deity pantheon of the Abkhaz-Circassian area. The study is carried out within the limits of available language material of modern languages.

Keywords: *decoding; Hittite; Hittite studies; etymology; reconstruction; semantics; Circassian studies; Caucasian studies; mythology; theonyms; linguistic parallels.*

Дешифровка хаттского языка, его лексики и семантики находится в зачаточном состоянии, в отличие от достаточно хорошо изученного хеттского языка, несмотря на то, что племена хаттов тесно соприкасались с хеттами – носителями первого индоевропейского языка [2, с. 26]. Хеттский язык восходит к хаттскому, языку страны Хатти, который ко II тыс. до н.э. присутствует лишь в высказываниях жрецов в различных религиозных культах. По мнению учёных, хаттский язык письменности не имел, сохранились обращения к богам, вкраплённые в хеттские клинописные тексты, они понятны только тогда, когда снабжены хеттским переводом [7, с. 570]. Объективную оценку современной научной интерпретации хаттского языка пока давать рано в связи с тем, что значение хаттских слов до конца не определено, не прочитан и язык. Последний вряд ли стоит исключать из так называемого алфавита единого праязыка, который являлся субстратом индоевропейских языков. В пользу данной гипотезы свидетельствует высказывание С.А. Старостина о том, что «носители прасеверокавказского языка уже к моменту его распада находились на довольно высоком уровне развития» [11, с. 310]. Хетты переняли от культур древней Передней Азии письменность, религиозные верования, мифы. Даже имя своё заимствовали от хаттов [15, с. 64]. Закономерно встаёт вопрос, не

был ли хеттский язык по сути своей хаттским, учитывая его древность. На наш взгляд, требуется дальнейшее лингвистическое исследование данного вопроса.

В среде учёных-компаративистов существует точка зрения о принадлежности хаттского языка к северокавказской языковой семье, свидетельством чему являются уже доказанные гипотезы о связи некоторых элементов хаттской лексики с северокавказскими элементами [4, с. 5, 13, с. 311]. Вместе с тем, хаттский язык рассматривается как отдельный кластер сино-кавказской языковой семьи [6, с. 169]. Однако сложность доказательств состоит в фонетическом облике формантов, слишком мало сведений об их значении, не создана база звукового строя хаттского языка, хотя делаются попытки и в этом направлении. В связи с означенной проблемой можно упомянуть работу А.П. Тихоновой. Автором исследуются звуковые корреляции согласных, существующих в хаттском и абхазо-адыгских языках. [12, с. 81–85]. Трудность дешифровки хаттского языка, условно названного большинством учёных протохеттским, фрагменты которого предворяются словом hattili, заключается, прежде всего, в том, что это – язык, который существовал ещё до сооружения Вавилонской башни, когда на земле был один язык и один народ [9, с. 27]. Сохранив в какой-то степени лексический минимум, хаттский впоследствии утратил много старых доиндоевропейских лексем в связи с различного рода запретами, связанными с его использованием. Запретным было, например, наименование «дуба», по-индоевропейски «perkuos», как олицетворение силы, мощи, утрачено и название медведя (символ неба), сохранилось только в термине «Арктика» [7, с. 460]. В нашем исследовании важно подчеркнуть, что «дуб» в ряде традиций выступает как мировое дерево и как дерево громовержца [8, т. 2. с. 355]. Корень PAR, скорее всего, в значении «блестящий», «ис-

кровой», по нашему мнению, является доиндоевропейским. Он дошёл до нас в имени Перуна. В славянской мифологии Перун – бог грозы, власть которого простиралась не только на небо, но и на землю, и имеет прямое отношение к нашей теме, так как связан с именем бога TAPARNA. Наличие слова TANA (каб.-черкесс. яз. «теленок», абаз. яз. «телёнок») в слове TA-PAR-NA (сложение первого и третьего слога) не только не противоречит хаттской этимологии, но и позволяет её поддержать, так как даёт возможность установить гипотетическую связь адыгского и абазинского названия быка с хаттским. Вообще, культ быка был весьма распространён в Древнем мире. Бык – прозвище бога Илу – творца богов людей, мироздания и всего сущего [16, с. 111]. В теониме TAPARNA усматривается и компонент PAR, состоящий из адыг. основы «-ппэ» в значении «жар», «огонь» и суффикса – р со словообразовательным значением «признак, имеющий отношение к тому, что названо производящим словом» [5, с. 25], в целом значит «большой жар». Основа «-ппэ» в указанном значении выступает в составе таких слов как «ттэппы» (адыгейское), «дэпп» (кабардинское) – «частичка жара». Сказанное даёт нам право видеть в форме TAPARNA бога, дающего частички жара, т.е. ярко сверкающего. Теория множественной этимологии, разработанная В.Н. Топоровым, даёт нам возможность прочитать слово TAPARNA и как PATAR-NA. Хатты, по всей видимости, как и хетты, «не слишком стремились упорядочить расположение иероглифических знаков: у них знаки как бы плавают между строк, линейная последовательность нарушается» [15, с. 565]. В связи с этим вызывает интерес герм. слово FATAR, равнозначное индоевропейскому корню PƏTER, в значении «отец», последнему учёные уделяли много внимания [13, с. 18–29]. Очевидна и санскр. форма – PĪTAR в том же значении. Понятие «отец» присутствует в терминологии родственных отно-

шений различных народов на ранних стадиях их развития и играет огромную роль в мифологии различных народов. Не следует полагаться на одно значение слова «отец» как «глава семьи». Закономерно предположить существование исторически разновременных, но не вытеснивших друг друга значения, в религиозном понятии «отец» – БОГ, отголосок значения подсказывает нам третий компонент NA (на – хаттск. «глаз, око», при прочтении его методом бустрофедона – тип письма с переменным направлением строки, мы получаем шум. AN – «небо», следовательно, TAPARNA – бог неба. Имеет смысл, отталкиваясь от выдвинутой этимологии Боппа – FATAR <PA «охранять, защищать» + TAR «подземный мир», (с языка аранта, существовавшего в первобытном обществе, где уровень цивилизации влиял больше на структуру языка, чем в европейских языках, мнение А. Соммерфлета [13, с. 159] предположить прочтение теонима TAPARNA как бога – «защитника неба и подземного мира». Понятие «отец» присутствует в космогонии древних, архаичной картине построения макро- и микрокосмоса. Хаттское слово TA – «отец», ад. ат(э) – «отец», хаттск. BAR «большой» («различие p-b не имеет фонематического значения», ад. «бырэ» – «большой»), [12, с. 83], + нэ (словообразовательный суффикс со значением «предмет, характеризующийся тем, что названо производящим словом» [5, с. 59] дает право перевести как «большой отец», т.е. «могущественный отец». Вызывает интерес germ. FATAR в значении «отец». Следует отметить, среди хаттских и абхазо-адыгских соответствий со звуком F практически не встречаются [12, с. 83], этот звук более позднего происхождения. К.В. Ломтатидзе считает, **ф**, **фI** образованы из шьу, шьIу [цит. по 15, с. 19]. Глухой придыхательный РН в индоиранском образован глухим Р и ларингальным [13, с. 19], т.е. F <P. Таким образом, уже известное слово FATAR и инд.-евр. PETER – PAT+AR (второй ком-

понент «ар» в кабардинском языке («он», «она», «оно» или «это») – «он отец», «он бог», «это отец», «это бог» согласно реконструкции, является основой значения и первым смыслом. Это наводит на мысль, что данный корень является доиндоевропейским. Исходя из этого, можно предположить, что значение «отец» было древнейшим. Вероятно, можно считать, что значение «отец» является конкретизацией понятия «Бог». Впрочем, и слав. *bat(j)a* <*pǣter* – «отец», «батюшка» – «отец, духовный отец» обозначает не физическое отцовство, а имеет социальное значение. И это значение является исконным и первоначальным.

Вспомним имена египетских богов «Птах» и «Бата», часто упоминающихся в текстах библских спатул XIX в. до н.э. Бог «Птах» был одним из главных богов, творец всех богов и мира. В древнеегипетских текстах встречается коллективное имя существительное, используемое для описания некоего специфического клана, жившего на заре эры фараонов. Слово это – «Пату» и все принадлежащие к этому клану именовались «ири-пат», что означало «один из потомков Пата». Ири-пат считались потомками выходцев из Шумера. Их древнейшие вожди выводили свою родословную по прямой линии к самому Адаму [10, с. 388–389]. Упомянутая выше санскр. форма – *PĪTAR* и древнеегипетская Ири-пат прозрачны в этимологическом плане, значения которых – «отец». В этой связи отметим, что слово «пЫтІу», близкое по звучанию к «Пату» нередко встречается и сейчас в кабардинском языке. Речь идет о запретах на имена и термины родства, даже имена детей были, в известном смысле, запретными для адыгов. Отсюда типичные для тех или иных регионов вторичные детские имена у кабардинцев: ПЫтІэ, ПЫтІу. Запретным было и имя бога *TAPARNA*.

Всё это говорит о значимости этого бога. К хаттскому богу *TAPARNA* восходит и бог грозы у адыгов – *Shible*. Лексика адыг-

ских языков отражает эпоху их языческого верования в небо как главного бога [1, с. 45]. Процесс сосуществования TAPARNA и SHIBLE объясняется несколькими причинами. Во-первых, выявляется наличие двух языков – сакрального (hattili) и просто хаттского разговорного. Большого различия между этими языками нет и не было, как и между церковнославянским и славянским. Слова SHIBLE, значение которого мы рассмотрим ниже, и TAPARNA, по всей видимости, затрагивают глубинные ассоциативные связи, отражавшие человеческое мышление в глубокой древности, и выражают понятие Бога. Основным выразителем понятия SHIBLE выступает, на наш взгляд, базовый компонент ŠNA > ŠNI, имевший семантику «верх», «то, что наверху» [5, с. 150] (ср. лексические соответствия, установленные Вяч. Вс. Ивановым на материале хаттск. (WAŠHAB «БОГИ»), адыгск. (Уащхъо – «небесный свод»), кабард. (Уащхуэ – «вышина неба, небесная синева») языков [8, с. 6]. Не исключено, что кабардинское слово Тхъэ «бог» образовалось из двух лексем ТА + НА, (хаттск. ТА «отец» + хаттск. ŠНА «верх»), «бог, который находится наверху». Интересно отметить у кабардинцев за словом SHIBLE закрепилось значение «молния», у адыгейцев – «гром». Основа «блэ» в форме шиблэ имеет семантику «искра», [5, с. 151]. Семантический элемент блэ сопоставим с глаголом блэн – «гореть», «светить» (ср. абх. А – былра (а – блыра) «гореть», «жечь», абаз. былра «гореть», «светить», «жечь» [14, с. 99] По -видимому, форма шиблэ состоит из шы – «верх» + блэ «искра» в причастном значении от глагола блэн «светить», что значит «верх светящийся», т. е. речь идёт о боге светящемся, о молнии.

Внутренняя реконструкция семантики «сверкающий», «светящийся» у хаттского корня ТАР (правостороннее чтение ад. ттэппэ – «жар», «огонь», каб. дэпп – «частички жара») подтверждается наличием слова блэ «искра» с таким же значением в кабардинском

языке. В сочетании с названием ARNA,– «мужской», «энергичный» (АР «мужчина», «энергия» + суффикс NA (НЫ) «признак, имеющий отношение к тому, что названо производящим словом» [5, с. 129], значит – «мужской», «энергичный», в целом получаем хаттскую форму TAPARNA, как «энергичный разряд огня», т.е. разряд атмосферного явления – молнии.

Лингвистический анализ слова TAPARNA показывает, что оно возникло в глубокой древности и имело значение «верховного Бога грозы». TAPARNA – доиндоевропейский бог. Предложенная транскрипция TAPARNA с фонетической точки неточна (правильная на материале абхазо-адыгских языков – ТТЫППЫРНЭ) и поэтому затрудняет прочтение данного слова, «ставит почти непреодолимые препятствия интерпретации хаттского языка» [3, с. 169]. Очевидна связь хаттского языка с абхазо-адыгскими. Не следует исключать возможность признания хаттского языка как субстрата индоевропейских языков. По-видимому, индоевропейский корень PER <хаттск. ПЫ+РЫ, рассмотренный нами выше, ср. также индоевропейский корень BER в значении «блестящий», «светящийся»» (фонетическое соответствие В и Р) = адыгскому корню БЛЭ (хаттск. R> L в кабардинском языке, наблюдается процесс диссимиляции).

Таким образом, дешифровка теонима TAPARNA предпринята с целью показать историческую преемственность между формами хаттской (культовой) речи и современной абхазо-адыгской.

Сравнение и сопоставление лексем в историческом плане способствовало более глубокому пониманию языка и культуры древних народов, населявших Малую Азию и Северный Кавказ в обозримом прошлом.

Подводя итоги, необходимо отметить, что теонимы TAPARNA и SHIBLE сохранили семантическую связь на уровне лексем. Сакральный язык hattili – табуированный, что привело к замене

теонима TAPARNA описательными словами – эпитетами, сочетающие божественные знаки: «сверкающий бык», «отец неба», «защитник неба и подземного мира», «всемогущий отец», «он отец», «большой отец», «отец бык», «око отца», «сверкающий бог», «бог молнии», что подтверждается их мифопоэтикой – соответствием мифо- и лингвообраза.

Список литературы

1. Балкаров Б.Х. Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик: Нарт, 1991. 127 с.
2. Вейнберг И.П. Человек в культуре древнего Ближнего Востока. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1986. 208 с.
3. Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. Издательство «Наука», Москва. 1967. 494 с.
4. Иванов Вяч. Вс. Интерпретация хаттско-хеттского строительного ритуала (в свете данных внешнего сравнения) // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. 311 с.
5. Иваноков Н.Р. Избранные труды. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2015. 360 с.
6. Касьян А.С. Хаттский язык // Языки мира: Древние реликтовые языки Передней Азии / РАН. Институт языкознания. Под. ред. Н.Н. Казанского, А.А. Кибрика, Ю.Б. Корякова. М.: Академия. 2010. 240 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.
8. Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Советская Энциклопедия, 1991. Т. 1. 671 с. Т. 2. 719 с.
9. Мельничук А.С. О всеобщем родстве языков мира // ВЯ, 1991. №2, 3. 27–42 с., 46–65 с.
10. Рол Д. Генезис цивилизации. Откуда мы произошли. М.: Эксмо, 2002. 480 с.

11. Старостин С.А. Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. 928 с.
12. Тихонова А.П. Звуковые корреляции согласных и гласных в хаттском и абхазо-адыгских языках // Вестник ШШэныгъэгъуаз Адыгейского государственного университета. 2014. №2 (140). С. 81–85.
13. Трубочёв О.Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М.: Издательство АН СССР, 1959. 212 с.
14. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. Т. II. М.: Издательство «Наука», 1977. 223 с.
15. Энциклопедия для детей: Т. 1 (Всемирная история). М.: Аванта+, 1994. 704 с.
16. Энциклопедия для детей. Т. 6, ч. 1. Религии мира. М.: Аванта+, 1996. 720 с.

References

1. Balkarov B.Kh. *Adygskie elementy v osetinskom yazyke* [Adyghe elements in the Ossetian language]. Nalchik: Nart, 1991. 127 p.
2. Veynberg I.P. *Chelovek v kul'ture drevnego Blizhnego Vostoka* [The man in the culture of the ancient Near East]. M.: Home Edition Oriental Literature publishing house "Science", 1986. 208 p.
3. D'yakonov I.M. *Yazyki drevney Peredney Azii* [Languages of ancient Asia Minor]. Publisher "Nauka", Moscow. 1967. 494 p.
4. Ivanov V.V. Interpretatsiya khattsko-khettskogo stroitel'nogo rituala (v svete dannykh vneshnego sravneniya) [Interpretation Hitt-Hittite building ritual (in the light of an external comparison data)]. *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure]. M.: Nauka, 1983. 311 p.
5. Ivanokov N.R. *Izbrannye Trudy* [Selected Works]. Nalchik: Publisher M. and V. Kotlyarov, 2015. 360 p.
6. Kas'yan A.S. *Khattskiy yazyk* [Hattic language]. *Yazyki mira: Drevnie reliktovye yazyki Peredney Azii* [Languages of the World: Ancient re-

- ic languages of the Near East] / RAS. Institute of Linguistics. Under N.N. Kazansky, A.A. Kibrik, Yu.B. Koryakov (ed.). M.: Academy. 2010. 240 p.
7. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Lingvistic Encyclopedic Dictionary]. M.: Soviet Encyclopedia, 1990. 682 p.
 8. *Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of nations of the world. Encyclopedia]. M.: The Soviet Encyclopedia of 1991. V.1. 671 p., Vol. 2. 719 p.
 9. Mel'nichuk A.S. O vseobshchem rodstve yazykov mira [About universal kinship of languages]. *VYa*, 1991. №2, 3, pp. 27–42, pp. 46–65.
 10. Rol D. *Genezis tsivilizatsii. Otkuda my proizoshli* [Genesis of civilization. Where did we come from]. M.: Eksmo, 2002. 480 p.
 11. Starostin S.A. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works on linguistics]. M.: Slavic Cultures Languages, 2007. 928 p.
 12. Tikhonova A.P. Zvukovye korrelyatsii soglasnykh i glasnykh v khattskom i abkhazo-adygskikh yazykakh [Sound correlation of consonants and vowels in Hattese and Northwest Caucasian languages]. *Vestnik Shlenygeguaz Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. №2 (140), pp. 81–85.
 13. Trubachev O.N. *Istoriya slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneyshikh terminov obshchestvennogo stroya* [History of Slavic kinship terms and some of the oldest terms of the social system]. M.: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1959. 212 p.
 14. Shagirov A.K. *Etimologicheskii slovar' adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [Etymological dictionary Adyghe (Circassian) language]. V. II. M., 1977. 223 p.
 15. *Entsiklopediya dlya detey* [Encyclopedia for Kids]: Volume 1 (World History). M.: Avanta +, 1994, 704 p.
 16. *Entsiklopediya dlya detey* [Encyclopedia for Children]. V. 6 P. 1. The religions of the world. M.: Avanta +, 1996, 720 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Абазов Альбек Чамирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и фольклора народов Северного Кавказа Института истории, филологии и СМИ
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
ул. Чернышевского, 173, г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, 360004, Российская Федерация
albekabazov@yandex.ru

Никитина Надежда Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой и романской филологии Института истории, филологии и СМИ
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
ул. Чернышевского, 173, г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, 360004, Российская Федерация
nikitina_nadejda@rambler.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Abazov Albek Chamirovich, Ph.D. (Philology), Assistant Professor of Literature and Folklore of Northern Caucasia Chair
Kabardino-Balkarian State University
173, Chernyshevsky Str., Nalchik, 360004, Russian Federation
albekabazov@yandex.ru

Nikitina Nadezhda Nikolaevna, Ph.D. (Philology), Associate Professor of Department of German and Romance Philology
Kabardino-Balkarian State University
173, Chernyshevsky Str., Nalchik, 360004, Russian Federation
nikitina_nadejda@rambler.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-1-28-36

УДК 81

РОЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ В РАСКРЫТИИ СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТОВ

Артемьева Ю.В.

Цель: установить роль изучения вербальных ассоциаций в раскрытии содержания концептов.

Метод проведения работы: теоретический анализ, ассоциативный эксперимент.

Результаты: на основе теоретико-эмпирического анализа установлена роль изучения вербальных ассоциаций в раскрытии содержания концептов.

Область применения результатов: психолингвистика.

Ключевые слова: вербальные ассоциации; ассоциативный эксперимент (АЭ); концепт; содержание концепта; концептуализация.

THE ROLE OF VERBAL ASSOCIATIONS STUDYING IN CONCEPT MEANING DISCLOSING

Artemyeva Julia.V.

Purpose: to determine the role of verbal associations studying in concept meaning disclosing.

Methodology: theoretical analysis, association experiment.

Results: on the basis of theoretical analysis and practical implementation the role of verbal associations studying in concept meaning disclosing is determined.

Practical implication: psycholinguistics.

Keywords: *verbal associations; association experiment (AE); concept; concept meaning; conceptualization.*

Несмотря на существенный скачок в развитии современных технологичных наук, по-прежнему не ослабевает интерес исследователей к человеческому мировосприятию, пониманию окружающих нас процессов.

При исследовании проблемы отражения картины мира в человеческом языке обычно исходят из простой триады: окружающая действительность, отражение этой действительности в мозгу человека и выражение результатов этого отражения в языке. Язык не копирует реальность, а лишь определённым образом отражает процесс её познания человеком. Первичная система репрезентации даёт модель мира, основанную на чувственных данных, памяти, интроспекции и проприоцептивной обратной связи. Вторичная система репрезентации даёт модель этой модели, в которой мир и наши действия в нём выражаются, или потенциально могут быть выражены словами. Это значит, что сначала наше чувственное восприятие мира накладывается на концептуальную репрезентацию, а затем эта концептуальная репрезентация накладывается на языковую репрезентацию [6, 9].

Итак, языковая картина мира (ЯКМ) рассматривается как важная составная часть общей концептуальной модели мира в сознании человека, т.е. совокупности его представлений и знаний о мире. Существенная часть концептуальной системы человека состоит из концептов, известных ему в языковой форме. Проблема ЯКМ понимается в таком случае как проблема вклада языка и языковых категорий в разработку и создание глобальных принципов восприятия и членения мира.

При постановке цели исследования вербальных ассоциаций и постановки задач представляется необходимым рассмотреть участие языка в процессах, связанных с картиной мира. К этому приводит ряд известных постулатов:

- 1) один из наиболее глубинных слоёв картины мира – языковой – формируется в её недрах; «Картина мира, заключенная во всей семантической системе языка, есть продукт познавательной деятельности человека» [5, 59], результат его интерпретации мира [1, 6];
- 2) при помощи языка происходит означивание основных элементов концептуальной картины мира и становится возможной экспликация других картин мира [9, 11];
- 3) являясь как бы звуковой книгой, в которой запечатлены все пути понятийного усвоения мира человеком на всем протяжении его истории [5, 24], язык, аккумулируя человеческий опыт, знания и умения, превращает опыт индивида в коллективное достояние и позволяет объединить все картины мира всех эпох в единое целое (то есть именно посредством языка происходит интеграция различных картин мира и трансляция их во времени). «Кумулятивная (культуроносная) функция языка состоит в том, что он обеспечивает «связь времен», являясь хранилищем коллективного опыта» [2, 10].

Между мыслью и словом лежит этап номинации, связывающий мир действительности с миром языка и устанавливающий корреляцию между предметом и выбранным для его номинации звуковым отрезком [7, 8]. Анализ языковых явлений помогает исследовать мыслительные процессы по категоризации свойств и функций вещей, образы которых объективируются вербальными знаками. Из всего необозримого богатства воспринимаемого мира «в акте номинации получают название лишь те объекты, на которые направлена деятельность человека. Сами объекты могут принадлежать миру вещному и миру внутреннему, они могут составлять равно принадлежность мира действительного и мира вымышленного, выдуманного, но название дается «остановленной мысли» об объекте» [7, 36]. Наделяя языковой

знак значением, в котором отражается когнитивное расчленение реальности, человек устанавливает и круг способов его употребления.

В основе словесно-знакового представления о предмете или явлении и их классах лежит, как правило, только один признак (не всегда самый существенный), который становится представителем всего класса предметов или явлений в его целостности. В этом проявляется универсальность механизма номинации – единичное становится представителем общего. При этом сам процесс выделения этого признака при номинации и способ описания предмета или явления не определяется его свойствами, а целиком детерминирован культурой и наиболее значимыми ценностями, выработанными данным социумом. Последние, в свою очередь, обусловлены особенностями развития этой социолингвокультурной общности – бытом, традициями, географической средой и т.д. Это означает, что причина нетождественной вербальной категоризации действительности в различных языках лежит за пределом языка, так как обусловлена общей практикой и отношением человека к предмету или явлению мира на определённой ступени овладения этим миром. «Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а разные видения ее [3, 312]. «В системе языковых названий отражается склад ума не только носителя языка, но в известном смысле и его языкового сообщества как особой этнической группы» [4, 158].

Как уже было отмечено выше, восприятие окружающего мира отчасти зависит от культурно-национальных особенностей носителей конкретного языка. Поэтому с точки зрения этнологии, лингвокультурологии и других смежных областей наиболее интересным является установление причин расхождений в языковых картинах мира, а эти расхождения действительно существуют. Решение такого вопроса – это выход за пределы лингвистики и углубление в тайны познания мира другими народами. Существует огромное множество причин таких расхождений, но только несколько из них представляются види-

мыми, а поэтому – основными. Можно выделить три главнейших фактора или причины языковых различий: природа, культура и познание.

Итак, наилучшим способом конкретизации представления о содержании концепта является метод свободного ассоциативного эксперимента. Цель проведённого эксперимента состояла в доказательстве значимости вербальных ассоциаций в процессе концептуализации и в выявлении сходств и различий мировосприятия русскоговорящими и испаноговорящими таких концептов, как «народ», «работа», «отдых», «мечта», «любовь», «семья», «жизнь», «деньги», «смерть». Как известно, концептуализация – это процесс образования и формирования концептов в сознании, осмысление новой информации, ведущей к образованию концепта. Выбор данных концептов обусловлен общечеловеческой значимостью этих понятий, которые носят универсальный характер и являются сущностными для людей-носителей различных языков.

Для данного исследования, проводившегося выпускницей кафедры переводоведения Насакиной А.А., всего было опрошено 55 респондентов, из числа которых – 23 являются носителями русского языка, 22 – носителями испанского языка. Среди русскоговорящих было опрошено 12 женщин и 11 мужчин, среди испаноговорящих – 7 женщин и 15 мужчин.

В качестве описания и наглядного сравнения сходств и различий предложенных концептов, а также в соответствии с лингвистической традицией ответы респондентов распределились по следующим группам:

1. Ассоциации по сходству (парадигматические (стол – стул))
2. Ассоциации по смежности (синтагматические (небо – голубое))
3. Тематические ассоциации (аграмматическая связь)
4. Положительно окрашенные ассоциации
5. Отрицательно окрашенные ассоциации
6. Ассоциации-словосочетания

В результате исследования было рассмотрено понятие *вербальные ассоциации* и его значимость в процессе концептуализации и представлен материал, полученный в результате свободного ассоциативного эксперимента (АЭ), проведённого с целью доказательства значимости вербальных ассоциаций в процессе концептуализации и сравнения мировосприятия русскоговорящими и испаноговорящими концептов «народ», «работа», «отдых», «мечта», «любовь», «семья», «жизнь», «деньги», «смерть».

По результатам данного АЭ удалось выявить следующие сходства и различия мировосприятия предложенных концептов:

Сходства

1. Подавляющим числом ассоциаций среди реакций русскоговорящих и испаноговорящих являются ассоциации по сходству (парадигматические (работа – деньги, удовольствие; trabajo – responsabilidad (ответственность), tiempo (время));
2. Наименьшее количество ассоциаций было отнесено к группе ассоциаций-словосочетаний;
3. Прослеживается значительное сходство в эмоциональной окрашенности ассоциаций ко всем предложенным словам-стимулам.

Различия

Наиболее ярким различием явилась многозначность в отличие от русского варианта лексического значения в испанском языке таких слов-стимулов как – *pueblo* (народ, деревня) и *sueño* (сон, мечта).

По итогам данного исследования можно говорить о том, что вербальные ассоциации имеют большое значение в раскрытии содержания концептов, поскольку они передают и лингвистические и психологические особенности мировосприятия носителей разных языковых культур.

Ассоциативный эксперимент позволяет в данном случае представить смысловую организацию системы языковых средств, репрезентирующих отношения обладания, а также определить ключевые аспекты языковой манифестации формирующих их понятий. Названный экспериментальный метод даёт возможность вскрыть лексико-семантические связи, обнаружить лексические объединения, существующие в сознании человека и выявить сходства и отличия в представлениях носителей русского и французского языков, т.е. способствует выявлению некоторых фрагментов общественного сознания.

Ассоциативный эксперимент предполагает, что испытуемый фиксирует первые пришедшие на ум ассоциации на предъявляемое словостимул. Словами-реакциями, или ассоциатами, могут быть отдельные слова, словосочетания и выражения. Обобщение материала, полученного в ходе эксперимента, даёт возможность выявить множество ассоциатов, которое отражает некоторые стандартизированные и нестандартные ассоциативные связи слов в лексиконе. Роль ассоциативного эксперимента в исследовании языковой картины мира любого человеческого сообщества трудно переоценить. С помощью разностороннего анализа АЭ можно и даже необходимо прогнозировать определённые явления социально-культурной среды любого этноса и предлагать модели предотвращения кризисов того или иного общества.

Список литературы

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / Отв. ред. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1983. 268 с.
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.

4. Клике Ф. Пробуждающееся мышление. М.: Прогресс, 1983. 302 с.
5. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 108 с.
6. Кравченко А.В. Проблема языкового значения как проблема представления знаний // Когнитивные аспекты языкового значения: Межвуз. сб. науч. тр. Иркутск: ИГЛУ, 1997. С. 3–16.
7. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. 247 с.
8. Ладо Р. Лингвистика поверх границ культур // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXV. М.: Прогресс, 1989. С. 32–63.
9. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. Под ред. Б.А. Серебренникова. М.: Наука, 1988. 216 с.

References

1. Vezhbickaja A. *Jazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition.] / M.A. Krongauz (ed.). М.: Russkie slovari, 1996. 416 p.
2. Vereshhagin E.M., Kostomarov V.G. *Jazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo* [Language and culture. Linguistic and cultural studies in teaching Russian as a second language]. М.: Russkij jazyk, 1983. 268 p.
3. Gumbol'dt V. fon. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju* [The selected works on linguistics]. М.: Progress, 1984. 397 p.
4. Klike F. *Probuzhdajushheesja myshlenie* [The wakening mind]. М.: Progress, 1983. 302 p.
5. Kolshanskij G.V. *Obektivnaja kartina mira v poznanii i jazyke* [The objective world-view in cognition and language]. М.: Nauka, 1990. 108 p.
6. Kravchenko A.V. Problema jazykovogo znachenija kak problema predstavlenija znaniij [The language meaning issue as an issue of knowledge representation]. *Kognitivnye aspekty jazykovogo znachenija: Mezhvuz.*

- sbr. nauch. tr.* [Cognitive aspects of language values]. Irkutsk: IGLU, 1997, pp. 3–16.
7. Kubrjakova E.S. Rol' slovoobrazovaniya v formirovaniy jazykovoy kartiny mira [The role of word formation in world-view formation]. *Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke. Jazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language. The language and world view]. M.: Nauka, 1988. 247 p.
 8. Lado R. Lingvistika poverh granic kul'tur [Linguistics over the cultural borders]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Issue XXV. M.: Progress, 1989, pp. 32–63.
 9. Postovalova V.I. Kartina mira v zhiznedejatel'nosti cheloveka [World-view in terms of human life and activities]. *Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke. Jazyk i kartina mira* [The role of human factor in language. The language and world view]. B.A. Serebrennikov (ed.). M.: Nauka, 1988. 216 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Артемьева Юлия Вячеславовна, доцент кафедры переводоведения, кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ)
ул. Большая Семёновская, 38, г. Москва, Российская Федерация
artjul67@mail.ru
SPIN-код: 8581-5732

DATA ABOUT THE AUTHOR

Artemyeva Julia Vyatcheslavovna, Associate Professor of Russian Language Department, Candidate of Philology, A.P.
Moscow State University of Mechanical Engineering (MAMI)
38, Bolshaya Semionovskaya Str., Moscow, Russian Federation
artjul67@mail.ru
SPIN-code: 8581-5732

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-1-37-49

УДК 8 80

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ТЕЛЕВЕДУЩЕГО
(НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ ВИТАЛИЯ ТРЕТЬЯКОВА
«ЧТО ДЕЛАТЬ?»)**

Верхоломова Е.В.

Цель работы: на примере расшифрованных текстов телепрограммы «Что делать?» выявить элементы, формирующие языковую личность В. Третьякова и определить формулу успешного телеведущего.

Материалы и методы исследования. При анализе расшифрованных текстов телепрограммы «Что делать» используется системный подход (телевизионная речь рассматривается как целостное множество элементов в совокупности отношений и связей между ними), сравнительный метод.

Результаты исследования. Определены стилистические особенности телевизионной речи Виталия Третьякова, которые формируют его языковую личность на фонетическом, лексическом, морфологическом и концептуальном уровнях.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в учебном процессе (при подготовке к лекциям и семинарам по курсу практической стилистики) и в практике телевизионных СМИ (для самоподготовки работников эфира).

Ключевые слова: языковая личность; телевизионная речь; речевые особенности; языковой уровень; аналитическая телепрограмма; беседа; дискуссия; монологическое вступление.

**THE LINGUISTIC
PERSONA REPRESENTATION OF THE TV PRESENTER
(AS ILLUSTRATED BY THE V. TRETYAKOV'S
TV PROGRAM "WHAT DO WE DO?")**

Verkholomova E.V.

Purpose. The aim of the article is to identify elements which form the linguistic persona of V. Tretyakov by analyzing the transcribed texts of the "What do we do?" TV program and define the formula of the successful TV presenter.

Methodology. During the analysis of the decrypted texts of the TV program "What do we do?" a comprehensive approach was used, examination and generalization of information (television speech is considered as a holistic set of elements in the totality of relations and connections between them), comparative method.

Results. The stylistic features of Vitaly Tretyakov's television speech are determined, the ones that form his linguistic persona on the phonetic, lexical, morphological and conceptual levels.

Practical implications. The results of the study can be used in the educational process (to prepare for lectures and seminars on practical stylistics) and in the practice of television media (for TV presenters' self-training).

Keywords: *linguistic persona; television speech; speechway; linguistic level; analytical TV program; conversation; discussion; monological introduction.*

Анализ творческой деятельности телеведущего невозможен без характеристики языкового портрета его личности. Репрезентация образа языковой личности телеведущего позволяет воссоздать

обобщенный образ тележурналиста, который оказывает влияние на слушателей и последователей, а впоследствии может стать речевым эталоном как для своих современников, так и для последующих поколений. Кроме того, языковая личность любого медиалица так или иначе является отражением языка современности.

Объектом исследования является языковая личность Виталия Товиевича Третьякова – известного российского журналиста и политолога. Материалом исследования является телепрограмма «Что делать? Философские беседы» регулярно выходящая в эфир телеканала «Культура», в которой Виталий Третьяков выступает и как автор, и как ведущий. В 2003 году «Что делать?» стала победителем конкурса «ТЭФИ» в номинации «Публицистическая программа». В настоящей работе проанализированы расшифрованные тексты монологов-подводок Виталия Третьякова. Задача нашей работы заключается в формировании представления о языковой личности В. Третьякова по результатам анализа вышеуказанного материала. Языковую личность формируют индивидуальные речевые особенности. Анализ проводится с позиции, согласно которой эфирный текст является единым целым [12]. Ю.М. Лотман справедливо полагает, что каждый из элементов публицистического текста несамостоятелен сам по себе, поскольку полностью реализуется лишь по отношению к другим элементам и всему целому. Фонетический, лексический, морфологический и контекстуальный уровни анализа тесно связаны между собой. Ни одна единица уровня не имеет значения в отрыве от общего контекста, хотя каждый из перечисленных уровней обладает своим собственным набором единиц и собственными правилами их сочетания, благодаря которым каждый уровень возможно рассматривать по отдельности. Только в совокупности друг с другом каждая единица уровня способна породить значения.

Темы передач В. Третьякова вызывают общественный резонанс, поскольку связаны с актуальными политическими, общественными, философскими, культурологическими проблемами. Каждая тема формулируется в виде вопроса, который несет в себе философскую проблематику. Задача телеведущего заключается в анализе проблемы со всех возможных позиций; для наиболее полного освещения темы в студию приглашаются гости – представители разных профессиональных областей, готовые аргументировано отстаивать свою позицию.

«Что делать?» позиционируется как аналитическая программа. Эксперты (ведущие российские специалисты в той или иной области), направляемые ведущим, комментируют событие, дискутируют за круглым столом, предлагая пути решения общественных проблем. По жанровой природе программа В. Третьякова относится к беседе в широком смысле слова. Жанр «философские беседы» указан в подзаголовке.

Г.В. Лазутина определяет беседу как метод познавательной деятельности, «который предполагает отчетливое осознание журналистом стоящих перед ним задач и выработку тактики, соответствующей условиям общения» [11; с. 51]. В телевизионной беседе принимают участие несколько человек, поочередно рассказывающих что-либо, обменивающихся мнениями, дополняющих друг друга.

В беседе ведущий и собеседник являются полноправными участниками речевого действия. Конкретизированный сценарий таким программам, по мнению Г.В. Кузнецова, противопоказан, поскольку лишает беседу ее главной ценности – естественности [7; с. 196]. Соответственно, беседа сложнее, чем интервью, поддается корректировке, чтобы удерживать ее в одном русле, журналисту необходимо проявить максимум профессионализма. В про-

тивоположность классическому интервью, которое строится как «вопрос» – «ответ», беседа строится как «реплика» – «реплика». Ведущий беседы должен оперативно реагировать на информацию с учетом мнения разных людей.

Жанр телевизионной беседы используется, когда обсуждаемый предмет требует всестороннего и глубокого рассмотрения. Экранная особенность беседы – отсутствие привычного телезрителю видеоряда, что повышает градус интеллектуального напряжения, «включает» воображение телезрителей, активизирует их аналитические способности. Телезрителя привлекает интеллектуальная насыщенность и драматургия мысли, следить за которой предпочтительнее в условиях домашнего просмотра. Для современного телевидения эта форма, несомненно, перспективна.

Жанр определяет и степень самостоятельности ведущего, его возможность высказывать собственные мысли и то, как он оперирует имеющейся информацией [17]. Беседа за круглым столом вовлекает зрителя в процесс, превращая его в соучастника. Ведя беседу, журналист находится в двойственном диалоге. Он всегда обращается к слушателю (зрителю), предполагая в нем собеседника, как бы предугадывая его реакции, возможные вопросы [3, с. 24].

Яркость и «рейтинговость» телепрограммы в большинстве случаев зависят от профессионализма ведущего.

В своих программах В. Третьяков демонстрирует высокий уровень мастерства, что подтверждает формулировка проблемы, выбор участников круглого стола и мастерское умение импровизировать в процессе дискуссии.

По справедливому замечанию Б.Д. Гаймаковой «телевизионный оратор прежде всего публицист, он не только сообщает информацию, но и не скрывает своего отношения к ней, своей позиции. Даже читая чужой текст, он дает свое понимание происходящих

событий, а не ограничивается ролью посредника между материалом и аудиторией. Есть общий закон публичного выступления: аудитория только тогда верит произнесенному слову, когда видит за ним автора» [3, с. 23].

Наиболее ярко авторское начало проявляется в монологе – вступительном слове. Журналист здоровается с телезрителями, представляет название передачи и себя самого. В монологах В. Третьякова часто встречаются «я-высказывания», открыто выражающие позицию автора. Вместе с тем журналист использует ряд средств, которые активизируют мышление телезрителей, побуждают искать ответ на проблемный вопрос самостоятельно. Главная функция монолога заключается в установлении контакта с телезрителем, которого необходимо заинтересовать обсуждаемой проблемой. Автор снижает градус официальности за счет подготовленных хезитаций и даже вокализаций. Это явление можно рассматривать как индивидуальный стилистический прием.

Очевидно, что речь профессионального телеведущего не может быть абсолютно спонтанной, это квазиспонтанная речь, которая формируется с помощью сценария или сценарного плана, а также предварительной подготовкой журналиста к эфиру. Сознательное упрощение речевого оформления, иллюзия спонтанной речи телеведущего является «визитной карточкой» телепрограммы «Что делать?».

Заголовок очередного выпуска телепрограммы выполняет функцию «ловушки внимания». С помощью заголовка журналист одновременно формулирует тему и решает свои основные задачи: пробуждает и удерживает интерес, побуждает к совместному рассуждению. Вот лишь немногие примеры: «Художественная критика что дышло?» (15.02.15) «Где лежат корни преступности?» (эфир 07.04.15) «Неканонические взгляды на отечественную историю

XX века» (эфир 24.01.16), «Как Китай относится к своей и к нашей истории?» (эфир 14.02.2016) «Малые города России: спасать, сохранять, оживлять?» (эфир: 03.04.2016) «Современная молодежь: люди будущего или просто порастающее поколение?» (эфир 29.05.16). Дискуссионную направленность заголовков В. Третьяков обозначает как «поиск ответа на «проклятые вопросы»».

Телеведущий четко формулирует тему каждой передачи, объясняет ее выбор и то, что он хочет услышать от гостей, направляя их: «конкретная тема: «где лежат корни русской преступности?», «я буду ставить конкретные вопросы», тема передачи точно: «Современная молодежь: люди будущего или просто подрастающее поколение?»»

Восприятие на слух устной речи требует от телеведущего многократного повторения в эфире нового слова или понятия, чтобы закрепить его в памяти телезрителей, лучшего усвоения аудиторией излагаемого материала, донесения основной идеи передачи до массового сознания. Кроме того, сама выбранная тема сложна для понимания, поэтому в монологах В. Третьяков часто использует слово «понять» и однокоренные к нему, чтобы делать акценты и удерживать внимание телезрителей.

Монологическое вступление длится около 53 секунд. Темп речи – около 145 слов в минуту (с учетом служебных слов). Телепередача «Что делать» адресована широкой аудитории, поэтому на уровне фонетики В. Третьяков активно использует стяженные формы (какой-нить, сёдня, поскоку, Алексан Владимьча и др.), что несколько снижает пафос программы и придает речи журналиста «свойские», «домашние» интонации, сокращается дистанция между телеведущим и телезрителем.

Лексическую основу речи телеведущего составляют общеупотребительные межстилевые лексемы, доступные пониманию телезрите-

ля самого разного интеллектуального уровня. В. Третьяков позволяет себе очень аккуратно использовать варваризмы (гаджеты) и даже просторечия (пляшут, черт его знает, упертый и т.д.) для создания определенного «неформального» колорита. Разговорной экспрессии добавляют клише с оценочным значением, свойственный текстам публицистического стиля (тема обширнейшая, достаточно тяжелый разговор, гигантский кусок, жесткое название, насильственные действия и др.), которые, по законам жанра, соседствуют с терминологической и книжной лексикой (аргумент, нигилизм, конформизм, плюрализм, концепция, идеологизированный, экстравагантный и др.) Лексическое наполнение речи уравнивает эпизодическое употребление архаизмов (ныне, весьма, поприще, на сей счет и др.) и причастных оборотов («у нас, в советское время воспитывавшихся»; «нечто, безусловно не делящееся»; «ничего, нарушающего все участвующие закономерности...»; «что-то, естественно вытекающее из предшествующего...» и т.д.). Речь Виталия Третьякова, как человека высокой речевой культуры, не обходится без тропов, так, например, используются повторы («...некоторые из людей являются такими врожденными, врожденными преступниками»; «...преступное ползновение, преступные идеи...»; «...такие две исторические концепции. Концепция идущая от советской школы...» и др.), метафоры («...переложил на художественную критику...», «У меня есть шанс отсидеться за стеной национального государства...» и др.). Таким образом, формируется релевантность вступительного монолога как высказывания, его соответствие предмету беседы.

В тексте монолога вступления В. Третьякова в изобилии используются местоимения (особенно частотны указательные), местоименные наречия, указательные и уточняющих модальные частицы (*все такое* прочее, *вот вы, этот*, с *насилием таким, такие* классические преступления, *какие-то там* действия, *тут вот, так вот, все-таки*

это вот, с телефоном этим, вот это, вот этот вот, это все присутствует; от того, что они там танцуют, *ну мы там* слушали иную, чем родители...», *как раз, как-то* заявите свою позицию, *ну* в основном *так* получилось и др.). Эти части речи используются по большей части в качестве незначительных слов для заполнения пауз при подыскивании нужного слова, часто употребляются сразу после хезитаций. Таким образом, местоимения и частицы выступают как актуализаторы, определяющие интонационное членение монолога и выделяющие его смысловые части. Очевидно, что В. Третьяков умышленно делает ставку на «речевое удобство», связывая с помощью частотных служебных частей речи текущее суждение с предыдущим и делая отсылку к внеязыковым элементам речевой ситуации. Телевизионную речь В. Третьякова нельзя отнести к стилистически нейтральной, поскольку автор использует большое количество логических ударений, в том числе и на предлоги. Это придает речи оценочность, экспрессивность и создает ярко выраженный индивидуальный характер. Автор намеренно ставит логическое ударение на служебные части речи (как в современном Китае относятся к коммунистическому прошлому Китая), особенно, на местоимения (как в Китае же современному относятся к **нашему** советскому прошлому; я прошу Александр Владимыча изложить, как **он** это видит). Для постановки логического ударения ведущий использует как усиление звучания, так и паузирование, изменение ритма и мелодики фразы.

Интересная широкой аудитории проблематика, доступное изложение телеведущим сути проблемы во вступительном слове и созданная благодаря этому непринужденная атмосфера в студии – все это позволяет оценивать речевое поведение В. Третьякова как эффективное. Телеведущий умеет говорить просто о сложном, используя необходимую меру «разговорности», не позволяя себе при этом отступать от литературных норм.

При этом целевая аудитория телепрограммы что делать – люди с высоким интеллектуальным потенциалом и широким кругозором. Эта категория зрителей оценивают не только содержательное наполнение речи телеведущего, но и ее соответствие критериям логичности и грамотности.

Репутация телевизионного канала находит отражение, прежде всего, на лексическом уровне речевого поведения ведущих. Виталий Третьяков в своих монологах соблюдает законы Аристотеля, сформированные в знаменитой «Риторике»: ясность речи за счет лексики, вошедшей во всеобщее употребление; стремление к умеренности (без многословия, поэтического обыгрывания лексем, лексики ограниченной сферы употребления), использование точных, а не описательных обозначений.

Список литературы

1. Варганов А.С. Актуальные проблем телевизионного творчества. На телевизионных подмостках. М.: Высшая школа, 2003. 245 с.
2. Володина М.Н. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Издательство МГУ, 2003. 245 с.
3. Гаймакова Б.Д. Мастерство эфирного выступления. М.: Академия медиаиндустрии, 2014. 432 с.
4. Егоров В.В. Телевидение: теория и практика. М.: Международный независимый эколого-политологический университет, фак-т журналистики, 1993. 306 с.
5. Ерофеева И.В. Язык современных СМИ: проблема миромоделирования // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение, Вып. № 4, 2012. 295 с.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

7. Кузнецов Г.В., Цвик В.Л., Юровский А.Я. Телевизионная журналистика. М.: Изд-во Московского университета, 1994. 236 с.
8. Кузнецов Г.В. ТВ-журналист. Минск: ТетраСистемс, 2004. 495 с.
9. Кузнецов Г.В., Цвик В.Л., Юровский А.Я. Телевизионная журналистика (4-е издание). М.: Высшая школа, 2002. 304 с.
10. Кузнецов Г.В. Так работают журналисты ТВ. М.: Издательство МГУ, 2004. 298 с.
11. Лазутина Г.В. Технология и методика журналистского творчества. М.: Изд-во МГУ, 1988. 79 с.
12. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. СПб.: Искусство-СПб, 1996. 846 с.
13. Пичугин А.В., Смирнов В.Б. Беседа: разновидность интервью или самостоятельный жанр? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8. Литературоведение. Журналистика. Вып. 4. 2005. 148 с.
14. Светлана-Толстая С.В. Русская речь в массмедийном пространстве. М.: Медиамир, 2007. 344 с.
15. Сметанина С.И. Медиатекст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. 383 с.
16. Солганик Г.Я. Общая характеристика современных СМИ в сопоставлении с языком СМИ предшествующего периода // Язык массовой и межличностной коммуникации. М.: Медиа-мир, 2007. С. 15–39.
17. Третьяков В.Т. Как стать знаменитым журналистом. М.: Ладомир, 2004. 617 с.

References

1. Vartanov A.S. *Aktual'nye problemy televizionnogo tvorchestva. Na televizionnyh podmostkakh* [The topical issues of TV creative activities. At the TV stage]. М.: Vysshaja shkola, 2003. 245 p.

2. Volodina M.N. *Jazyk SMI kak ob'ekt mezhdisciplinarnogo issledovani-ja* [The mass media language as an object of interdisciplinary study]. M.: Izdatel'stvo MGU, 2003. 245 p.
3. Gajmakova B.D. *Masterstvo jefirnogo vystuplenija* [The art of online performance]. M.: Akademija mediaindustrii, 2014. 432 p.
4. Egorov V.V. *Televidenie: teorija i praktika* [Television: theory and practice]. M., 1993. 306 p.
5. Erofeeva I.V. Jazyk sovremennyh SMI: problema miromodelirovani-ja [The language of the contemporary mass media: the issue of world modelling]. *Gumanitarnyj vektor. Serija: Filologija, vostokovedenie*, № 4, 2012. 295 p.
6. Karaulov Ju.N. *Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'* [The Russian lan- guage and the linguistic persona]. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010. 264 p.
7. Kuznecov G.V., Cvik V.L., Jurovskij A.Ja. *Televizionnaja zhurnalistika* [The television journalism]. M., 1994. 236 p.
8. Kuznecov G.V. *TV-zhurnalist* [TV journalist]. Minsk: TetraSistemas, 2004. 495 p.
9. Kuznecov G.V., Cvik V.L., Jurovskij A.Ja. *Televizionnaja zhurnalistika* [TV journalism]. M.: Vysshaya shkola, 2002. 304 p.
10. Kuznecov G.V. *Tak rabotajut zhurnalisty TV* [That's the way TV jour- nalist work]. M.: Izdatel'stvo MGU, 2004. 298 p.
11. Lazutina G.V. *Tehnologija i metodika zhurnalistikogo tvorcestva* [The technology and methods of TV creative activities]. M.: Izd-vo MGU, 1988. 79 p.
12. Lotman Ju.M. *Analiz pojeticheskogo teksta* [The analysis of the poetic text]. SPb.: Iskusstvo-SPb, 1996. 846 p.
13. Pichugin A.V., Smirnov V.B. Beseda: raznovidnost' interv'ju ili samos- tojatel'nyj zhanr? [The talk: a sort of interview or independent genre?]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 8. Liter- aturovedenie. Zhurnalistika*. №4 2005. 148 p.

14. Svetana-Tolstaja S.V. *Russkaja rech' v massmedijnom prostranstve* [The Russian speech in mass media]. M.: Mediamir, 2007. 344 p.
15. Smetanina S.I. *Mediatekst v sisteme kul'tury* [Media text in the culture system]. SPb: Izd-vo Mikhailova V.A, 2002. 383 p.
16. Solganik G.Ja. *Obshhaja harakteristika sovremennyh SMI v sopostavlenii s jazykom SMI predshestvujushhego perioda* [The general characteristic of the contemporary mass media in terms of the mass media language of the previous period]. *Jazyk massovoj i mezlichnostnoj kommunikacii* [Language media and interpersonal communication]. M.: Media-mir, 2007, pp. 15–39.
17. Tret'jakov V.T. *Kak stat' znamenitym zhurnalistom* [How to become a famous journalist]. M.: Ladomir, 2004. 617 p.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Верхолюмова Елена Владимировна, доцент кафедры основ риторики и дикторского мастерства, кандидат филологических наук

Академия медиаиндустрии

ул. Октябрьская, 105, кор. 2, г. Москва, 127521, Российская Федерация

verkholomova@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Verkholomova Elena Vladimirovna, Associate Professor at the Department of Oratory and Television Announcer Skill, PhD in Philology

Media Industry Academy

105/2, Oktyabr'skaya Str., Moscow, 127521, Russian Federation

verkholomova@yandex.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-1-50-70

УДК 811.511.12

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ» В КИЛЬДИНСКОМ СААМСКОМ ЯЗЫКЕ

Иванищева О.Н.

Целью данной статьи является представление семантического поля «Северный олень» кильдинского саамского языка. В основу исследования положена гипотеза об особой степени антропоцентричности такого исчезающего финно-угорского языка, как саамский, и его большей связи с дологическим мышлением, что обусловлено исконным представлением человека как части природы у носителей саамского языка. Материал анализируется по тезаурусной схеме «Природа – Человек». Показано, что выделение смысла и оформление в отдельное слово непосредственно связано с важностью объекта, признака или действия для практической деятельности человека в кильдинском саамском языке. Специфика семантического поля в языке коренного малочисленного народа Севера в этом случае состоит в особом отношении данного этноса с природой. Анализ оппозитивных отношений в лексическом наполнении поля «Северный олень» выявляет наличие лакун, а также позволяет обозначить набор дифференциальных признаков. В исследуемом материале представлены такие типы оппозиций, как эквивалентные, привативные и градуальные.

Ключевые слова: *тезаурус; семантическое поле; кильдинский саамский язык.*

“REINDEER” CONCEPT IN THE KILDIN SAAMI LANGUAGE

Ivanishcheva O.N.

The article describes the concept “Reindeer” in the Kildin Saami language. We assume that there is a specific anthropocentric level of such an endangered Finno-Ugric language as the Kildin Saami. The material is analyzed using “Nature – Human” contrastive system. We show the importance of the prelogical concepts associated with primordial ideas about a human as a part of nature expressed in the Saami languages and culture. It is shown that the separation of meaning and presentation in a single word is directly related to the importance of the object, feature or action for the practical activity in the Kildin Sami language. The specificity of the “Reindeer” concept in the Kildin Saami language in this case is associated with the relation between the ethnic group and nature. The analysis of oppositions in the “Reindeer” conceptual field reveals the presence of lacunas and differential characteristics. Upon analyzing the material the following opposition types were found, i.e., equipollent, privative (binary) or gradual.

Keywords: *thesaurus; conceptual field; the Kildin Saami language.*

Введение

Культура как часть картины мира отражает, по мнению ученых, самосознание человека, изменяющегося в процессе рефлексии над ценностно значимыми условиями бытия человека [23, с. 18]. Языковой материал передает, по словам В. Гумбольдта, духовную настроенность говорящих на одном языке [6, с. 71; см. также: 28].

Эти общеизвестные положения обретают особый смысл, когда речь идет о миноритарных и исчезающих языках. Выживаемость

таких языков подвергается сомнению, хотя оптимистичные прогнозы также присутствуют. Так, М.В. Дьячков, описывая немецкий язык в Намибии, отрицает возможность его постепенного отмирания. Ученый отмечает, что этот язык весьма комфортно чувствует себя в отведенной для него нише неформального общения, он добросовестно выполняет свои обязанности и берет на себя именно те функции, которые были бы несподручны и неуместны для стандартного немецкого языка [7, с. 153].

По отношению к кильдинскому саамскому языку это утверждение тоже справедливо, по нашему мнению, но по другой причине.

Саамский язык принадлежит финно-угорской ветви уральской семьи языков и разделяется на западную и восточную группы диалектов. На основании фонетических и морфологических различий между группами саамов саамские диалекты делятся на следующие группы: *западные диалекты* (южносаамские диалекты в Швеции и Норвегии; диалекты уме в Швеции; диалекты пиите в Швеции и Норвегии; диалекты лууле в Швеции и Норвегии; северносаамские диалекты в Швеции и Норвегии); и *восточные диалекты* (инарский диалект в Финляндии; колттский диалект в Финляндии, Норвегии и России; бабинский диалект в России, кильдинский диалект в России, йоканьгский диалект в России).

Специфика ситуации такого коренного малочисленного народа Севера, как саамы, состоит в том, что саамский народ исторически разделен и проживает в 4 странах: России, Финляндии, Норвегии и Швеции. Саамы России (кольские саамы) в основном проживают на территории Кольского полуострова, где находится административное образование Мурманская область [29].

Роль родного языка в саамском сообществе весьма существенна. Она не ограничивается символическим представлением: язык – это основа идентичности. Хотя некоторые зарубежные исследова-

тели считают такое утверждение причиной того, почему преподавание языка меньшинства дает плохие результаты. В таком случае изначально цель состоит не в изучении языка, а в выполнении символического акта [24, с. 5]. Для саамов Кольского полуострова язык – это часть культуры, культуры древней, во многом специфической и, к сожалению, тоже исчезающей.

Исследования, проводимые в рамках Лаборатории саамского языка Мурманского арктического государственного университета, руководителем которой является автор настоящей статьи, показали важность работы по сбору и описанию лексического состава саамского языка [8; 21; 22].

Важным этапом описания собранного материала является выявление принципов его лексикографирования (о специфике дефиниций в словаре см.: [31; 32; 30]). На данном этапе участниками Лаборатории саамского языка и магистрантами Мурманского арктического государственного университета осуществляется работа по составлению тезауруса кильдинского саамского языка.

Теоретические положения

Целью данной статьи является представление семантического поля «Северный олень» кильдинского саамского языка.

Для представления семантического поля обозначим принципы, которые были положены в основу такого описания.

В нашей работе тезаурусом (идеографическим словарем) мы называем словарь, где слова-понятия расположены иерархически. Если бы можно было составить такой словарь (а он в идеальном виде не существует ни в одном языке), то мы бы получили систему знаний о мире, связанную с местом данного народа в пространстве. В тезаурус традиционно включают 3 класса (синоптическая схема Халлига-Вартбурга): Вселенная (без человека); Человек; Че-

ловек и Вселенная. Поля в разделе Вселенная: Небо и небесные тела; Земля; Растительный мир; Животный мир. Поля в разделе Человек: Человек как живое существо; Душа и разум; Человек как общественное существо; Социальная организация и социальные институты. Поля в разделе Человек и Вселенная: А priori (Бытие; Качества и состояния; Отношение, порядок, ценность; Число и количество; Пространство; Время; Причина; Движение; изменение) и Наука и техника.

Важно отметить, что заглавным словом в тезаурусе является, по определению Л.В. Щербы, слово-понятие [27], что соответствует утверждению о том, что базой идеографических словарей всегда считалась ономазиология (см.: [10, с. 19]). Обращение к системе понятий принципиально важно для лингвиста, разделяющего антропоцентрический подход к исследованию языка [25, с. 241].

Теория семантического поля в литературе описано с достаточной полнотой (см., напр., обзор в: [10, с. 23–32]). Одним из свойств поля называется его специфичность в разных языках.

В нашем исследовании избрано понятие «семантическое поле». Анализ семантических полей строится на выделении дифференциальных признаков и иерархических зависимостей. Методика исследования строится на сочетании анализа оппозиций и приема дистрибуции.

В основу нашего исследования мы положили гипотезу об особой степени антропоцентричности такого исчезающего финно-угорского языка, как саамский, и его большей связи с дологическим мышлением, что связано с исконным представлением человека как части природы у носителей саамского языка.

В нашем исследовании мы опираемся на идею, высказанную Н.Ю. Шведовой, о том, что если взглянуть на лексический состав языка с точки зрения отражения в нем путей человеческого позна-

ния, то можно утверждать, что весь его состав членится на части, каждая из которых отражает одну из ступеней такого познания [18, с. VI]. Кроме того, нам представляется важным определение человека как человека действующего (*Homo agens*) [9, с. 5].

Специфика тезауруса, и словаря вообще, миноритарных языков выражается в том, что для этих языков не подходят классификации, разработанные для современных индоевропейских языков. Для абстрактных существительных в диалектах хантыйского языка, например, это доказано в работе О.С. Потаниной [16].

В нашем материале при представлении иерархии смыслов прослеживается антропоцентричность материала, поэтому мы определили следующую схему тезауруса: Природа – Человек. В раздел «Природа» мы включаем блоки «Вселенная» и «Земля», в раздел «Человек», кроме описаний частей тела, реалий материальной и духовной жизни человека, будут включены разделы из блока «Общества». Подобное разделение представлено в «Тематическом словаре русского языка» под ред. В.В. Морковкина [20]. За пределами этих групп оказываются разделы «Связи», «Отношения», «Время», «Пространство», «Количество», «Зависимость», «Процесс», которые традиционно включаются в идеографические словари (например, в: [2]). Обсуждение этих разделов не входит в задачу данной статьи, но необходимо подчеркнуть значимость их включения в тезаурус любого языка, в том числе исчезающего.

Антропологическая лингвистика предполагает несколько направлений изучения языка, в том числе язык и культура. При обсуждении проблем «язык и культура» на примере языка коренного малочисленного народа важны, с нашей точки зрения, следующие положения антропологической лингвистики: тема человеческого фактора предполагает рассмотрение антропологически обусловленных свойств языка; некоторые свойства языка объясняются

системно-нормативными ограничениями, связанными с особенностями человеческой деятельности, а также коммуникативно-ситуативным характером человеческого общения; какие конститутивные свойства человека коррелированы со свойствами языка и в какой мере специфическая организация человека предопределяет форму языка и его особенности; введение понятия «картины мира» в антропологическую лингвистику позволяет различать два вида влияния человека на язык – феномен первичной антропологизации языка (влияние психофизиологических и другого рода особенностей человека на конститутивные свойства языка) и феномен вторичной антропологизации (влияние на язык различных картин мира человека – религиозно-мифологической, философской, научной, художественной) (см.: [17, с. 9–11]).

В нашей работе антропоцентричный подход означает рассмотрение антропологически обусловленных свойств языка, в первую очередь тех, которые объясняются системно-нормативными ограничениями, связанными с особенностями человеческой деятельности, а также коммуникативно-ситуативным характером человеческого общения.

Основная часть

Антропоцентричность. Анализ семантического поля «Северный олень» показал, что некоторые его особенности в кильдинском саамском языке объясняются ограничениями в лексико-семантической системе, связанными с особенностями человеческой деятельности, а именно промыслами и хозяйственной деятельностью этноса.

В кильдинском саамском языке в семантическое поле «Северный олень» включаются лексемы, которые обозначают животное, а связанные с ним признаки и действия представлены не только

как явление органического мира, но и как продукты практической деятельности человека. Первая группа лексем будет отнесена нами к «внешнему» лексико-семантическому блоку, а вторая – к «внутреннему».

К «внешнему» смысловому блоку в семантическом поле «Северный олень» относятся, например, лексемы разделов «Масти оленей» и «Пол животного».

Для обозначения масти северного оленя в кильдинском саамском языке есть следующие лексемы: *бяган* – пятнистый, пестрый [19, с. 32]; *вйлькесь* – белый [19, с. 44; 11, с. 18]; *йййв* – белый (о масти оленя) [19, с. 90]; *пяддьк* – белый (об олене) [11, с. 79]; белый (о масти животного) [11, с. 127]; *конньтковвь, рўппсесь* – коричневый (букв. ‘похожий на дикого оленя’); *кыррьй, пестрэ* – пестрый, разноцветный; *ручкесь пяддьк* – желто-коричневый; *мёзень чоахпесь* – очень темный, черный; *серавей* – грязно-белый; *чоахпесь* – черный; *сьејвех* – серый (олень); *сьесс* – белолобый.

Наибольшее предпочтение саамы отдавали белым оленям. Некогда эти олени приносились в жертву духу-хозяину. Белые олени часто предназначались молодым девушкам и шли за ними в приданое по выходе замуж. Праздничный женский выезд являл собою весьма живописную картину: три – четыре белых оленя украшались художественно изготовленной сбруе. Своего оленя саамы описывают приблизительно так: «постановный», тело и шея длинные, ноги тонкие и высокие, зад круглый; мех гладкий, не мохнатый, «красной масти», т.е. светло-коричневого оттенка, приблизительно цвета венецианской краски либо серый и, наконец, белый и красно-черный; именно эти масти очень ценятся, когда животные покупаются «живком» [22, с. 48–49]. Кроме цвета оленя в качестве внешней приметы лексемой обозначаются животные с оттенком цвета на разных частях тела (лоб – *сьесс* – белолобый).

Лингвокультурологический подход, в рамках которого осуществляется наше исследование, предполагает сравнение культур, в рамках которых происходит тезаурусное описание кильдинского саамского языка. В данном случае это оленеводческие культуры, к которым относятся культуры следующих народов: долганы, коми, коряки, ненцы, тофалары, ханты, манси, эвенки, эвены, юкагиры и чукчи. Поэтому одной из задач исследования было сопоставление семантического поля в этих языках с учетом имеющихся лексикографических источников. Сравнительный анализ показал, что названий оленя по масти в кильдинском саамском языке меньше, чем в других языках народов, занимающихся оленеводством. Ср. с чукотским языком: *ælvææk* (прил.) – олень серого или коричневого цвета, одна задняя нога в белом «чулке» [4, с. 24]; *jaq̄lȳgn* (сущ.) – белый олень, имеющий черную спину [4, с. 59]; *jiq̄lȳgn* (сущ.) – олень беляк (беловатый с коричневой полосой на спине) [4, с. 64]. Ср. с юкагирским языком: *иранал* (сущ.) – олень светло-коричневой масти [13, с. 98]; *йарахадьаа* (сущ.) – олень серой масти с беловатой шерстью по бокам [13, с. 15]; *йобун подьарха* – олень с пестрым носом (нос имеет разный цвет) [13, с. 122]; *йенгурчиэ* (сущ.) – пестряк (название оленя по масти) [13, с. 146]; *чабинньаавийаа* – олень, имеющий белизны на камусе задней ноги около сустава [13, с. 301]; *ньамучаа* (сущ.) – олень красноватой масти (комм.: олень красной масти немного краснее оленя серой (песочной) масти) [13, с. 306]. Обширный языковой материал по хантыйскому языку представлен в [15], где представлены названия оленей светлой, пестрой и темной масти [15, с. 71].

В данных примерах из языков этносов, занимающихся оленеводством, видно, что степень антропоцентричности в данной группе названий оленя минимальна: внешние признаки животного отражаются в лексико-семантической системе, а значит, в языковой картине мира. Ограничений в лексико-семантической системе,

связанных с особенностями человеческой деятельности, а именно промыслами и хозяйственной деятельностью этноса, в разделе «Масть животного» не наблюдается. Думается, что выделение оттенка цвета на теле животного или его части связаны лишь с необходимостью выделения животного в стаде (функция, которые у саамов выполняются клейма).

Деление по половому признаку (самец-самка) также относится к группе, отмеченной наименьшей степенью антропоцентричности: *оаресь пуаз* – самец оленя; *ниңулэсс пуаз* – самка оленя. Как видно из примеров, для выражения различия пола использовано словосочетание (букв. самец-олень, самка-олень).

Все остальные разделы в семантическом поле «Северный олень» антропоцентричны: выделение смысла и оформление в отдельное слово непосредственно связано с важностью объекта, признака или действия для практической деятельности человека. Так, детализация названий оленя по возрасту показывает их тесную связь с промысловой деятельностью и всем укладом жизни кольских саамов. Ср. подобное мнение в [3, с. 155].

Анализ лексем, относящихся к полю «Северный олень», позволил нам составить следующий образец словарной статьи тезауруса кильдинского саамского языка:

ПРИРОДА

Раздел поля: ОЛЕНЬ (гипероним)

Деление по полу (самец-самка); Действия оленя; Действия оленя, связанные с движением (*Бежать рысцой; Помчать, понести; Мчаться в карьер; Идти шагом; Бежать, мчаться; Ходить кругом; Бросаться (с места); Бежать галопом; Мчаться, нестись*); Действия оленя, связанные с физиологическими потребностями (*Кормиться; Есть грибы (об оленях); Жевать; Голодать; Освободиться от шкурки*); Действия, связанные с отелом (*Телиться;*

Родиться); Другие действия оленя (*Опрокидывать; Поднять на рога; Разжиреть; Дохнуть, сдохнуть; Превращать землю в пыль; Защищаться от насекомых*); Корм оленей; Болезни оленей и гнус (*Названия болезней оленя; Названия гнуса*);

Гипонимы – олень дикий и олень домашний

***Раздел поля:* ОЛЕНЬ КАК ДИКОЕ ЖИВОТНОЕ**

ПРИРОДА-ЧЕЛОВЕК

***Раздел поля:* ОЛЕНЬ КАК ДОМАШНЕЕ ЖИВОТНОЕ**

Самец оленя (*Самец оленя по возрасту; Самец оленя по способности (неспособности) к воспроизводству; Теленок оленя от полугода до полутора лет*); Олень по роли в стаде; Олень по хозяйственному применению; Олень по месту в упряжке; Олень по наличию (отсутствию) рогов; Олень по выносливости; Олень по нраву, характеру; Масти оленей; Дареные олени;

ЧЕЛОВЕК (материальная культура)

***Раздел поля:* ДЕЙСТВИЯ, СВЯЗАННЫЕ С СОДЕРЖАНИЕМ И ВЫПАСОМ ДОМАШНИХ ОЛЕНЕЙ** (Действия, связанные с содержанием оленей (*Держать; Пасты; Таврить; Накормить досыта; Охранять; Стать пастухом; Обзавестись оленем; Лишиться оленей*)); Действия, связанные с перегоном оленей; Действия, связанные с обучением оленей; Действия, связанные с кастрацией оленей; Действия, связанные с содержанием оленей на привязи; Действия, связанные с доением оленей; Действия, связанные с выпасом; Действия, связанные с пребыванием в стаде (*Быть в стаде; Собраться в кучу (о стаде); Бежать (о стаде); Разбредаться; Отбиться от стада*)); Действия оленя, связанные с содержанием на привязи и иманием (*Быть освобожденным от игны; Биться (на аркане)*);

***Разделы поля:* ОЛЕНЕВОДЫ И ОЛЕНЕВОДЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ; СНАРЯЖЕНИЕ ОЛЕНЕВОДА; РАЗЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ ОЛЕНЕЙ; ОЛЕНЕГОННАЯ СОБАКА; МЕСТА И СОО-**

РУЖЕНИЯ ДЛЯ ВЫПАСА, СОДЕРЖАНИЯ, ПОДСЧЕТА И ВЫБРАКОВКИ ОЛЕНЕЙ;

Раздел поля: УПРЯЖНО-НАРТЕННОЕ ОЛЕНЕВОДСТВО;

Раздел поля: ВЬЮЧНОЕ ОЛЕНЕВОДСТВО;

Раздел поля: ЗАБОЙ ОЛЕНЕЙ;

Раздел поля: ВЫДЕЛКА ОЛЕНЬИХ ШКУР (Шкуры по возрасту оленя; Шкуры по назначению; Шкуры по качеству; Шкуры по степени выделки; Действия, связанные с выделкой шкур).

ЧЕЛОВЕК (духовная культура)

Разделы поля: МИФОЛОГИЯ; ФОЛЬКЛОР; ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА; ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО; ОБРЯДЫ; ИГРЫ; НАЦИОНАЛЬНАЯ КУХНЯ

Оппозитивные отношения. Анализ семантического поля кильдинского саамского языка «Северный олень» позволяет выделить ледующие типы оппозиций: эквиполентные (например, «дикий–домашний», «самец–самка», «взрослый–детеныш»), привативные (например, «рогатый – безрогий», «способный к воспроизведению потомства – не способный к воспроизведению потомства»), градуальные (например, «меньшая степень признака–большая степень признака (лечь, обессилев–лечь отдохнуть (о животном); белый – грязно-белый)»).

Особого внимания заслуживает оппозиция «дикий олень – домашний олень», которая в той или иной степени отмечена во всех языках коренных народов Севера, занимающихся оленеводством (см.: [4; 12; 13; 14; 15 и др.]). Однако количество лексем, означающих диких оленей, несопоставимо с количеством лексем со значением «домашний олень». Так, в лексике канинских ненцев, например, нет специальных названий дикого оленя, кроме илбча' (букв. 'средство жизни'), причины этого явления М.Я. Бармич видит в отсутствии охоты на диких оленей [3, с. 163].

Оленеводство является главной отраслью хозяйственной деятельности саамов. Представляя две противоположные точки зрения на происхождение оленеводства (олeneводство недавнего происхождения, притом строго локализовано; оленеводство древнего происхождения, возникшее независимо в разных районах ойкумены), З.Е. Черняков показывал, что они основаны на неверных предпосылках: те и другие рассматривают оленеводство как некую отрасль скотоводства. Как утверждал ученый, в отличие от домашнего скота, олени – полудикие животные, приручение которых не похоже на приручение лошадей, коз, свиней и т.д. Человек приспособился к годичному циклу передвижения оленей, т.е. не человек приручил дикаря, а этот последний «приручил» к себе человека [26, с. 52-53]. В саамских преданиях родоначальником саамов является Мяндаш, рожденный женщиной от дикого оленя (см. обзор в: [5]).

Раздел поля «Олень как дикое животное» в кильдинском саамском языке представлены в нашем материале лексемами коаннџт (дикий олень) [1, с. 105; 11, с. 148; 19, с. 117], связанной с лексемой коаннџтлэ (прям., перен. убить кого-что (быстро) [19, с. 117]), коаннџтэ (убить) [1, с. 105; 11, с. 40], что приводит к прямым ассоциациям с охотой.

В каждом разделе семантического поля «Северный олень» выделяются дифференциальные признаки. В разделе «ОЛЕНЬ» выделяются оппозиции эквиполентные (самец-самка, есть-голодать, телиться-рождаться), привативные (болезнь-отсутствие болезни), градуальные (степень действия движения). В разделе «ОЛЕНЬ КАК ДИКОЕ ЖИВОТНОЕ» оппозиции не представлены по причине ограниченного количества лексем. В разделе «ОЛЕНЬ КАК ДОМАШНЕЕ ЖИВОТНОЕ» выделяются оппозиции эквиполентные (грузовой олень-ездовой олень-

вьючный олень; вольный олень-привязанный олень; передовой олень-второй олень в упряжке-средний олень в упряжке-запасной олень-крайний олень; смиренный олень-упрямый олень; послушный олень-непослушный олень; самка оленя, подаренная братом-самка оленя, подаренная сестрой; самец оленя, подаренный братом-самец оленя, подаренный сестрой), привативные (рогатый олень-безрогий олень; способность-неспособность к воспроизводству; ведущий стадо – не ведущий стадо), градуальные (возраст; масть).

Вывод

Предположение об особой антропоцентричности языка коренного малочисленного народа требует обширного языкового материала и серьезных сопоставительных исследований. Имеющийся в нашем распоряжении материал кильдинского саамского языка семантического поля «Северный олень» показал, что иерархию смыслов в данном языке следует рассматривать в соотношении «природа-человек». Специфика семантического поля в языке коренного малочисленного народа Севера в этом случае состоит в особых отношениях данного этноса с природой. Анализ оппозитивных отношений в лексическом наполнении поля «Северный олень» выявляет наличие лакун, а также позволяет обозначить набор дифференциальных признаков. В исследуемом материале представлены такие типы оппозиций, как эквиполентные, привативные и градуальные. Анализ семантического поля «Северный олень» показал, что наибольшее количество лексем этого поля относится к блоку «Человек». Данный факт означает особую значимость данного животного в практической деятельности северного этноса и особую дифференциацию понятий в пределах данного поля.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Мурманской области в рамках проекта проведения научных исследований («Тезаурус кольско-саамского языка: сохранение лексического фонда в условиях русскоязычного окружения»), проект № 16-14-51001.

Список литературы

1. Антонова А.А. Саамско-русский словарь. Мурманск: АНО «Арктический центр научных исследований и экспертиз», 2014. 376 с.
2. Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка. М.: ЭТС, 1995. 820 с.
3. Бармич М.Я. Лексическая характеристика языка канинских ненцев // Вопросы уралистики 2014. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 148–299.
4. Богораз В.Г. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь: С приложением краткого очерка грамматики. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 216 с.
5. Бодрова О.А. Фольклорные сказки и предания кольских саамов в трудах российских исследователей XIX–XX вв. // Труды Кольского научного центра РАН. 2014. № 2 (21). С. 89–108.
6. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.
7. Дьячков В.М. Рассказы о миноритарных языках. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. 156 с.
8. Зоонимикон кильдинского диалекта саамского языка: учебный культурологический словарь / Авт.-сост. О.Н. Иванищева, Ю.С. Митина. Мурманск: МГГУ, 2015. 108 с.
9. Каган М.С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974. 328 с.
10. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 355 с.

11. Керт Г.М. Словарь саамско-русский и русско-саамский. Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1986. 247 с.
12. Куликова И.В. Оленеводческая лексика в современном чукотском языке. Канд. дисс. М., 2006. 183 с.
13. Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.
14. Мудрак О.А. Этимологический словарь чукотско-камчатских языков. М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.
15. Онина С.В. Лексико-семантические группы названий оленя // Урал-алтайские исследования. 2010. № 1(2). С. 67–78.
16. Потанина О.С. Способы языковой реализации абстрактных понятий в диалектах хантыйского языка (в сопоставлении с языками неродственных семей): Автореферат канд. филол.н. Томск, 2006. 25 с.
17. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. М.: Наука, 1988. 216 с.
18. Русский идеографический словарь: Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальной сферам жизни человека). М.: РАН, 2011. 1032 с.
19. Саамско-русский словарь / Афанасьева Н.Е., Куруч Р.Д., Мечкина Е.И., Антонова А.А., Яковлев Л.Д., Глухов Б.А. М.: Рус. яз., 1985. 568 с.
20. Саяхова Л.Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В. Тематический словарь русского языка. М.: Рус. яз., 2000. 560 с.
21. Словарь лексики духовной культуры кольских саами / Авт.-сост. О.Н. Иванищева, В.Б. Бакула. Мурманск: МГТУ, 2013. 222 с.
22. Словарь лексики традиционных промыслов и хозяйственных занятий кольских саамов (на материале кильдинского диалекта са-

- амского языка) / Авт-сост. О.Н. Иванищева, А.М. Эрштадт. Мурманск: МГГУ, 2014. 249 с.
23. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // *Фразеология в контексте культуры*. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–24.
24. Тростеруд Т. Роль языковой технологии в сохранении и ревитализации языка // *Саамская идентичность: проблемы сохранения языка и культуры на Севере: Материалы международной научной конференции (г. Мурманск, 10–11 марта 2011 г.)*. Мурманск: МГГУ, 2012. С. 4–12.
25. Уфимцева Н.В. Языковая картина мира: проблемы моделирования // *Вопросы психолингвистики*. 2016. № 1 (27). С. 238–249.
26. Черняков З.Е. Очерки этнографии саамов. Рованиemi: Университет Лапландии, 1998. 129 с.
27. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л.В. *Избранные работы по языкознанию и фонетике*. Т.1. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. С. 54–91.
28. Alefirenko N. Language as a State of Ethno-Cultural Consciousness. *XLinguae Journal*, Vol. 8 Issue 3, June (2015): 3–18.
29. Ivaniščeva O. Saami Dictionary-Making: Preserving Finno-Ugric indigenous language of the Kola. *Linguistica Uralica*, no 1 (2016): 54–64.
30. Ivanishcheva O. Culture phenomena: lexicographical description issues. *XLinguae Journal*, Vol. 9 Issue 2, April (2016): 73–89.
31. Gao J. Basic Cognitive Experiences and Definitions in The Longman Dictionary of Contemporary English. *International Journal of Lexicography*, Vol. 26 Issue 1, March (2013): 58–89.
32. Hornáčková-Klapicová E. Bilingual Lexicography and a Slovak-Spanish-English Theological Dictionary. *XLinguae Journal*, Vol. 5 Issue 3, June (2012): 2–41.

References

1. Antonova A.A. *Saamsko-russkiy slovar'* [Saami-Russian Dictionary]. Murmansk: ANO «Arkticheskiy tsentr nauchnykh issledovaniy i ekspertiz», 2014. 376 p.
2. Baranov O.S. *Ideograficheskiy slovar' russkogo jazyka* [Ideographic Dictionary of Russian language]. Moscow: ETS, 1995. 820 p.
3. Barmich M.Ja. Leksicheskaja harakteristika jazyka kaninskih nencev [Lexical characteristic of Kanin Nenets language]. *Voprosy uralistiki 2014* [Journal of Uralic languages 2014]. St.-Petersburg: Nestor-Istorija, 2014, pp. 148–299.
4. Bogoraz V.G. *Luoravetlansko-russkij (chukotsko-russkij) slovar': S prilozheniem kratkogo ocherka grammatiki* [Luoravetlansky-Russian (the Chukchi-Russian) Dictionary: With the application brief essay grammar]. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2011. 216 p.
5. Bodrova O.A. Fol'klornye skazki i predanija kol'skih saamov v trudah rossijskih issledovatelej XIX–XX vv. [Folk tales and legends of the Kola Saami in papers of Russian researches of the 19th and 20th centuries]. *Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN* [Papers of the Kola Science Centre]. 2014. No 2 (21), pp. 89–108.
6. Gumbol'dt fon V. Izbrannye trudy po jazykoznaniju. *Izbrannye raboty po jazykoznaniju* [Selected works on linguistics]. Moscow: Progress, 2000. 400 p.
7. D'jachkov V.M. *Rasskazy o minoritarnyh jazykah* [Tales of minority languages]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istorija, 2015. 156 p.
8. *Zoonimikon kil'dinskogo dialeksta saamskogo yazyka: uchebnyj kul'turologičeskij slovar'* [Zoonymikon in the Kildin Saami Language: Learner's Culturological Dictionary] / O.N. Ivanishcheva, Yu.S. Mitina. Murmansk: MGGU, 2015. 108 p.
9. Kagan M.S. *Chelovečeskaja dejatel'nost'. (Opyt sistemnogo analiza)* [Human activity. (System Analysis)]. Moscow: Politizdat, 1974. 328 p.

10. Karaulov Ju.N. *Obshhaja i russkaja ideografija* [General and Russian ideography]. Moscow: Nauka, 1976. 355 p.
11. Kert G.M. *Slovar' saamsko-russkiy i russko-saamskiy* [Saami–Russian and Russian–Saami Dictionary]. Leningrad: Prosveshchenie. Leningr. otd-nie, 1986. 247 p.
12. Kulikova I.V. *Olenevodcheskaja leksika v sovremennom chukotskom jazyke* [Reindeer vocabulary in modern Yakut language]. Moscow, 2006. 183 p.
13. Kurilov G.N. *Jukagirsko-russkij slovar'* [Yukaghir-Russian dictionary]. Novosibirsk: Nauka, 2001. 608 p.
14. Mudrak O.A. *Jetimologicheskij slovar' chukotsko-kamchatskih jazykov* [Etymological dictionary of the Chukchi-Kamchatka languages]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 2000. 288 p.
15. Onina S.V. Leksiko-semanticheskie gruppy nazvanij olenja [Lexico-semantic group of names deer]. *Uralo-altajskie issledovanija* [Ural-Altai Studies]. 2010. No 1 (2), pp. 67–78.
16. Potanina O.S. *Sposoby jazykovej realizacii abstraktnyh ponjatij v dialektah hantyjskogo jazyka (v sopostavlenii s jazykami nerodstvennyh semej)* [Methods of implementing the language of abstract concepts in the dialects of the Khanty language (in comparison with unrelated families of languages)]. Tomsk, 2006. 25 p.
17. *Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: Jazyk i kartina mira* [The role of the human factor in language: Language and Picture of the world] / B.A. Serebrennikov, E.S. Kubrjakova, V.I. Postovalova i dr. Moscow: Nauka, 1988. 216 p.
18. *Russkij ideograficheskij slovar'* [Russian thesaurus]. Moscow: PAN, 2011. 1032 p.
19. *Saamsko-russkiy slovar'* [Saami-Russian Dictionary] / Afanas'eva N.E., Kuruch R.D., Mechkina E.I., Antonova A.A., L.D. Yakovlev, B.A. Glukhov. Moscow: Rus. yaz., 1985. 568 p.

20. Sajahova L.G., Hasanova D.M., Morkovkin V.V. *Tematicheskij slovar' russkogo jazyka* [Thematic Dictionary of the Russian language]. Moscow: Rus. yaz., 2000. 560 p.
21. *Slovar' leksiki dukhovnoy kul'tury kol'skikh saami* [Dictionary of Kola Sami Spiritual Culture Lexis] / O.N. Ivanishcheva, V.B. Bakula. Murmansk: MGGU, 2013. 222 p.
22. *Slovar' leksiki traditsionnykh promyslov i khozyaystvennykh zanyatiy kol'skikh saamov (na materiale kil'dinskogo dialekta saamskogo yazyka)* [Dictionary of Kola Saami Traditional Trades and Husbandry Lexis (A Case Study of Kildin Saami)] / O.N. Ivanishcheva, A.M. Ershtadt. Murmansk: MGGU, 2014. 249 p.
23. Telija V.N. Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovanija frazeologicheskogo sostava jazyka v kontekste kul'tury [Priorities and methodological problems in the study of idiomatic language structure in the context of culture]. *Frazeologija v kontekste kul'tury* [Phraseology in the Context of Culture]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 1999, pp. 13–24.
24. Trosterud T. Rol' jazykovoj tehnologii v sohranenii i revitalizacii jazyka [Using linguistic technologies for language preservation and revitalization]. *Saamskaja identichnost': problemy sohranenija jazyka i kul'tury na Severe* [Saami identity: the problem of preservation of language and culture in the North]. Murmansk: MGGU, 2012, pp. 4–12.
25. Ufimceva N.V. Jazykovaja kartina mira: problemy modelirovanija [Linguistic picture of the world: the problem of modeling]. *Voprosy psicholingvistiki* [Journal of psycholinguistics]. 2016. No 1 (27), pp. 238–249.
26. Chernjakov Z.E. Oчерki jetnografii saamov [Ethnography Essays about Saami people]. Rovaniemi: Laplands university, 1998. 129 p.
27. Shcherba L.V. Opyt obshhej teorii leksikografii [Experience of general theory of lexicography]. *Izbrannye raboty po jazykoznaniju i fonetike* [Selected works on linguistics and phonetics]. Vol.1. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2002, pp. 54–91.

28. Alefirenko N. Language as a State of Ethno-Cultural Consciousness. *XLinguae Journal*, Vol. 8 Issue 3, June (2015): 3–18.
29. Ivaniščeva O.N. Saami Dictionary-Making: Preserving Finno-Ugric indigenous language of the Kola. *Linguistica Uralica*, no 1 (2016): 54–64.
30. Ivanishcheva O. Culture phenomena: lexicographical description issues. *XLinguae Journal*, Vol. 9 Issue 2, April (2016): 73–89.
31. Gao J. Basic Cognitive Experiences and Definitions in The Longman Dictionary of Contemporary English. *International Journal of Lexicography*, Vol. 26 Issue 1, March (2013): 58–89.
32. Hornáčková-Klapicová E. Bilingual Lexicography and a Slovak-Spanish-English Theological Dictionary. *XLinguae Journal*, Vol. 5 Issue 3, June (2012): 2–41.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Иванищева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и межкультурных коммуникаций, теории языка и журналистики *Мурманский арктический государственный университет ул. Кап. Егорова, 15, г. Мурманск, Мурманская область, 183038, Российская Федерация*
oivanishcheva@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ivanishcheva Olga Nikolajevna, PhD in Linguistics, Professor, Head of Department of Culturology, Intercultural Communication, Theory of Language and Journalism *Murmansk Arctic State University 15, Egorov Str., Murmansk, Murmanskaya oblast, 183038, Russian Federation*
oivanishcheva@gmail.com

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-1-71-83

УДК 8 (81)

ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ ТЕРМИНОВ

Кухно И.Ю.

Работа посвящена рассмотрению ряда разнообразных классификаций специальных слов, т.е. терминов. Изучение спорных вопросов, связанных с терминологией и терминоведением, помогает выявить закономерности формирования терминосистемы, а также объяснить различные подходы ученых к решению теоретических проблем теории термина. В работе указываются признаки, отличающие слово литературного языка от термина, функционирующего в так называемом языке для специальных целей. Обозначаются механизмы семантического перехода от общего к специальному, иллюстрируются принципы упорядочивания понятий, структурируются сведения о терминопорождении, в частности, отмечается народно-диалектная основа некоторых областей русской терминологии, а также становление терминологии за счёт процесса заимствования. Многообразие грамматических моделей среди терминов указывают на явление индивидуальной дифференциации языка, на наличие авторского своеобразия термина.

Цель. Определить релевантные признаки специальных слов, необходимые и достаточные для описания терминов и конкретных терминосистем, для характеристики терминов в словарных статьях общих и специальных словарей.

Метод или методология работы. В работе представлено комплексное использование методов и приемов анализа и синтеза, применяемых в отечественной лингвистике: этимологический

анализ, дефинитивный анализ, метод сопоставительного анализа, описательный метод, ономаσιологический метод, метод структурно-семантического анализа и т. д.

Результаты. В статье в качестве значимых определяются следующие параметры классификации терминов: сфера использования, язык-источник, содержательная и формальная структура, морфология и строение термина, степень закреплённости. Анализ терминов и терминосистем с точки зрения этих аспектов поможет предложить общую характеристику современного состояния русской терминологии, классифицировать новейшие терминологии, провести сравнительную типологию отдельных терминологических полей, единообразить принципы составления специальных словарей.

Область применения результатов. Результаты возможно использовать в процессе преподавания лексики и терминологии, в лексикографической практике.

Ключевые слова: *термин; терминология; терминосистема; терминоведение; терминография; классификация.*

APPROACHES TO CLASSIFICATION OF TERMS

Kuhno I. Yu.

The paper considers various classifications of special words, i.e. terms. Studying of the controversial issues on terminology and terminology studies helps to reveal regularities of term system formation as well as explain scientists' various approaches to the solution of theoretical issues of the theory of the term. The paper also considers the features that distinguish the word of the literary language from the term functioning in the so-called language for specific purposes as well as

defines the mechanisms of semantic transition from the general to specific, illustrates the principles of concept ordering, structures the data on the way terms are coined, in particular, the role of the dialect basis of some areas of the Russian terminology and also terminology formation due to loan process are taken into consideration. The variety of grammatical models of terms indicates individual differentiation of the language and the author's touch to a particular term.

Purpose. To define the relevant signs of special words being necessary and sufficient for the description of terms and particular systems of terms, as well as for defining terms in entries of both general and special dictionaries.

Results. It is possible to use results in while teaching Russian lexicology, functional stylistics, as well as academic subjects connected with terminology and lexicography. The results of the research can be useful while determining principles of terminological dictionaries compilation.

Keywords: *term; terminology; system of terms; knowledge of terminology; terminography; classification.*

Основываясь на периодизации В.М. Лейчика, можно говорить, что современное терминоведение находится на четвертом этапе развития. Оно определяется дифференциацией общего терминоведения на частные направления исследований: теоретическое и практическое, типологическое и сопоставительное, семасиологическое и ономасиологическое, историческое и функциональное, когнитивное, вариологическое, прагматическое, лингвокультурологическое, коммуникативное [8].

Предмет современного научного исследования теории термина составляют следующие вопросы: терминопорождение и функционирование специальных слов; основные модели терминологической номинации; системные и внесистемные отношения терминов; изме-

нения формы и содержания специальных слов вследствие процессов вариативности; когнитивные механизмы возникновения и употребления терминов; функционирование специальных лексем в разных типах контекстов и дискурсов; совершенствование существующих терминологических систем; оптимизация и стандартизация терминообразования; сопоставительные и переводческие аспекты терминопотребления; теория и практика терминографии; универсалии языка науки; функционирование авторских терминосистем и нек. др.

Однако до сих пор не потерял актуальности вопрос о различных подходах к классификации терминов. В статье в качестве значимых определяются следующие параметры: сфера использования, язык-источник, содержательная и формальная структура, морфология и строение термина, степень закреплённости. Анализ терминов и терминосистем с точки зрения этих аспектов поможет предложить общую характеристику современного состояния русской терминологии, классифицировать новейшие терминологии, провести сравнительную типологию отдельных терминологических полей, единообразить принципы составления специальных словарей.

Классификация терминов, так же, как любая другая, строится по принципу упорядочивания понятий по ассоциации или диссоциации [См., например, 16, с. 34]. Рассмотрим подходы к классификации терминов.

1. **По сфере использования** выделяют термины языка и термины речи. Термины речи могут включать сокращённые формы (*ж/д* – железная дорога, *трубопр.* – трубопровод). С данным ограничением напрямую связан вопрос о нормированности терминологической лексики, в частности, неуместности профессиональных жаргонизмов. Терминопотребление должно соответствовать всем видам языковых норм русского литературного языка. Однако в связи с закреплением в различных сферах деятельности вариан-

тов (*эпилепси'я* – в медицине, *компа'с* – у моряков и проч.) сектор культуры речи Института русского языка РАН предложил ввести понятие профессиональной языковой нормы.

2. По языку-источнику различают термины:

исконные, заимствованные, гибридные. Исследования ученых позволяют утверждать, что многие лексемы древних времен вошли в современные профессиональные терминологии, отражая особенности становления и развития русского языка разных эпох под влиянием внешних и внутренних факторов. Появившийся в XVIII веке словарь научных терминов «Дикционер или Речениар, по алфавиту российских слов, о разных произращениях, то есть древах, травах, цветах, семенах огородных и полевых, кореньях, и о прочих былиях и минералах», созданный коллежским асессором Императорской Академии наук К.А. Кондратовичем и изданный в 1780 г., свидетельствует о связи научного знания с материальной и духовной культурой народа [11, с. 597–604].

В лексикологии исконно русскими принято считать слова общеевропейского, общеславянского и восточнославянского гнезда. В последние десятилетия внимание ученых привлекла народно-диалектная основа русской терминологии, поскольку термины-диалектизмы составляют значительный пласт некоторых отраслевых терминологий, например, исторической, географической, естественно-научной (*кряж* – термин лесного промысла, *ботва* – сельскохозяйственный и др.)

Л.П. Крысин замечает, что «одним из наиболее живых и социально значимых процессов, происходящих в современной русской речи, является процесс активизации употребления иноязычных слов» [7, с. 143]. Этот процесс характерен и для становящихся терминологий, отражающих новые реалии научного бытия. Некоторые лингвисты говорят даже об англоязычном «терминологи-

ческом потоке». Среди филологов сложилось мнение, что новая заимствованная лексика «нагромождается, не успевая адаптироваться, затопляет родной язык, размывая его границы, угрожая его целостности» [14, с. 7]. Наблюдается процесс обновление языка за счет заимствований. Однако, как пишет В.Г. Костомаров, «русский язык со своим обилием суффиксов, приставок и окончаний удивительно подходит для восприятия словесного импорта», так как легко адаптирует заимствования [6, с. 24].

Иноязычные термины могут заимствоваться как полностью, так и отдельными терминологическими элементами. Большая часть заимствованной лексики в терминологиях разных языков представлена интернациональной лексикой, созданной на базе греко-латинской морфемике. По утверждению В.В. Виноградова, эти термины составляют словесный фонд мировой цивилизации [2, с. 54]. Они имеют ряд преимуществ в сравнении с русскими обозначениями. Являясь нейтральным знаком, заимствованный элемент не имеет добавочного смысла, экспрессии, он предельно моносемантивен. По словам А.А. Реформатского, построенный из интернациональных элементов термин понятен носителям разных языков; он точен и краток; его семантическая основа позволяет формировать ряды единообразных терминологических парадигм, способствующих созданию новых обозначений [13, с. 125, 126]. В иноязычном термине отсекаются семы, вносящие в русский аналог ненужные ассоциации. Например, термин *префикс* считается более удачным, чем *приставка*, поскольку, исходя из семантики слова «приставлять», делать это можно и спереди, и сзади (пример А.А. Реформатского).

3. Термины характеризуют **по содержательной (семантической) структуре**, что позволяет выделить однозначные и многозначные термины. «Идеальным» в терминоведении принято называть специальное слово, функционирующее в пределах одной терминосистемы строго в одном значении. Ю.В. Сложеникина

называет некоторые признаки «идеального термина»: его значение не должно противоречить общеязыковой семантике; значение термина должно включать такое количество компонентов, которое было бы достаточным для распознавания специального слова и его ограничения от других сходных по семантике лексем [15, с. 27].

4. Б.Н. Головин предлагает классификацию **по формальной структуре**. Целесообразно при этом выделять два основных типа терминов: **термины-слова и термины-словосочетания**. Классификация терминов-слов производится согласно **морфемной структуре** слова, выделяются термины: **непроизводные, производные, сложные, аббревиатуры** [3, с. 70]. С.В. Гринев разделил термины-слова в соответствии с их структурными типами: **простые** (состоящие из одного корня); **аффиксальные** (состоящие из корня и аффиксов); **сложные** (состоящие из двух и более корней) [4, с. 125].

В терминах-словосочетаниях морфологический признак главного слова указывает на тип словосочетания: субстантивные, с существительным в роли главного слова; адъективные, с именем прилагательным; глагольные терминосочетания. Типы терминов-словосочетаний по семантической структуре могут быть свободные, устойчивые и фразеологически связанные. Терминологические сочетания, образуясь по разнообразным грамматическим моделям, обладают высокой вариативностью.

Ученые выдвигают ряд требований, предъявляемых к форме термина: краткость, нежелательность фонетических, синтаксических и других вариантов типа: *ма'ркетинг-марке'тинг*.

5. **С морфологической точки зрения**, термины могут быть представлены существительными, глаголами, прилагательными, наречиями. Глаголы и наречия, как правило, характеризуются общенаучным терминологическим значением. Прилагательные являются необходимыми элементами составного термина, выполняя функцию определяющего слова (*безударный слог*).

6. По степени закреплённости (внедрённости) в научной среде различают общепринятые и метадиалектные термины, т.е. термины определенных научных школ и направлений, а также идиолектные, иначе говоря, индивидуальные, авторские, окказиональные. В диссертационной работе «Проблема качества лингвистического термина» Л.В. Попова рассуждает о качестве лингвистического термина, извлеченного из трудов зарубежных авторов и переведенного на русский язык. Сопоставив русский эквивалент с первоисточником, ученый замечает: «анализ по параметру внедрённости позволяет говорить о соответствии идеалу лишь некоторой части терминов авторских теорий... Значительная часть терминов исследуемых авторских терминосистем терминологически не дифференцирована в специальных словарях, избранных для сопоставления. Причина объясняется тем, что термину присуще авторское своеобразие, т.е. «субъективное обстоятельство» [12].

В последнее время интерес у лингвистов вызывает так называемая индивидуальная дифференциация языка. Выделяется особое направление – микролингвистика, ключевым понятием которой стала «языковая личность» как признак социальной дифференциации языка. Предпосылки этого направления можно найти в критических сочинениях В.Г. Белинского, в работах которого прослеживается идея об авторском слоге. В.Г. Белинский разграничивает понятие язык и слог, подчеркивая, что «для первого важны грамматическая правильность и нейтральность лексики, а для второго ограничения касаются лишь уместности, верности слога действительности» [См.: 17].

Впервые в отечественной лингвистике к термину «языковая личность» обратился В.В. Виноградов. Индивидуальность, отраженная при построении речевой единицы, по мнению ученого,

сама является важным структурным элементом [1, с. 443]. По мнению Д.С. Лихачева, язык литературы представляет собой совокупность личностных смыслов и ассоциативных контекстов, образуя ее идеосферу, а область пересечения идеосфер всех членов языкового коллектива – концептосферу данной культуры [9, с. 162].

Речь конкретных языковых личностей отражается в словарях разного типа. Л.Л. Шестакова замечает: «Лексикографический метод начинает не только служить целям создания уникальной базы источников изучения речи реальных индивидов во всем ее многообразии, но и одновременно становится одним из объективных методов изучения языковой личности [18, с. 116]. Проблема обозначения данного явления важна и в теоретическом, и в практическом плане. В настоящее время для именованного рассматриваемого явления используется ряд терминологических словосочетаний: «словарь языка писателя», «писательский словарь», «словарь писателя», «словарь одного автора», «авторский словарь», «словарь идиостилия», «идиолектный словарь», «словарь идиолекта», «словарь личности», «словарь языковой личности». За разницей формулировок общим остается признание того факта, что такого рода словари «содержат описание лингвокультурного феномена – образца личного владения языком» [10, с. 309], «представляют собой комплексный тип словарей, в которых содержатся и объясняются слова, употребляющиеся в сочинениях определенного автора» [5, с. 6].

Таким образом, в рамках дескриптивного терминоведения сформировались различные подходы к классификациям специальных слов, как-то: сфера использования, язык-источник, содержательная и формальная структура, морфология и строение термина, степень закрепленности. Обозначенные критерии входят в теорию терминоведения и служат целям описания и изучения различных частных терминологий.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. 616 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
3. Головин Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987. 104 с.
4. Гринев С.В. Исторический систематизированный словарь терминов терминоведения: учебное пособие. М.: Московский педагогический университет, 2000. 143 с.
5. Иванцова Е.В. Лексикографическое представление речи индивида: тип словаря и его реализация в словарной практике // Вопросы лексикографии. 2013. № 2. С. 5–18.
6. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. М.: Педагогика-пресс, 1994. 247 с.
7. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 143–161.
8. Лейчик В.М. Типы совокупностей терминов: пути создания и отличительные признаки // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 2. С. 28–41.
9. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. // Русская словесность: Антология / Под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997. 287 с.
10. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта: Наука, 2003. 432 с.
11. Обремская-Яблоньская А.А. Об источниках польско-русского словаря Кирияка Кондратовича // ТОДРЛ. 1958. Т. 14. С. 597–604.
12. Попова Л.В. Проблема качества лингвистического термина (На материале авторских терминосистем функциональной грамматики): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Омск, 2004. 198 с.

13. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1997. 536 с.
14. Скляревская Г.Н. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 1998. 700 с.
15. Сложеникина Ю.В. Основы терминологии: лингвистические аспекты теории термина. М.: URSS, 2013. 114 с.
16. Суперанская А.В. Общая терминология: Вопросы теории. М.: Наука, 1989. 246 с.
17. Чапаева Л.Г. Стилистическая терминология в эпоху 1830–1840-х годов: проблемы дефиниции и дифференциации // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2009. № 2. С. 65–75.
18. Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность: монография. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.

References

1. Vinogradov V.V. *Problema avtorstva i teorija stilej* [The issue of authorship and style theory]. М.: State Publishing House literature, 1961. 616 p.
2. Vinogradov V.V. *Russkij jazyk: Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian language: The grammatical doctrine on the word]. М.: Higher School Publishing House, 1986. 640 p.
3. Golovin B.N. *Lingvisticheskie osnovy uchenija o terminah* [Linguistic basics of the doctrine on terms]. М.: Higher School Publishing House, 1987. 104 p.
4. Grinev S.V. *Istoricheskij sistematizirovannyj slovar' terminov terminovedenija: uchebnoe posobie* [Historical systematized dictionary of terminology studies terms]. М.: Moscow Pedagogical University Publishing House, 2000. 143 p.

5. Ivantsova E.V. Leksikograficheskoe predstavlenie rechi individa: tip slovarja i ego realizacija v slovarnoj praktike [Lexicographic representation of the individual's speech: type of the dictionary and its realization in dictionary practice]. *Voprosy leksikografii*. 2013. No. 2, pp. 5–18.
6. Kostomarov V.G. *Jazykovej vkus jepohi* [Language taste of the era]. M.: Pedagogika-press, 1994. 247 p.
7. Krysin L.P. Inozjazychnoe slovo v kontekste sovremennoj obshhestvennoj zhizni [The foreign-language word in the context of contemporary public life]. *Russkij jazyk konca XX stoletija (1985–1995)* [Russian end of the XX century, the language (1985–1995)]. M.: Russian Language Culture, 2000, pp. 143–161.
8. Leychik V.M. Tipy sovokupnostej terminov: puti sozdanija i otlichitel'nye priznaki [Types of term sets: ways of formation and distinctive features]. *Jazyk. Kul'tura. Rechevoe obshhenie*. 2013. No. 2, pp. 28–41.
9. Likhachev D.S. Konceptosfera russkogo jazyka [The Russian language sphere of concepts]. *Russkaja slovesnost': Antologija* [Russian literature: Anthology] / V.P. Neroznak (ed.). M.: Academia, 1997. 287 p.
10. Matveeva T.V. *Uchebnyj slovar': russkij jazyk, kul'tura rechi, stilistika, ritorika* [Learner's dictionary: Russian, standard of speech, stylistics, rhetoric]. M.: Flint: Nauka, 2003. 432 p.
11. Obremskaya-Yablonskaya A.A. Ob istochnikah pol'sko-russkogo slovarja Kirijaka Kondratovicha [Concerning the sources of the Polish-Russian dictionary of Kiriyak Kondratovich]. *TODRL*. 1958. V. 14, pp. 597–604.
12. Popova L.V. *Problema kachestva lingvisticheskogo termina* [The issue of the linguistic term quality]. Omsk, 2004. 198 p.
13. Reformatsky A.A. *Vvedenie v jazykovedenie* [Introduction to linguistics]. M.: Aspect Press, 1997. 536 p.
14. Sklyarevskaya G.N. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka konca HH veka. Jazykovye izmenenija* [Explanatory dictionary of the Russian language of the end of the XX century. Language changes]. SPb.: Institute of Linguistic Studies, RAS, 1998. 700 p.

15. Slozhenikina Yu.V. *Osnovy terminologii: lingvisticheskie aspekty teorii termina* [Terminology basics: linguistic aspects of the theory of the term]. M.: URSS, 2013. 114 p.
16. Superanskaya A.V. *Obshhaja terminologija: Voprosy teorii* [General terminology: Theory issues]. M.: Nauka, 1989. 246 p.
17. Chapayeva L.G. Stilisticheskaja terminologija v jepohu 1830–1840-h godov: problemy definicii i differenciacii [Stylistic terminology in 1830–1840: definition and differentiation issues]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholohova. Filologicheskie nauki*. 2009. No. 2, pp. 65–75.
18. Shestakova L.L. *Russkaja avtorskaja leksikografija: Teorija, istorija, sovremennost'* [Russian author's lexicography: Theory, history, present]: monografija. M.: Slavic Cultures Languages, 2011. 464 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кухно Ирина Юрьевна, аспирант

Московский городской педагогический университет, Самарский филиал

ул. Стара-Загора, 76, г. Самара, Самарская область, 443081,

Российская Федерация

irina.kuhno@yandex.ru

SPIN-код: 1774-0371

DATA ABOUT THE AUTHOR

Kukhno Irina Yurevna, Graduate Student

Samara Branch of the Moscow Pedagogical University

76, Stara Zagora Str, Samara, Samara Region, 443081, Russian

Federation

irina.kuhno@yandex.ru

SPIN-code: 1774-0371

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-1-84-93

УДК 81-119

**СИМВОЛИКА КОЛОРАТИВОВ
В РАССКАЗЕ Л.Н. АНДРЕЕВА «ГУБЕРНАТОР»**

Морщинский В.С.

Цель: Данная статья посвящена лингвокультурологическому исследованию особенностей функционирования цветообозначений в рассказе Л.Н. Андреева «Губернатор». Автор ставит своей целью выявление функций колоративов в художественном тексте, а также соотнесение их с одной из символических групп, реализующих оппозицию жизнь – смерть.

Метод: В работе, помимо традиционных описательного, сравнительно-сопоставительного метода, а также элементов компонентного анализа, нашел применение метод лингвокультурологической интерпретации, позволяющий определить соотношение языкового и культурологического в реализации функций колоративов в произведении Леонида Андреева.

Результаты: В ходе произведённого анализа установлено, что колоративы, функционирующие в рассказе Л.Н. Андреева «Губернатор», выполняют символическую функцию и в рамках символического противопоставления реализуют оппозицию жизнь – смерть, которая является базовой как в этнокультурной, так и в индивидуально-авторской художественной картине мира.

Область применения результатов: Результаты данного исследования могут найти применение в педагогической практике словесников в вузе и школе при изучении творчества Л.Н. Андреева, а также в ходе выполнения интегративных лингвисти-

ческих и культурологических исследований по смежной проблематике.

Ключевые слова: лингвокультурология; колоратив; семантика; символ; экспрессионизм.

THE SYMBOLISM OF THE COLOR NAMES IN THE STORY THE GOVERNOR BY L.N. ANDREYEV

Morschinsky V.S.

Purpose: This article is devoted to the linguocultural study of peculiarities of the of color terms functioning in the story *The Governor* by L.N. Andreyev. The author aims to identify the functions of coloration in the literary text, as well as their correlation with one of the symbolic groups that implement the life – death opposition.

Methodology: In addition to the traditional descriptive and comparative methods, as well as elements of the component analysis, the method of linguoculturological interpretation was applied that allows to determine the correlation between language and culture in the implementation of the coloration functions in the work by Leonid Andreyev.

Results: It was found that color terms, functioning in the story *The Governor* by L.N. Andreyev carry a symbolic function as well as implement – the life – death opposition within the symbolic opposition framework, the former being fundamental in both ethno-cultural and author's artistic world view.

Practical implications: The results of this study can be used at both the university and school while studying works by L.N. Andreyev, as well as performing integrative linguistic and cultural studies on related issues.

Keywords: cultural linguistics; color-name; semantics; symbol; expressionism.

Начало XX века было сложной, переломной эпохой для европейской цивилизации. Технический прогресс, вопреки мечтаниям о новой и лучшей жизни, подарил человечеству ужасающие в своей сокрушительности орудия уничтожения. XX век – век двух мировых войн и революций, которые навсегда изменили лик мира. Коренные изменения в образе мышления людей того времени, отмена устаревшей морали, изменение самой сути духовности породили широкий отклик в искусстве, в том числе в литературе [8, с. 339].

Проблематика таких произведений Л.Н. Андреева, как «Рассказ о семи повешенных» (1908) и «Губернатор» (1905), напрямую связана с делами революционными [8, с. 327]. В обоих произведениях писатель указывает на абсурдность жизни, в которой человек убивает человека, на противостоительность знания человеком часа своей смерти.

В «Губернаторе» представитель власти обреченно ожидает исполнения смертного приговора, вынесенного ему народным судом. Толпа забастовщиков «в несколько тысяч человек» пришла к его резиденции. Сначала были выдвинуты невыполнимые требования, а затем начался погром. Губернатор был вынужден приказать открыть стрельбу. Среди убитых были и дети. Повествователь осознает и справедливость народного гнева, и тот факт, что губернатор был вынужден пойти на насилие; он сочувствует и той, и другой стороне. Генерал, терзаемый муками совести, в конце концов сам осуждает себя на смерть: он отказывается покинуть город, ездит без охраны, и «Закон-Мститель» настигает его [6, с. 552]. Такова общая канва произведения.

Тяготая к эстетике экспрессионизма, ставшей популярной как раз на заре нового века, Леонид Андреев насыщает своё произведение многочисленными колоративами, которые зачастую несут в себе глубокий символический смысл. «Протестуя против миро-

вой войны и социальной несправедливости, против бездуховности жизни и подавленности личности социальными механизмами, мастера экспрессионизма совмещали протест с ужасом перед хаосом бытия. Кризис современной цивилизации предстал в произведениях экспрессионизма одним из звеньев апокалиптической катастрофы» [10, с. 46]. Посредством цветообозначений Л. Андреев, вслед за экспрессионистами, рисует мрачный мир произведения, наполненный несправедливостью и злым роком [2, с. 132].

Рассказ открывается абсолютно жуткой сценой массового побоища, учинённого охраной губернатора. «С тихим шуришанием по полз **грязно-серый** брезент» и стали видны десятки жертв неудачной стачки [1, с. 102]. Будто сама смерть предстаёт перед главным героем рассказа, когда перед ним «выплыли **белые** пятна лиц...» [1, с. 102]. В описании покойников наблюдаем использование ещё более ярких колоративов: «...**глаз, выбитый пулей, неестественно и глубоко чернел** и плакал чем-то **чёрным, похожим в темноте на дёготь**» [1, с. 102].

Пётр Ильич, губернатор, и сам глубоко переживает эту трагедию. Показав образ раскаивающегося, находящегося в плену у самого рока, человека, а вовсе не тирана и деспота, как это было принято у революционных писателей, Л. Андреев, в том числе и благодаря символическим колоративам, рисует его нам цельным в своей самокритичности: «...**неподвижно стоит окаменевший, изваянный образ: взмах белого платка, выстрелы, кровь**» [1, с. 105]. И этот белый платок будет преследовать убийцу до самого конца, оказываясь символом грядущего рока.

Губернатор не находит себе покоя: «...заложив руки в карманы **чёрных с красными** лампасами штанов, закинув **седую** голову назад, ходит по комнате крупными, твёрдыми, военными шагами» [1, с. 105]. Он понимает, что народная ненависть теперь неотступ-

но следует за ним. Страха в нём нет, но теперь Пётр Ильич видит, что за ним наблюдают: «*Один мальчишка мелькнул на заборе, в красных листьях рябины...*» [1, с. 109].

Сама природа, будто являясь продолжением народной мести, демонстрирует символические метаморфозы: «*Когда погасла кровавая, почти зимняя заря и по небу зачертили падающие звёзды...*», вслед за чем стало меняться и всё человеческое: «*...когда зажгли красный бенгальский огонь, фигуры бегающих людей превратились в какие-то уродливые, судорожно мечущиеся тени*» [1, с. 110].

Всюду губернатор видит следы своего злодеяния: «*...треугольник белой стены, как кровью окропленный красными листьями дикого винограда*» [1, с. 118]. Ему нет покоя нигде и ни в какое время: «*...каждый раз, очнувшись от глубокой думы, он чувствовал так, как будто пережил он в эти часы бесконечно долгую и бесконечно чёрную ночь*» [1, с. 116]. Ему постоянно угрожают в письмах, но Пётр Ильич и не думает усиливать свою охрану. В его представлении с ним уже давно покончено. Жена и сын губернатора морально готовы к уходу Петра. Единственный человек, который искренне жалеет Петра Ильича – это молоденькая гимназистка, обещающая молиться за его душу. Она пишет губернатору, и её письма вскоре становятся узнаваемыми, он ждёт их с надеждой: «*Небольшой листок был также нежно окрашен, и наверху была голубая незабудка*» [1, с. 139].

Во всех остальных письмах его чаще всего называют «убийцей детей»: «*Одно письмо в узком конверте из дешёвой плотной бумаги, сплошь залепленное копеечными жёлтыми марками...*» [1, с. 122]. Несмотря на готовность уйти из этой жизни, подобное оскорбление тяготит сердце Петра Ильича, ведь оно справедливо: «*Всё белее и белее становится лицо, вот оно почти такое же белое, как волосы*» [1, с. 122].

В ночь перед убийством губернатора происходит нечто страшное и мистическое: «...будто в эту ночь, когда живые тревожно спали, а убитые все в том же удивительном порядке, ногою к ноге, спокойно лежали в пожарном сарае, над городом пронёсся кто-то **тёмный** и весь его осенил своими **чёрными** крыльями» [1, с. 122]. А уже на следующий день губернатора ждала смерть. Два народных мстителя стреляют в Петра Ильича. Убийца предстаёт перед читателями: «...лицо у него было **зелено-бледное**, и **белокурые** волосы точно отделились от кожи» [1, с. 146].

Исследуя цветообозначения сквозь призму их символических значений, характерных для европейской цивилизации, в сравнении с их символикой в контексте рассказа «Губернатор», мы выявляем соответствия и расхождения между этнокультурной и индивидуально-авторской картинами мира. Смерть ассоциируются у автора с *белым* цветом и его оттенками, например *грязно-серым* цветом, а также проявляется в символическом употреблении прилагательного *седой*. Известно, что *белый* в традиционном богословии – это символ святости, чистоты и духовности. Важным представляется такое религиозно маркированное значение белого цвета, как чистота и непорочность, освобождение от грехов, а следовательно, вечная жизнь, то есть не сама смерть, а то, что, по мнению христиан, должно следовать за ней [4, с. 107]. Таким образом, в произведениях Л. Андреева проявляется индивидуально-авторская специфика в символическом наполнении белого цвета. Эту особенность как характерную для раннего творчества писателя отмечает в своей статье и Е.А. Копысова: «Во всех рассмотренных примерах белый цвет несет на себе отрицательную экспрессию, и нет ни одного примера, где бы белый цвет соответствовал традиционному значению: “ясный, светлый, чистый”» [7, с. 75].

В ряду наименований ахроматических цветов нередко используется прилагательное *черный*, символизирующее картину распада

и запустения. *Чёрный* в «Губернаторе» – это цвет рока, неизбежности. Смерть в рассказе нейтральна, а всё *тёмное, чёрное* стремится за главным героем, окружает его. *Чёрный* цвет проникает в образы персонажей, в описание природы, становится постоянным спутником Петра Ильича, предвестником смерти. Чёрный в христианской культуре – это традиционный цвет зла, греха (красный в определенных ситуациях также символизировал грех – несправедную кровь), дьявола и ада, а также смерти. В символических значениях черного, как и у первобытных народов, у индоевропейцев сохранился и даже развился аспект «ритуальной смерти», смерти для мира [9, 124]. Отражение традиции в реализации данной символики мы обнаруживаем и в рассказе Л.Н. Андреева.

Мирная жизнь, спокойствие репрезентированы в рассказе так называемым «домашним» цветом – *голубая незабудка*, в то время как месть, насилие представлены в рассказе *красным* цветом.

Синий (голубой) для христиан символизировал небо, был цветом вечности, настраивал на смирение, благочестие, выражал идею самопожертвования и кротости, а красный мог символизировать несправедную кровь, ад [3, с. 84].

Таким образом, цвета смерти как репрезентанты вечного покоя, вечной жизни, противопоставлены цвету рока, отчаяния и неуспокоения [5, с. 63].

Информативным в этом контексте является соотношение колоративной лексики в рассказе: репрезентанты белого цвета включают 8 единиц, красного – 7, черного – 6, голубого (синего) – 2, зеленого – также 2 номинации.

При этом именно голубой (как символ домашнего покоя) и зеленый (цвет листвы) соотносятся с семантическим полем «Жизнь» в символической оппозиции *жизнь – смерть*. Как видим, количественное соотношение репрезентантов полюсов указанной оппози-

ции в рассказе оказывается 4 (жизнь): 21 (смерть), что позволяет сделать соответствующий вывод: в рассказе Л.Н. Андреева, помимо сюжетной линии, выстраивается символическая перспектива, которая реализуется посредством противопоставления колоративной лексики. Трагизм рассказа усиливается автором за счет реализации этой символически развернутой ключевой оппозиции *жизнь – смерть*.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что колоративы в творчестве Л.Н. Андреева как представителя экспрессионизма выполняют роль значимого языкового средства, служащего для реализации авторских установок и репрезентации его художественного мировидения.

Список литературы

1. Андреев Л.Н. Собрание сочинений. В 6-ти т. Т. 2. Рассказы; Пьесы. 1904–1907 / Редкол.: И. Андреева, Ю. Верченко, В. Чуваков; Сост. и подгот. текста Е. Жезловой; Коммент. А. Богданова. М.: Худож. лит., 1990. 559 с.
2. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в современном русском языке. М.: Наука, 1975. 287 с.
3. Брагина А.А. Красный, серый, голубой. // РЯЗР, 1976, № 2. С. 89–91.
4. Василевич А.П. Категоризация цветоименований в английском, болгарском, русском и сербохорватском языках // Лингвистические и психолингвистические структуры речи. М.: Наука, 1985. С. 94–109.
5. Василевич А.П. Язык и культура: Сопоставительный анализ группы слов цветообозначений // Этнопсихоллингвистика. М.: Наука, 1988. С. 58–64.
6. Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького / Ред. И.С. Зильберштейн при участии К.П. Богаевской; подбор ил. В.Н. Чувакова и Н.Д. Эфрос. М.: Наука, 1965. 630 с.

7. Копысова Е.А. Особенности цветописи в раннем творчестве Л. Андреева // Вестник Удмуртского университета. Филологические науки 2006. № 5 (2). С. 73–78.
8. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 751 с.
9. Основные цветоименования // Тезисы УП Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М.: Наука, 1982. С. 124–125.
10. Berlin B., Kay P. Basic color terms. Berkeley; Los Angeles. 1969. P. 37.

References

1. Andreyev L.N. Sbranie sochineniy [Collected works]. *Sochineniya* [Works]: in six volumes. Rasskazi; Pyesi. 1904–1907 [Stories; Plays. 1904–1907] / Redkol.: I. Andreeva, U. Verchenko, V. Chuvakov; Sost. I podgot. teksta E. Zhezlovoy; Komment. A. Bogdanova. Moscow: Hudozh. lit, 1990. Vol. 2, pp. 559.
2. Bahilina N.B. *Istoria tsvetooboznacheniy v sovremennom russkom yazike* [The history of color terms in modern Russian]. Moscow: Nauka, 1975, pp. 287.
3. Bragina A.A. Krasniy, seriy, goluboy [Red, grey, blue]. *RYAZR*, № 2 (1976): 89–91.
4. Vasilevich A.P. Kategorizatsia tsvetooboznacheniy v angliyskom, bolgarskom, russkom i serbohorvatskom yazikah [Categorization of color terms in English, Bulgarian, Russian and Serbo-Croatian]. *Lingvisticheskie I psiholingvisticheskie strukturi rechi* [Linguistical and psycholinguistical structures of speech]. Moscow: Nauka, 1985, pp. 94–109.
5. Vasilevich A.P. Yazik i kultura: Sopostavitelnyy analiz gruppi slov tsvetooboznacheniy [Language and culture: comparative analysis of color terms words group]. *Etnopsiholingvistika* [Ethnopsycholinguistics]. Moscow: Nauka, 1988, pp. 58–64.

6. Gorky i Leonid Andreyev: Neizdannaya perepiska [Gorky and Leonid Andreev: unpublished correspondence]. Gorky Institute of World Literature / I.S. Zilbershtein, K.P. Bogaevskaya; V.N. Chuvakova, N.D. Efros. Moscow: Nauka, 1965, pp. 630.
7. Kopyisova E.A. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 2006. № 5 (2), pp. 73–78.
8. *Literaturniy entsiklopedicheskiy slovar* [Literary encyclopedia] / V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaev (ed.). Moscow: Sovetskaya entsiklopedia, 1987, pp. 751.
9. Osnovnie tsvetooboznacheniya [The main color terms]. *Tezisi Vsesoyuznogo simpoziuma po psiholingvistike i teorii kommunikatsii* [Theses of the All-Union Symposium of psycholinguistics and theory of communication]. Moscow: Nauka, 1982, pp. 124–125.
10. Berlin B., Kay P. *Basic color terms*. Berkeley; Los Angeles. 1969. P. 37.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Морщинский Владислав Сергеевич, аспирант очной формы обучения

*Федеральное гос. автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ») ул. Победы, 85, г. Белгород, Белгородская область, 308015, Российская Федерация
vmorsinskij@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Morschinsky Vladislav Sergeevitch, Postgraduate Student

*Belgorod National Research University
85, Pobedy Str., Belgorod, Belgorodskaya oblast, 308015, Russian Federation
vmorsinskij@gmail.com*

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-1-94-109

УДК 8 (081)

**СЕМАНТИКА НОМИНАЦИЙ
С ОСНОВНЫМ КОМПОНЕНТОМ ӨЛ «УМЕРЕТЬ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ЯКУТСКОГО
ЯЗЫКА)**

Павлова И.П., Рожина Е.А.

Цель. Статья посвящена исследованию группы слов с общей семантикой “умереть” (өлбүт) и “умерший” (өлбүт) в якутском языке. Авторы ставят целью раскрыть общие закономерности образования языковых единиц в критических ситуациях, в том числе таких, как болезнь, смерть и других.

Метод. Основу исследования образует метод сплошной выборки.

Результаты. Авторы приходят к выводу, что семантика номинаций с основным компонентом өлбүт «умер» демонстрирует общие закономерности образования слов. Каждый народ воспринимает окружающий его мир сквозь призму своих культурных обычаев, нравственных установок и принятых традиций.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы при составлении толковых, этимологических, этнолингвистических и иных словарей, а также при разработке практических пособий, спецкурсов по фольклору, лексикологии, этнографии и культурологии.

Ключевые слова: похоронно-поминальная обрядность; табу; эвфемизмы; фразеологизмы; смерть.

**THE SEMANTICS OF NOMINATIONS
WITH THE MAIN COMPONENT ØL “DIE”
(ON THE BASIS OF THE YAKUT
LANGUAGE)**

Pavlova I.P., Rozhina E.A.

Purpose. The article is devoted to the research of a group of words with a common meaning “die” (өлбүт) and “deceased” (өлбүт) in the Yakut language. The authors set the goal to disclose the general regularities on formation of linguistic units in critical emergency, including situations such as illness, death, etc.

Method. The continuous sampling and descriptive methods are used during the research.

Results. The authors conclude that the semantics of the nominations with the main component өлбүт “died” shows the general laws of words formation. The semantics of the nominations with the main component өл “to die” has national-specific features: each nation perceives the world around through the prism of their own cultural customs, moral principles, and accepted traditions.

Results application. Results of the research can be used to compile explanatory, etymological, ethnic-and-linguistic and other dictionaries, as well as develop workbooks and specialty courses on folklore, lexicography, ethnography and cultural studies.

Keywords: *Funerals and commemorative ritualism; taboo; euphemisms; death.*

Такие критические ситуации в жизни человека, как рождение, смерть, тяжелая болезнь, можно считать самыми древними, исконными, сопровождающими человека изначально. В таких случаях

первичные вербальные средства, выражающие смысл действий и в целом поведение человека, следует считать первообразными.

В терминологии похоронно-поминальной обрядности якутского языка отдельной самостоятельной группой выделяются слова с общей семантикой “умереть” (өлбүт) и “умерший” (өлбүт). Данная лексико-семантическая группа слов вызывает интерес с точки зрения теории номинации, поскольку позволяет проследить общие закономерности образования языковых единиц в ситуации смерти.

Методом сплошной выборки собран материал из различных словарей якутского языка, научных трудов А.Е. Кулаковского, В.Л. Серошевского, Э.К. Пекарского, Р.И. Бравиной, А.Н. Павлова.

В “Словаре якутского языка” Э.К. Пекарского номинация *өл* “умирать” имеет четыре значения, в первом, детально представленном – “умирать, помирать, кончаться (скончаться), гибнуть, погибать, пропадать; вымирать, умерщвляться” [13, стлб. 1927]. Автор словаря указывает тюркское происхождение глагола *өл*. Даны многочисленные примеры: *Кини баар буолан дьоннор өллөлөр*. “Люди умирают оттого, что он есть (мор)”. *Өлө илигинэ* “Когда (пока) он жив”. *Өлөрү турар* “готов умереть, погибает” (там же). Глагол *өл* “умирать” считаем первообразной первичной номинацией из основного лексического фонда якутского языка. Номинация *өлбүт* “покойный, усопший, умерший” определяется как название уже с номинативно-производным значением. “Өлбүт – 1) покойный, усопший, умерший, прежде отошедший, мертвый, мертвец, труп; смерть, мертвость Д: айыыттан өлбүт умерщвленный грехом Кк: өлбүт киһи покойник (...) 2) издохший, павший (о животных); өлбүт төлөбүрдээх (пог.) палая скотина возмещается» [13, стлб.1930]. При этом отметим, что слово *өлбүт* может обозначать не только умершего, покойника, но и само действие человека - «умер» (*кини өлбүт* “он умер”).

Ситуация смерти – это критическая ситуация, которая издавна была связана с проблемой языкового табу и сопровождалась особой системой запретов. Необходимо отметить, что семантические области языка, связанные с критическими моментами в жизни человека, бывают охвачены табу регулярным образом, что мы и наблюдаем в функционировании номинаций, связанных с ситуацией смерти.

Понятие табу тесно связано с понятием эвфемизма. Еще на стадии первобытных суеверий, отмечает Б.А. Ларин, в силу табу начинают «развиваться древнейшие эвфемизмы, дозволенные и пристойные наименования, по природе своей перифрастические или образные, скрывающие свой предмет, отвлекающие от его узнавания, якобы превращающие силой словотворчества злые качества, действия в благоприятные, желательные или хотя бы безвредные» [8, с. 111]. При этом эвфемизмы, возникшие на почве религиозных верований, переходят в традиционные, и в пережитках сохраняются кое-где и поныне. И в этом Б.А. Ларин усматривает слабый отголосок древней веры в магические силы слова. Эвфемизация, в свою очередь, тесно связана с теорией номинации. Необходимость и способность именовать предметы и явления окружающего мира сопровождает человека на протяжении всей истории его существования. Номинация – это исключительно сложное явление. Языковая теория выделяет так называемые «первичные» и «вторичные» номинации. Причем «номинативный инвентарь языка пополняется в основном за счет вторичной номинации, т.е. использования в акте номинации фонетического облика уже существующей единицы в качестве имени для нового обозначаемого» [8, с. 336]. Действительно, в качестве эвфемизмов употребляются уже существующие лексические единицы языка.

Номинации с основным компонентом *өл* “умирать” по семантике можно разделить на следующие группы :

1. Действие самого объекта (в значении “умер” (өлбүт): *шинин өнгөйбүт* “смотреть в могилу свою». Тэнн. иингнэ этиллибит; иин айафар сытар; иин үрдүгэр үктэммит. *Мин билигин өлөрүм чугаһаан, шиммин өнгөйөн олорор киһибин...* [10, с. 173], *шингнэ этиллибит* “доживать свою жизнь, быть близким к смерти” [10, с. 174], *иин айафар сытар* “находиться на краю могилы. букв. [он] лежит у могилы” [10, с. 17]), *иин үрдүгэр үктэммит* “стоять на краю могилы” [10, с. 173]. *Быстыбыт* букв.: “резать”, *кырдьан/ыалдьан тыына быстыбыт* букв.: “от старости/болезни дыхание прервалось”, *уһуктубат уһун уутун утуйбут/ <уһуктубат> уһун (олохтоох) уутун (уутугар) утуйда* “заснуть вечным сном”. Букв. <непробудным> длинным сном) [11, с. 274], *айаннаабыт* букв.: отправился в дальний путь, *айан* “дальний путь, дальняя дорога”, *тангаралаабыт* букв.: отправился к Богу; *тангаралаа* “почить, испускать дух” [13, с. 125–126], *куһаҕан буолбут/куһаҕан буолла харыс* “умереть, погибать” букв. [он] “стал плохим” [10, с. 253], *быстахха былдьаммыт/быстах былдьат* “скончаться преждевременно, погибать нелепо”. *Кини быстах былдьаттарыам диэн сүрүбэр ыттарбыт быһылааҕа*. ХС., *быстах симиэт* кэпс. случайная смерть, *быстах ыйаахтан* “умереть преждевременно” [10, с. 173], *куоппут/куот* “убегать, сбежать, уходить”; (...) случился выкидыш [12, с. 60], *арахсыбыт/ арахсыы* 1)раскол, раздор 2)разлука, расставание [15, с. 45], *барбыт/бар* “идти, ходить, уходить; уезжать, отправляться” (...), *бар* эвф.”умирать”, “кончаться”; *офонньорбут барда* старик умер; *суолламмыт – суол* 1) след, следы; *кыыл суола* следы зверя; 2) дорога, путь, трасса *улахан суол* большая оживленная трасса [15, с. 342], *халдьаайыга табыста* кэпс. “лечь в землю”, “найти могилу” [1, с. 323]. *Айыы сириттэн арахсыбыт/Айыы сириттэн арабыста* “умирать”, “уходить в лучший мир”, “уходить из жизни”. букв. он расстался с божьим миром [10, с. 101], *атабын тэннээбит*

кэпс. протянуть ноги. Букв. ноги свои подравнял [10, с. 114], *атан өлбүт* – 1) разевать, открывать (рот), 2) отходить, отделяться, отстаивать, 3) отрываться от кого-чего-л.; опережать кого-что-л.; раскрываться, распускаться; 5) погибать, подыхать; засыпать (о рыбе) [16, с. 51], *утуйбут* досл.: уснул, *көппүт* досл.: улетел, *дьылбалаабыт* от *дьылба* – 1) судьба, рок, участь, доля; 2) будущность, будущее; 3) уст. властелин чьего-л. рока, владыка чьей-л. судьбы [16, с. 136]; *күн сириттэн аннараа дойдуга барбыт* досл.: с земли солнца ушел в тот/иной мир, *бу дойдуттан куоппунт* досл.: сбежал из этой земли/из этого мира, *суох буолбут* харыс. умереть, скончаться [11, с. 143], *суорума суолламмыт/суорума суолланна (соруктанна)* – 1) преждевременно скончаться 2) навлекать на себя несчастье [11, с. 142], *сор суолламмыт/сор суолланна* “погибать преждевременно” (обычно от несчастного случая) [11, с. 135], *олохтон барбыта/туораабыта* “ушел из жизни”, *орто дойдуттан барбыта* “ушел из среднего мира”, *тута барбыт* “умереть”, “погибнуть сразу”, “мгновенно”. Букв. сразу ушел. Тэнн. *тыла суох барда* [11, с. 214], *куһаҕанньык өлбүт* “умер плохой смертью”, *бэйэтигэр тиийиммит* “покончил с собой”, *бэйэтин өлүүтүнэн өлбүт* “умер своей смертью”, *күн сириттэн арахсыбыт* “оторвался от земли солнца”, *өлөн хаалбыт* “умер” (неожиданно для всех, быстро), *киһилии өлбүт* “умер по-человечески”, *былаҕайга былдьаппыт/былаҕайга былдьат (былдьан)* «быть застигнутым неожиданным несчастьем»; «быть застигнутым неожиданной трагической смертью» [10, с. 150], *ол дойдуга аттаммыт/ол дойдуга аттан (ол дойдуну бул)* “отправляться на тот свет” [11, с. 43], *имниин/имиттэн эһиннэ (сүттэ, быһынна)* «бесследно исчезнуть», «погибнуть» [10, с. 198], *күн сириттэн сүттэ* «умереть», «уйти из жизни», Букв. исчезнуть в подсолнечном мире, *күн сириттэн сүтэр (күнтэн сүтэр)* «убивать кого-л.» [10, с. 260], *суох буолбут* «его не стало».

2. Воздействие высших сил на объект (в значении “забрали жизнь”): *дуухатын тойон /тангара харайаахтаабыт, тангара бэйэтигэр ылбыт* – оба выражения означают, что “душу забрал Бог” (*Тангара* 1. Бог, божий; *тангара күлүгэ* икона, образ; *т. дьийэтэ* церковь; *т. үөрэбэ* богословие; *тангараба үн* молиться; церковные праздники, *Бөтүрүөп тангарата* Петров день; *тангаралаа* почить, испускать дух; *тангараһыт* верующий, набожный, богобоязненный, богочестивый; отриц.: святоша, ханжа; 2. В языческой вере: *айыы* добрые духи верхнего мира; идол; разг. *халлаан тангара* видимое небо [14, с. 125–12].

3. Действие предметов, явлений: *дуухата тахсыбыта/дуухата табыста* харыс. “испустить дух” букв. душа его вышла [10, с. 164], *буруота сүттэ/быһынна* “умирать последним из семьи, не оставив потомства” букв. “дым его исчез (прервался)” [10, с. 146], *быата тардыбыт* досл. “веревка (его) притянула”, *тыына быстыбыт (тыына быһынна)* испускать последний вздох букв. “дыхание его прервалось” [11, с. 241], *тыына тымныйда* кэпс. “отдавать концы” букв. “дыхание его похолодело” [11, с. 241].

4. Действие на объект других объектов (убийство): *күн сириттэн матардылар/күн сырдыгыттан (сириттэн) матта* “отойти от мира сего”, “уходить из жизни” [10, с. 261], *күн сириттэн көтүт* кэпс. “уничтожить”, “стереть с лица земли” [10, с. 198], *былдаатылар* “отняли”, *дьаһайдылар* “порешили”, *тыынын быспыттар* “прервали дыхание”, *олохтон туораппыттар* “отстранили от жизни”, *тыыныгар турбуттар* “встали на дыхание”, *дуухатыгар турбут* посягнул на чью-л. жизнь, убил кого-л. ;

5. Өлбүт в значении «умерший»: *өлбүт киһи* “мертвый человек”, *куһаҕан буолбут* “ставший плохим”, *өлүөхсүт* “умерший”, *бокуонньук* от русск. “покойник”, *куһаҕаннык өлбүт* “умерший плохо”, *бэйэтигэр тийиммит* “покончил с собой”, *бэйэтин тыынын быспыт киһи* “прервавший собственной дыхание”.

В выделенных семантических группах нашего материала среди примеров преобладают эвфемизмы. В якутском языке сохранился специальный термин *харыс тыл* для обозначения подставных имен, возникших вследствие табу. Э.К. Пекарский в своем словаре в качестве пометы эвфемизмов использовал сочетание *харыстаан этэр тыл* (сокр. х.э.т.), буквально: «слово, сказанное оберегаючи» и сущность термина определил так: «Условное название, даваемое какому-либо предмету из предосторожности, боязни, ради охранения от несчастья «оберегаючи» (напр. вм. *ат* говорят *талаһа*, вм. *сугэ – киргил* и т.п.)» [13, стлб.2938]. Как пишет Д.К. Зеленин, некоторые общие сведения о якутском *харыстаан* находим еще у В.Ф. Трощанского, В.М. Ионова, Р. Маака, Н.А. Виташевского [5, с. 115]. Так, В.М. Ионов затрудняется перевести якутское *харыс*, *харыстаа*: термины табу и эвфемизм, по его мнению, не соответствуют значению этих якутских выражений [6, с. 3]. В своем исследовании Д.К. Зеленин специально останавливается на термине *харыстаан* (деепричастие от глагола *харыстаа*, означающего: беречь, жалеть, оберегать, экономить), подчеркивая, что это особое общее обозначение для слов так называемого условного языка, о котором у нас речь пойдет ниже [5, с. 115].

А.Е. Кулаковский внес описательный термин *сирэйинэн ааттыахтарын харыстаан сагарар сагалара*, что буквально значит «слова, оберегающие от прямого употребления» [7, с. 409]. Этот термин в настоящее время стабилизировался в варианте: *харыс тыл* «оберегающее слово», как наиболее соответствующий содержанию термина «эвфемизм».

Рассматривая вторичные номинации, созданные в процессе табуирования, мы приходим к мысли о преднамеренном их появлении. Эвфемизмы, обусловленные существующей системой запретов, возникли в результате сознательной номинативной деятельности человека.

При вторичном использовании слов в новой для них функции названия закономерно возникает смысловая преемственность наименований. Это приводит к многозначности. Как отмечает В.Н. Телия, результаты вторичной номинации воспринимаются как производные по морфологическому составу или по смыслу [15, с. 140]. Все вторичные номинации имеют так называемую «внутреннюю форму», которая и выступает как посредник между новым смыслом и его отнесенностью к действительности [15, с. 140]. При этом наблюдается семантическая транспозиция, которая не меняет материального облика переосмысляемой единицы и приводит к образованию многозначных слов, а также фразеологизмов различных типов. Например, *айаннабыт* “букв.:отправился в дальний путь, *айан* – дальний путь, дальняя дорога”, употребленное вместо *өлбүт* “умер”, заменяет прямое название с целью сокрытия негативного денотата, что характерно для критической ситуации в целом и создания эвфемизма.

Барбыт – от *бар* “идти, ходить, уходить; уезжать, отправляться” используется вместо *өлбүт* “умер”. Авторы “Якутско-русского словаря” подчеркивают появление дополнительного значения у данного глагола в качестве эвфемизма: «бар эвф.умирать, кончаться; *оюнньорбут барда* старик умер; *тута бар* умереть сразу, мгновенно” [16, с. 63].

По формальной структуре эвфемизмы подразделяются на:

1. однокомпонентные: *быстыбыт* – от *быс* “резать, перезать, отрезать” [6, с. 94], *айаннабыт* “дальний путь, дальняя дорога” [16, с. 33], *тангаралабыт* “эвф. умереть, скончаться” [16, с. 374], *куоппут* – от *куот* “убегать, сбежать, уходить” [16, с. 190], *арахсыбыт* от *арабыс* “расходиться, расставаться” [16, с. 44], *барбыт* – от *бар* “идти, ходить, уходить” [16, с. 63], *суолламмыт* – от *суол* “дорога”, “заиметь дорогу” [16, с. 342], *утуйбут* “уснул”, *көппүт*

“полетел”, *дьялзалаабыт* – от *дьялза* “судьба, рок, участь” [16, с. 136], *былдяаатылар* “отобрали”, *дьяһайдылар* “распорядились”.

2. двухкомпонентные:

- существительное + глагол: *инин өнгөйбүт* “смотреть в могилу свою” [10, с. 173], *быстахха былдыаммыт* “скончался преждевременно” [10, с. 173], *халдыаайыга табыспыт* “лечь в землю” [11, с. 323], *атабын тэннээбит* “ноги подравнял” [10, с.114], *олохтон барбыта/туораабыта* “ушел из жизни”, *дууһата тахсыбыта* “испустить дух” [10, с. 164], *буруота сүттэ* “дым его исчез” [10, с. 146], *быата тардыбыт* “веревка (его) притянула”, *тыына быстыбыт* “дыхание его прервалось” [11, с. 241], *тыынын быспыттар* “дыхание прервали”, *олохтон туораппыттар* “отстранили от жизни”, *тыыныгар турбуттар* “встали на дыхание”, *дууһатыгар турбут* “посягнул на чью-л. жизнь, убил кого-л.”, *тыына тымныйда* “дыхание его похолодело”;
- прилагательное + глагол: *куһаҕан буолбут* “стал плохим”, *суорума суолламмыт* “преждевременно скончался”, *куһаҕаннык өлбүт* “умер плохой смертью”, *“киһилии” өлбүт* “умер по-человечески”
- глагол + глагол: *атан өлбүт* [16, с. 51], *өлөн хаалбыт* “умер”;
- наречие + глагол: *тута барбыт* “сразу ушел” [11, с. 214], *суох буолбут* “его не стало” [11, с. 143];
- местоимение + глагол: *бэйэтигэр тийийммит* “покончил с собой”

3. многокомпонентные: *кырдьан/ыалдыан тыына быстыбыт* “от старости/болезни дыхание прервалось”, *уһуктубат уһун уутун утуйбут* “заснуть вечным сном” [11, с. 274], *күн сириттэн аннараа дойдуга барбыт* “с земли солнца ушел в тот/иной мир”, *орто дойдуттан барбыта* “ушел из среднего мира”, *бэйэтин өлүүтүнэн*

өлбүт “умер своей смертью”, *күн сириттэн арахсыбыт* “оторвался от земли солнца”, *бэйэтин тыынын быспыт киһи* “прервавший свое дыхание”, *дууһатын тойон /тангара харайаахтаабыт* “душу забрал Бог”, *тангара бэйэтигэр ылбыт* “Бог взял к себе”, *күн сириттэн матардылар/күн сырдыгыттан (сириттэн) мата* “отойти от мира сего”, “уходить из жизни” [10, с. 261], *айыы сириттэн арахсыбыт* “оторваться от земли Айыы” [10, с. 101], *бу дойдуттан куоппут* “сбежал из этого мира”, *ол дойдуга аттаммыйт* “отправился на тот свет”, *күн сириттэн сүттэ* “исчезнуть в подсолнечном мире”, *күн сириттэн көтүт* “убивать”, *имниин (имиттэн) эһиннэ (сүттэ, быһынна)* “бесследно исчезнуть”.

В количественном отношении многочисленными являются многокомпонентные номинации: методом сплошной выборки собрано 53 единицы. Преобладают словосочетания, выражения со следующими компонентами: *тыын* “дыхание” – *кырдьан/ыалдьан тыына быстыбыт* букв.: “от старости/болезни дыхание прервалось”, *тыына тымныйда* “отдавать концы” букв. “дыхание его похолодело” [11, с. 241], *тыына быстыбыт* испускать последний вздох букв. “дыхание его прервалось” [11, с. 241], *тыынын быспыттар* “прервали дыхание”, *тыыныгар турбуттар* “встали на дыхание”, *бэйэтин тыынын быспыт киһи* “прервавший собственное дыхание”; *дойду* “мир” – *күн сириттэн аннараа дойдуга барбыт (аннараа дойду, дойду* в значении «иной мир») досл.: с земли солнца ушел в тот/иной мир, *бу дойдуттан куоппут (бу дойду, дойду* в значении «этот мир») досл.: сбежал из этой земли/из этого мира, *орто дойдуттан барбыта (орто дойду, дойду* в значении «средний мир») “ушел из среднего мира”, *ол дойдуга аттаммыйт (ол дойду, дойду* в значении «тот мир») “отправляться на тот свет” [11, с. 43]; *барбыт* “ушел” – *күн сириттэн аннараа дойдуга барбыт* досл.: с земли солнца ушел в тот/иной мир, *олохтон барбыта* “ушел из жизни”, *орто дойдут-*

тан барбыта “ушел из среднего мира”, *тута барбыт* “умереть”, “погибнуть сразу”, “мгновенно” [11, с. 214]; *күн сирэ* букв. “земля солнца” – *күн сириттэн аннараа дойдуга барбыт* досл.: с земли солнца ушел в тот/иной мир, *күн сириттэн сүттэ* “уйти из жизни” [10, с. 260], *күн сириттэн матардылар/күн сырдыгыттан (сириттэн) матта* “отойти от мира сего”, “уходить из жизни” [10, с. 261], *күн сириттэн көтүт* “стереть с лица земли” [10, с. 198].

Обратим внимание на частое использование фразеологизмов в данной критической ситуации. В работе А.Г. Нелунова «Глагольная фразеология якутского языка» эвфемизмы рассматриваются как один из источников образования фразеологических единиц. По мнению автора, устойчивые выражения могут быть «основаны на явлении табу, эвфемизма» [12, с. 50]. Так, значение «умереть, скончаться» передается несколькими фразеологизмами: *дууһата тахсыбата* «душа его не вышла», *дууһатын тангара харайаахтаабыта* «душу забрал господь бог», *айыы сириттэн арахсыам* «удалюсь от мира божьего», *куһаҕан буолбуттар* «плохими стали», *атабын тэннээбитэ* «ноги свои подровнял». Отметим, что формирование фразеологизмов-идиом протекает как семантическое переосмысление сочетания слов и представляет собой особый случай вторичной номинации, отличительным признаком которой является использование комбинаторной техники языка в процессе формирования новой языковой единицы. Составное наименование соотносится со своим обозначаемым косвенно, через посредство семантически опорного для данной комбинации наименования. Например, вторичная номинация *атабын тэннээбит* “ноги подровнял” употребляется вместо *өлбүт* “умер”, *оҕо турбат* «ребенок не встает» вм. «дети не выживают, умирают» [12, с. 51]. Слова *тэннээбит*, *турбат* соотносятся со своими обозначаемыми при посредстве опорных наименований *атах*, *оҕо*. Только в комбина-

ции с семантически ключевыми опорными словами эти номинации реализуют так называемое связанное значение.

В словаре эвфемизмов определенное место занимают составные наименования, компонентами которых являются глаголы. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что большая часть этих вторичных номинаций является устойчивыми сочетаниями фразеологического характера, свойственными системе языка и в настоящее время. Например: *атабын тэннээбит* «ноги свои подровнял» вм. *өлбүт* «умер», *орто дойдуттан барбыта* «ушел из среднего мира», *тыына быстыбыт* «дыхание его прервалось» и другие.

Семантика номинаций с основным компонентом *өлбүт* «умер» демонстрирует общие закономерности образования слов. Каждый народ воспринимает окружающий его мир сквозь призму своих культурных обычаев, нравственных установок и принятых традиций.

Список литературы

1. Бравина Р.И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса: На материале традиций саха. Новосибирск: Наука, 2005. 307 с.
2. Бравина Р.И. Олох. Дьылҕа. Өлүү. Якутск: Бичик, 2006. 208 с.
3. Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.
4. Дабыл. Быраманна быралыйы. Барда... Якутск: Бичик, 2009. 32 с.
5. Зеленин Д.К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии: Запреты на охоте и иных промыслах // Сб. Музея антропологии и этнографии. Л., 1929. Т. 8, Ч. 1. 151 с.
6. Ионов В.М. Орел по воззрениям якутов. СПб: Типография Императорской Академии Наук, 1913. 28 с.
7. Кулаковский А.Е. Научные труды. Якутск: Кн.изд-во, 1979. 484 с.
8. Ларин Б.А. Об эвфемизмах // Проблемы языкознания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. С. 110–124.

9. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
10. Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь. Новосибирск: изд-во СО РАН, 1998. Т. 1. 287 с.
11. Нелунов А.Г. Якутско-русский фразеологический словарь. Новосибирск: изд-во СО РАН, 2002. Т. 2. 419 с.
12. Нелунов А.Г. Глагольная фразеология якутского языка. Якутск: Книжное издательство, 1981. 128 с.
13. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. 2-е изд. М.: Акад. наук СССР, Т. 1. 1958. 1280 с., Т.2, 3. 1959. 2508 с., 3858 с.
14. Петрова Т.И. Краткий якутско-русский словарь. Якутск: Изд-во “Якутский край”, 2005. 204 с.
15. Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация: Виды наименований. М.: Наука, 1977. 359 с.
16. Якутско-русский словарь. М.: Изд-во “Советская энциклопедия”, 1972. 606 с.

References

1. Bravina R.I. *Kontsepsiya zhizni i smerti v kul'ture etnosa: Na materiale traditsiy Sakha* [The conception of life and death in the ethnic group's culture: based on the Sakha's traditions]. Novosibirsk: Nauka, 2005. 307 p.
2. Bravina R.I. *Olokh* [Olokh]. D'ylҕа. Өлүү. Yakutsk: Bichik, 2006. 208 p.
3. Bravina R.I., Popov V.V. *Pogrebal'no-pominal'naya obryadnost'yakutov: pamyatniki i traditsii (XV–XIX vv.)* [The funeral and commemorative ritualism of the Yakut: records and traditions]. Novosibirsk: Nauka, 2008. 296 p.
4. *Dabyl. Вырамаҕна byралыуу. Barda...* Yakutsk: Bichik, 2009. 32 p.
5. Zelenin D.K. *Tabu slov u narodov Vostochnoy Evropy i Severnoy Azii: Zaprety na okhote i inykh promyslakh* [The word taboos by the peoples of Eastern Europe and Northern Asia]. L., 1929. V. 8, P. 1. 151 p.

6. Ionov V.M. *Orel po vozzreniyam yakutov* [The eagle according to the Yakuts' beliefs]. SPb, 1913. 28 p.
7. Kulakovskiy A.E. *Nauchnye trudy* [The scientific works]. Yakutsk: Kn.izd-vo, 1979. 484 p.
8. Larin B.A. Ob evfemizmakh [Concerning euphemisms]. *Problemy yazykoznaniya* [Problems of Linguistics]. L.: Izd-vo LGU, 1961, pp. 110–124.
9. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [The linguistic encyclopedic dictionary] / V.N. Yartseva (ed.). M.: Sov.entsiklopediya, 1990. 685 p.
10. Nelunov A.G. *Yakutsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [The Yakut-Russian phraseological dictionary]. Novosibirsk: izd-vo SO RAN, 1998. T. 1. 287 p.
11. Nelunov A.G. *Yakutsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [The Yakut-Russian phraseological dictionary]. Novosibirsk: izd-vo SO RAN, 2002. V. 2. 419 p.
12. Nelunov A.G. *Glagol'naya frazeologiya yakutskogo yazyka* [The verbal phraseology of the Yakut language]. Yakutsk: Knizhnoye izdatelstvo, 1981. 128 p.
13. Pekarskiy E.K. *Slovar' yakutskogo yazyka* [The dictionary of the Yakut language]. V.1. 1958. 1280 p., V. 2, 3. 1959. 2508 p., 3858 p.
14. Petrova T.I. *Kratkiy yakutsko-russkiy slovar'* [The concise Yakut-Russian dictionary]. Yakutsk: Izd-vo "Yakutskiy kray", 2005. 204 p.
15. Teliya V.N. Vtorichnaya nominatsiya i ee vidy [Secondary nomination and its kinds]. *Yazykovaya nominatsiya: Vidy naimenovaniy* [Language Category: Types of items]. M.: Nauka, 1977. 359 p.
16. *Yakutsko-russkiy slovar'* [The Yakut-Russian dictionary]. M.: Izd-vo "Sovetskaya entsiklopediya", 1972. 606 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Павлова Ирина Петровна, заведующий кафедрой общего языкознания и риторики, доцент, кандидат филологических наук

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова

*ул. Белинского, 58, г. Якутск, Республика Саха (Якутия),
677000, Российская Федерация*

ipavlova27@mail.ru

Рожина Евгения Алексеевна, магистрант I курса филологического факультета

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова

*ул. Белинского, 58, г. Якутск, Республика Саха (Якутия),
677000, Российская Федерация*

ipavlova27@mail.ru

peralai@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Pavlova Irina Petrovna, Head of the Department of General Linguistics and Rhetoric, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

*58, Belinsky St., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677000,
Russian Federation*

ipavlova27@mail.ru

Rozhina Evgenia Alekseevna, I-year Master's Student of the Faculty of Philology

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

*58, Belinsky St., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), 677000,
Russian Federation*

peralai@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-1-110-122

УДК 82

**СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ МЕТАФОРЫ
В ПЕРЕВОДЕ СКАЗКИ П.П. ЕРШОВА «КОНЁК-ГОРБУНОК»
НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК**

Панин В.В.

Цель. Статья посвящена особенностям перевода метафоры в поэтическом тексте. На основе правил преобразования метафор в переводе, предложенных Т.А. Казаковой, автором проведён анализ способов перевода метафор в сказке П.П. Ершова «Конёк-горбунок» на английский язык.

Метод или методология проведения работы. Основными в работе являются сопоставительный и лингвостилистический методы с привлечением метода анализа словарных дефиниций.

Результаты. В статье обобщены точки зрения отечественных и зарубежных лингвистов на проблему перевода художественной метафоры и выявлены наиболее типичные способы перевода метафор в сказке П.П. Ершова «Конёк-горбунок».

Ключевые слова: поэтический текст; метафора; способы перевода метафоры.

**WAYS OF METAPHOR TRANSFERRING IN TRANSLATION
OF THE LITTLE HUMPBACKED HORSE FAIRY TALE
BY P.P. ERSHOV INTO ENGLISH**

Panin V.V.

Purpose. The article touches upon the peculiarities of poetry translation, the notion of metaphor and the ways of translating metaphor.

The analysis of metaphor translation in The little humpbacked horse, a fairy tale by P.P. Ershov, is carried out on the basis of metaphor transformation techniques put forward by Prof. T.A. Kazakova.

Methods and methodology used in the paper: The major methods of the paper are the comparative and linguo-stylistic methods in combination with the analysis of dictionary entries.

Results. The article summarizes the viewpoints of both Russian and foreign linguists on the issue of metaphor translation, as well as reveals the most common ways of metaphor translation in The little humpbacked horse, a fairy tale by P.P. Ershov.

Keywords: *poetic text; metaphor; ways of metaphor translation.*

В процессе работы с художественным текстом переводчик нередко сталкивается с образными средствами языка, такими как метафора, метонимия, сравнение, перифраза. Адекватный перевод данных средств позволяет воссоздать всю гамму оттенков значений текста оригинала. Особую трудность, на наш взгляд, представляет перевод образных средств в поэтическом тексте.

Как полагает С.Ф. Гончаренко, можно выделить несколько видов перевода поэтического текста.

1. Поэтический перевод – это перевод поэтического текста, созданного на одном языке, с помощью поэтического текста на языке перевода. Переводчик должен создать новый поэтический текст, эквивалентный оригиналу по его концептуальной и эстетической информации, но с совсем иными языковыми, а иногда и стиховыми формами.

2. Стихотворный перевод – это метод перевода поэзии, при котором фактуальная информация оригинала передаётся на языке перевода не поэтической, а лишь стихотворной речью. Стихотворный перевод близок к оригиналу как в отношении слов и выражений, так и в стилистическом отношении.

3. Филологический перевод поэтического текста выполняется прозой и нацелен на максимально полную передачу фактуальной информации подлинника. Это открыто вспомогательный вид перевода, как правило, сопровождающийся параллельным текстом подлинника или обширными комментариями [4, с. 108].

Сказка П.П. Ершова «Конёк-горбунок» является одним из ярких примеров русских литературных сказок, в которых путём умелого использования стилистических средств создан неповторимый народный колорит. Немаловажную роль в этом играет метафора как один из ключевых тропов. В статье предпринята попытка анализа метафор сказки «Конёк-горбунок» в стихотворном переводе на английский язык Л. Зеликоффа.

Значение метафоры в языке трудно переоценить, её изучением занималось не одно поколение лингвистов, философов и литературоведов, как в нашей стране, так и за рубежом.

Вслед за И.В. Арнольд, мы понимаем метафору как «скрытое сравнение, осуществляемое путём применения названия одного предмета к другому и выявляющее таким образом какую-нибудь важную черту другого» [1, с. 124].

Различаются два основных типа метафоры – языковая и художественная. Языковая метафора представляет собой неизменный элемент лексики и воспроизводится в готовом виде. Художественная метафора индивидуальна и носит творческий характер.

Особенно часто метафора встречается в поэзии. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «метафора органически связана с поэтическим видением мира. Само определение поэзии иногда даётся через апелляцию к метафоре» [2, с. 16].

Рассматривая структуру метафоры, А. Ричардс в работе «Философия риторики» предложил использовать следующие слова для обозначения составляющих метафоры: «содержание, смысл» (tenor) и «оболочка, образ» (vehicle) [8, с. 48].

В.П. Москвин различает в плане выражения метафоры слово-аргумент, которое указывает на первый субъект сравнения, или компарант, и слово-параметр, указывающее на второй субъект сравнения, или компаратор [7, с. 46].

В переводческой литературе представлены различные способы перевода метафор.

Английский переводчик П. Ньюмарк различает 6 типов метафоры: стершуюся (*dead*), клишированную (*cliché*), стандартную (*stock*), адаптированную (*adapted*), новую (*recent*) и оригинальную (*original*) [12, с. 106]. По мнению П. Ньюмарка, при переводе метафор переводчику необходимо верно оценить, обладает ли смысловая область позитивной или негативной окраской, и понять, является ли заданная область коннотативной или денотативной [10, с. 158].

Голландский лингвист Р. Ван ден Брок предлагает следующие способы перевода метафор:

- 1) точный перевод;
- 2) замена;
- 3) перифраз [14].

А.Д. Швейцер выделяет ряд переводческих трансформаций, среди которых метафоризация, то есть замена неметафорического выражения метафорическим; реметафоризация – замена одной метафоры другой, и деметафоризация, когда метафорическое выражение в исходном тексте заменяется неметафорическим в конечном [11, с. 136–139].

М.А. Куниловская и Н.В. Короводина в своем исследовании авторских метафор различают несколько подходов к переводу таких метафор.

- 1) Перевод с сохранением образа, лежащего в основе метафоры. При этом как в оригинале, так и в языке перевода реализуется одна и та же метафорическая модель.

2) Перевод метафоры путём замены образа. В таких случаях переводчик предпочитает выразить мысль автора посредством образа, более свойственного принимающей культуре и отличного от исходного.

3) Деметафоризация, то есть отказ переводчика от сохранения исходной фигуры речи [9, с. 74–75].

Т.А. Казакова в книге «Практические основы перевода» рассматривает шесть правил преобразования метафор.

1. Полный перевод применяется в том случае, когда в исходном и переводящем языке совпадают как правила сочетаемости, так и традиции выражения эмоционально-оценочной информации, употреблённые в данной метафоре.

2. Добавление \ опущение используется либо для экспликации подразумеваемого в исходном тексте смысла (приём добавления), либо для импликации словесно выраженного в исходном тексте (приём опущения).

3. Замена применяется в случаях лексического или ассоциативного несоответствия между элементами метафоры в исходном и переводящем языках.

4. Структурное преобразование применяется при различии традиций грамматического оформления метафоры в исходном и переводящем языках.

5. Традиционное соответствие употребляется в отношении метафор фольклорного, библейского, античного происхождения, когда способы выражения метафорического подобия отличаются в исходном и переводящем языках.

6. Параллельное именование метафорической основы используется в том случае, если по межъязыковым условиям требуется замена или структурное преобразование исходной метафоры, а по характеру передаваемой информации исходный образ необходимо сохранить [6, с. 245–246].

Рассмотрим некоторые примеры метафор из сказки П.П. Ершова «Конёк-горбунок» и способы их перевода на английский язык, основываясь на приведённой выше классификации Т.А. Казаковой.

«Эй вы, сонные тетери!
Отпирайте брату двери,
Под дождём я весь промок
С головы до самых ног» [5, с. 139].

Метафора «сонные тетери» относится в тексте к братьям главного героя и в переводе передаётся как *sleepy owls*, таким образом, переводчик прибегает к приёму замены:

«Hey, you *sleepy owls*», cried he –
«Open up the door – it's me!
I am soaked right to the skin!
Hurry, there, and let me in!» [15]

Метафора в тексте оригинала основана на переносном употреблении слова «тетеря», которое зафиксировано в Большом толковом словаре русского языка:

– **тетеря** неодобр. О глупом или незадачливом человеке. *Эх ты, тетеря! Глухая тетеря* (тугоухий человек) [3, с. 1321].

Похожее значение находим у слова *owl* в Оксфордском толковом словаре английского языка:

– **owl**, n. transf. and fig. a. Applied to a person in allusion to nocturnal habits, to literal or figurative repugnance to light, to appearance of gravity and wisdom (often with implication of underlying stupidity), etc. [9].

Русское слово «тетеря» в данном контексте синонимично английскому *owl* в значении «глупый человек».

Остановимся ещё на одном случае использования приёма замены.

«...Вон отсюда, *болезнь злая!*»
Тут Иванушка, рыдая,
Поплелся на сеновал,
Где конёк его лежал [5, с. 160].

В метафоре «болезнь злая» содержится слово «болезнь» – архаичный вариант слова «болезнь». В качестве эквивалента выбрано английское слово *plague* также в устаревшем значении «болезнь»:

«Off with you, you *wretched plague*, you!»
Shivering as with the *ague*,
Vanya to the hayloft crept,
Where his little humpback slept [15].

В следующем примере наблюдается приём добавления: метафорическое выражение «дрожь на малого напала» передаётся с помощью фразы «that he shivered in his skin», т.е. глаголом *shiver* «дрожать» и предложным словосочетанием *in his skin*.

Ночь холодная настала,
Дрожь на малого напала,
Зубы начали плясать;
Он ударился бежать [5, с. 140].

Such a fearful frost set in,
That he shivered in his skin.
Teeth a-chatt 'ring in his head,
Freezing, from his post he fled [15].

Аналогичный приём используется в переводе метафоры «зубы начали плясать», к словосочетанию *teeth a-chatt 'ring* добавляется фраза *in his head*. Одной из причин использования приёма добавления является стремление переводчика сохранить оригинальную рифму сказки; в переводе и оригинале первая строка рифмуется со второй (напала – настала, *set in* – *skin*), третья – с четвертой (плясать – бежать, *head* – *fled*).

В отдельных случаях метафора в тексте оригинала подвергается структурному преобразованию. Например, метафора «игрушка-горбунок» в переводящем языке передаётся с помощью атрибутивного словосочетания *tiny humpback*:

Лишь *игрушка-горбунок*
У его вертелся ног,
Хлопал с радости ушами
Да приплясывал ногами [5, с. 142].

Only *tiny humpback*, neighing,
Fawned around his feet, a-playing,
Flapping both ears left and right,
Prancing gaily in delight [15].

В следующем отрывке структурному преобразованию подвергается метафора «сильной страстью воскипел». В оригинале компарант метафоры выражен личным местоимением, тогда как в переводе компарантом выступает абстрактное существительное *desire* «страсть, желание».

Я тебя едва узрел –
Сильной страстью воскипел.
Соколины твои очи
Не дадут мне спать средь ночи [5, с. 153].

When I first saw you, *desire*
Burned within my breast like fire!
Oh! Your lovely eyes so bright –
They will haunt me day and night! [15].

Далее рассмотрим, каким образом осуществлён перевод развёрнутой метафоры.

Время к вечеру клонилось;
Вот уж *солнышко спустилось*;

*Тихим пламенем горя,
Развернулася заря [5, с. 159].*

*Evening shadows fell apace,
And the Sun had run his race,
Tinged the heavens with the blaze
Of his slowly dying rays [15].*

В переводе помимо метафоры используется приём персонификации; солнце предстаёт перед читателем как одушевлённое существо. Текст перевода представляет собой параллельное именование метафорической основы: *the Sun had run his race, tinged the heavens with the blaze of his slowly dying rays* «солнце завершило свой бег и окрасило небо светом медленно угасающих лучей». Суть метафоры сохранилась, однако исходный образ несколько видоизменился. Если в оригинале метафора основана на двух существительных – *солнце* и *заря*, то в переводе ключевым компонентом выступает слово *the Sun* «солнце».

В тексте сказки также содержатся устойчивые словосочетания, основанные на метафоре.

Похвалил его отец:
«Ты, Данило, молодец!
Ты вот, так сказать, примерно,
Сослужил мне службу верно,
То есть, будучи при всём,
Не ударил в грязь лицом» [5, с. 139].

Рассмотрим, каким образом переведён фразеологизм «лицом в грязь не ударить» со значением «выполнить удачно, не оплошать, показать себя с лучшей стороны» [3, с. 501].

Father praised his son with pleasure,
Said: «Danilo, you're a treasure!

You have served me well, my son,
I can only say, well done!
You have proved that you're a man
And *have not disgraced* me, Dan!» [15]

В тексте перевода используется приём замены устойчивого выражения конструкцией с глаголом *disgrace* «позорить».

Бьёт в круты бока ногами,
Теребит его руками,
Изо всех горланит сил...
Конь взвился, и *след простыл* [5, с. 143] .

Twined its mane around his wrist,
Urged it on with heel and fist,
Shouting out with all his might.
Up his horse *rose out of sight* [15].

В приведённом выше варианте перевода наблюдается приём замены фразеологизма «след простыл» выражением *to rise out of sight* «скрыться из виду».

Таким образом, проведённый анализ способов передачи метафор в переводе сказки П.П. Ершова «Конёк-горбунок» на английский язык позволяет сделать вывод, что переводчик использует широкий «арсенал» средств преобразования метафор: замену, структурное преобразование, добавление/опущение, параллельное именование метафорической основы. Выбор того или иного средства обусловлен необходимостью как можно полнее передать образность, экспрессию сказки, при этом сохранив содержание и оригинальную рифму.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. М.: Флинта: Наука, 2004. 384 с.

2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры: Сборник. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
4. Гончаренко С.Ф. Поэтический перевод и перевод поэзии: константы и вариативность // Тетради переводчика. М.: МГЛУ, 1999. Вып. 24. С. 108–111.
5. Ершов П.П. Конёк-горбунок // Поэзия XIX – начала XX века. М.: Художественная литература, 1984. С. 139–161.
6. Казакова Т.А. Практические основы перевода. English – Russian. СПб.: Лениздат; Издательство «Союз», 2002. 320 с.
7. Москвин В.П. Русская метафора: Очерк семиотической теории. М.: ЛЕНАНД, 2006. 184 с.
8. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры: Сборник. М.: Прогресс, 1990. С. 44–67.
9. Куниловская М.А., Короводина Н.В. Авторская метафора как объект перевода // *Lingua mobilis*. 2010. №4 (23). С. 73–81.
10. Шикалов С.В. Способы перевода метафор в концепции Питера Ньюмарка // Вестник МГЛУ. 2010. Вып. 9 (588). С. 156–162.
11. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
12. Newmark P. A Textbook of Translation. Pearson Education Limited, 2008. 292 p.
13. Oxford English Dictionary // URL: <http://www.oed.com/view/Entry/135494?rskey=Pe6h2I&result=1#eid/> (дата обращения: 14.05.2016).
14. Van den Broeck R. The Limits of Translatability Exemplified by Metaphor Translation // URL: <http://www.jstor.org/stable/1772487/> (дата обращения: 14.05.2016).
15. Yershov Pyotr The little humpbacked horse // URL: http://az.lib.ru/e/ershow_p_p/text_0030.shtml/ (дата обращения: 7.05.2016).

References

1. Arnold I.V. *Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk: Uchebnik dlya vuzov* [Stylistics of Modern English: A textbook for higher school]. M.: Flinta: Nauka, 2004. 384 p.
2. Arutyunova N.D. *Metafora i diskurs. Teoriya metafory: Sbornik* [Metaphor and discourse. Theory of metaphor: collected articles]. M.: Progress, 1990, pp. 5–32.
3. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [A comprehensive dictionary of the Russian language]. S.A. Kuznecov (ed.). Spb.: Norint, 2000. 1536 p.
4. Goncharenko S.F. *Poeticheskiy perevod i perevod poezii: konstanty i variativnost'* [Poetic translation and translation of poetry: constants and variation]. *Tetrad i perevodchika*. M.: MGLU, no. 24(1999): 108–111.
5. Ershov P.P. *Konek-gorbunok. Poehziya XIX – nachala XX veka* [The little humpbacked horse. Poetry of the XIXth – early XXth century]. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1984, pp. 139–161.
6. Kazakova T.A. *Prakticheskie osnovy perevoda. English – Russian* [Practical fundamentals of translation]. SPb.: Lenizdat; Izdatel'stvo «Soyuz», 2002. 320 p.
7. Kunilovskaya M.A., Korovodina N.V. *Avtorskaya metafora kak ob'ekt perevoda* [Author's metaphor as an object of translation]. *Lingua mobilis*, №4 (2010): 73–81.
8. Moskvina V.P. *Russkaya metafora: Ocherk semioticheskoy teorii* [Russian metaphor: An outline of semiotic theory]. M.: LENAND, 2006. 184 p.
9. Richards A. *Filosofiya ritoriki Teoriya metafory: Sbornik* [Philosophy of rhetoric. Theory of metaphor: collected articles]. M.: Progress, 1990. pp. 44–67.
10. Shikalov S.V. *Sposoby perevoda metafor v koncepcii Pitera N'yumarka* [Ways of metaphor translation in Peter Newmark's conception]. *Vestnik MGLU*, no. 9 (2010): 156–162.

11. Shvejcer A.D. *Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty* [Theory of translation: Status, problems, aspects]. М.: Nauka, 1988. 215 p.
12. Newmark P. A Textbook of Translation. Pearson Education Limited, 2008. 292 p.
13. Oxford English Dictionary. <http://www.oed.com/view/Entry/135494?-rskkey=Pe6h2I&result=1#eid/> (accessed May 14, 2016).
14. Van den Broeck R. The Limits of Translatability Exemplified by Metaphor Translation. <http://www.jstor.org/stable/1772487/> (accessed May 14, 2016).
15. Yershov Pyotr The little humpbacked horse. http://az.lib.ru/e/ershow_p_p/text_0030.shtml/ (accessed May 7, 2016).

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Панин Виталий Витальевич, доцент кафедры русской и зарубежной филологии, культурологии и методики их преподавания, кандидат филологических наук

Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова, филиал Тюменского государственного университета

ул. Ленина, 1, г. Ишим, Тюменская область, 627750, Российская Федерация

paninvv@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Panin Vitaliy Vitalyevich, Assistant Professor at the Department of Russian and Foreign Philology and Methods of Teaching, Ph.D in Philology

P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute, a branch of Tyumen State University

1, Lenin Str, Ishim, Tyumenskaya Oblast, 627750, Russian Federation

paninvv@mail.ru

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ STUDIES IN PHILOSOPHY

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-1-123-133

УДК 1(091) +(316.6)

ЦЕННОСТНЫЙ ВЫБОР РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ГРУППОВОЙ СРЕЗ

Бормотов И.В.

Цель. Статья посвящена актуальной теме – социально-философскому анализу ценностного выбора российской молодежи на групповом уровне. Предметом исследования является уточнение методологического статуса понятия «групповые ценности» и его содержания. Авторы ставят целью раскрыть профессионально-образовательные, семейные и досуго-развлекательные ценности российской молодежи.

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образуют структурно-содержательный, системный и аналитический методы, а также принцип социально-философской реконструкции.

Результаты. Результаты работы заключаются в выявлении особенностей функционирования групповых ценностей молодежи в современном российском обществе. Дается целостное представление о том, что представляет собой современная российская молодежь как социально-демографическая группа. Авторы делают предположение о том, как будут изменяться ценностные ориентации молодого поколения россиян в ближайшем будущем.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере социально-философского проектирования и прогнозирования.

Ключевые слова: профессионально-образовательные ценности; семейные ценности; досугово-развлекательные ценности; групповые ценности; молодежь.

THE CHOICE OF VALUES OF THE RUSSIAN YOUTH: GROUP CUT

Bormotov I.V.

Purpose. The article is devoted to an acute problem of the social and philosophical analysis in terms of the choice of values as a group cut. The subject of the present research is a more precise definition of the methodological status of the term “group values” as well as its contents. The authors aim to reveal professional, educational, family and leisure values of the Russian youth.

Methodology. Structural and contextual, system and analytical methods build up the research, as well as the principle of social and philosophic reconstruction.

Results. The results are to identify features of the functioning of the group values of youth in modern Russian society. The present day Russian youth is described as a social and demographic group. The authors are giving suggestions of how the young Russian’s values are going to change in the future.

Practical implications: The results can be applied in the sphere of social and philosophic development and forecast.

Keywords: professional and educational values; family values; leisure and entertainment; group values; the youth.

Проблема ценностного выбора современной российской молодежи становится объектом пристального внимания ученых и об-

щественных деятелей нашей страны, что находит свое отражение в появлении значительного количества работ и публикаций [3; 8; 10]. Анализ данных работ позволяет выделить три основных подхода к рассмотрению российской молодежи.

«Первый подход рассматривает молодёжь как носителя свойств молодости (психофизиологический аспект) в определённый период жизни человека.

Второй подход, характеризует молодёжь сквозь призму социального статуса, определяемого возрастными изменениями, а соответственно, и промежуточностью, и нестабильностью её положения.

Третий подход исследует молодёжь как социокультурную общность, носителя общих групповых ценностей, образов бытия, общественных идеалов, (ценностный аспект), а также собственной культуры (субкультуры)» [5, с. 18].

Помимо основных подходов имеют право на существование и некоторые другие, менее известные точки зрения, среди которых можно выделить следующие:

- о месте молодежи в общественном воспроизводстве (В.И. Чупров) [11];
- о роли молодежи в концепции «общества риска» (Ю.А. Зубок) [6, с. 147–162].

Проблемы российской молодёжи, по своей сути, представляют собой проблемы не только современного молодого поколения, но и всего общества в целом, от их решения зависит не только сегодняшний, но и завтрашний день. От представлений, ценностей, норм и установок современной молодежи, напрямую зависит и будущее развитие российского общества.

Давая характеристику современному молодому поколению можно выделить те *основные признаки*, которые его отличают от остальных социальных групп:

- в этих молодых людях нет практически ничего советского;
- они мечтают многого достичь, иметь высокие заработки;
- они достаточно честолюбивы;
- большинство из них не хотят работать в государственном секторе, но их интерес к государственной службе растет;
- они стремятся к самореализации, самостоятельности и саморегуляции.

Анализ отличительных признаков современной российской молодежи *позволяет определить ее ориентации в мире ценностей*, к которым можно отнести: продолжающийся процесс вымывания национальных ценностей, деградация ценностного сознания подрастающих поколений, отсутствие стройной системы ценностей и идеалов, ориентация на индивидуализм, эгоизм и т. д.

Молодежь представляет собой дифференцированную группу. Ее разделение осуществляется на основе двух факторов: *во-первых*, социальный статус семей, материальное положение, готовность получить высшее образование; и, *во-вторых*, место проживания; знакомство с современной жизнью и обычаями; уровень коммуни- кабельности и отношение к культуре отдельных групп молодежи.

Ориентации молодежи на групповые ценности необходимо учиты- вать при ценностном выборе. Это связано с тем, что *современная рос- сийская молодежь представляет собой* очень «пеструю» и неоднород- ную по составу, образу жизни, ценностным ориентациям, культурным предпочтениям социальную группу. *Для нее свойственна* целая палитра разнообразных оттенков, полутонов, взглядов, умонастроений, которые своеобразно проявляются в молодежной субкультуре. Если к этому добавить постоянную обновляемость социально-демографи- ческого состава российской молодежи, то можно представить всю ту сложность, которая возникает при анализе групповых ценностей.

Данная разновидность ценностей интегрирует личные устремле- ния молодых людей в таких важных сферах деятельности, как обра-

зовательная, профессиональная, семейная и досугово-развлекательная. Групповые ценности выполняют объединяющую роль, «связывая во едино социальные и личностные ценности молодежи» [4, с. 133].

Среди групповых ценностей особое место занимают *профессионально-образовательные*, которые ориентируют молодых людей на «достойный профессиональный выбор, повышение ценности знания, престижное образование» [9, с. 182]. Знания являются важным фактором развития личности, повышения качества жизни. В современном российском государстве практически достигнуто всеобщее высшее образование. Подавляющее число молодых людей учатся в государственных и коммерческих высших учебных заведениях, с одной единственной целью – получить диплом. Однако для того, чтобы быть успешными в современном обществе одного диплома о высшем образовании может быть недостаточно, необходимо обладать и иными умениями, и навыками, среди которых можно выделить следующие:

- высшее образование должно подкрепляться дополнительными знаниями (иностраный язык, пользование различными компьютерными программами, права на вождение автомобиля и т.п.);
- повышаются требования к качеству «человеческого материала», то есть молодой человек должен обладать проектным стилем мышления, который предполагает свободный переход от одного исследовательского проекта к другому;
- происходят изменения и в системе требований к рабочей силе, которая все больше ориентируется на инициативу и самостоятельность, способность работать во временных группах, высокую мотивацию к переобучению.

Конечно, полученные знания являются, прежде всего, средством для развития профессиональной карьеры, но они рассматриваются и как неотъемлемый атрибут современного человека, давая возможность каждому приобщиться к достижениям культуры, накопленным

человечеством последним открытиям науки. Роль знания и образования повышается, с одной стороны, в связи с вступлением общества в информационную эпоху, а с другой, – в связи с прагматизацией мировоззрения, потребностью в высокообразованных специалистах.

В этих условиях усиливается влияние на поведение и деятельность молодых людей *образовательных ценностей*, которые обуславливаются так называемыми постматериалистическими потребностями. Их целесообразно классифицировать по отношению к личности молодого человека на предметно-практические и социально-коммуникативные. Если *первая группа* потребностей связана с конкретными видами труда и имеет скорее инструментальный характер, то *вторая* имеет отношение к социальному статусу личности. В образовательной среде возрастает удельный вес утилитаристских ценностей учащейся молодежи, что сказывается на подвижках, которые происходят в ее менталитете.

Формирование образовательных ценностей современной российской молодежи осуществляется под «влиянием объективных и субъективных, внешних и внутренних, стихийных и целенаправленных факторов, которые различаются как по масштабу своего влияния, так и по силе своего воздействия на мега-, макро-, мезо- и микроуровнях» [7, с. 22].

Содержание *профессиональных ценностей* молодежи обусловлено, прежде всего, местом жительства и видом деятельности. Если для городской молодежи доминирующими являются современные ценности: карьера, деловой успех, материальный достаток, корпоративная солидарность, то для сельской – традиционные: религия, патриотизм семья, здоровье, дружба, любовь. Иерархия ценностных ориентации работающей молодежи зависит от сферы и особенностей профессиональной деятельности. Так, например, у молодых людей, занятых в нематериальном производстве, господствуют такие ценности, как образованность, терпимость и чуткость; в мате-

риальном производстве – самореализация, независимость и рационализм; в силовых структурах доминируют волевые качества, исполнительность и дисциплинированность.

Показательным фактором трансформации ценностей в профессиональной сфере стало изменение в сознании молодого поколения списка престижных профессий, которые позволяют получить высокий доход и достойное положение во властных структурах. Современная молодежь выбирает новые направления занятости: так, например, пользуются популярностью представители таких профессий, как программисты, работники модельного и шоу-бизнесов, работники торговли и менеджеры. В предпочтениях молодежи проявляется явное противоречие: в список престижных профессий включены специальности, ориентированные не на доход, а на содержательную сторону труда. Вместе с тем, основным мотивом выбора занятости все также остается хорошо оплачиваемая работа, и только потом – интересная. Можно констатировать тот факт, что в постсоветском обществе изменилось только процентное соотношение профессиональных ценностей молодого поколения, однако, приоритеты остаются неизменными.

Наряду с профессионально-образовательными ценностями у молодых людей наблюдается «формирование семейных и досугово-развлекательных ценностных ориентаций» [1, с. 119].

В молодежной среде продолжается процесс динамических изменений в содержании семейных ценностей, который реализуется под влиянием общемировых, российских и групповых тенденций, охватывающих переход от патриархальной семьи к нуклеарной, а также от детоцентристкой к эгалитарной.

Изменения в семейных ценностях молодых людей носят не только содержательный, но и функциональный характер, который проявляется в трансформации межличностных отношений между супругами от конфронтации и нетерпимости по отношению друг к другу до оказания психологической поддержки членам семьи.

Среди молодых людей в последние годы набирает популярность проживание семейной пары без регистрации. Гражданский брак чаще всего встречается среди представителей молодого поколения, живущего в крупных городах, хотя от них не отстает и провинция.

Однако независимо от конкретного типа семья остается для молодежи значимой ценностью. Сознательное одиночество и бессемейная жизнь большинством молодых людей не приветствуется. Доминирующими ценностями семейной жизни остаются духовная близость, любовь, взаимное уважение супругов, родительство, дети, общие интересы, гармоничные отношения, совместное ведение хозяйства и др.

Особое значение в жизни современной российской молодежи «играют *досуго-развлекательные ценности*» [2, с. 17]. Это обусловлено следующими обстоятельствами:

- *во-первых*, досуго-развлекательные ценности неразрывно связаны с появлением у молодежи *свободного времени*, которое будучи свободным от работы и учебы используется молодыми людьми для отдыха и развлечений;
- *во-вторых*, досуго-развлекательные ценности направлены на реализацию таких типов досуга молодых людей, как *развивающий, развлекательный, домашний, спортивный, общественно-политический*, которые позволяют юношам и девушкам не только раскрывать, но и реализовывать свои потребности, желания, ориентации, личностные качества в свободное от работы и учебы время;
- *в-третьих*, досуго-развлекательные ценности направлены на *удовлетворение основных духовных потребностей* молодежи, среди них наиболее востребованными для молодых людей являются: культурные, научные, социальные и творческие;
- *в-четвертых*, в структуре досуго-развлекательных ценностей молодежи произошли значительные изменения, которые были вызваны *появлением новых информационных технологий*, они

оказали воздействие на читательские вкусы и пристрастия, на подбор музыкальных, теле- и кинопроизведений.

Таким образом, ценностный выбор российской молодежи на групповом уровне позволяет, не только дополнить аксиологическую картину российского общества, но и обозначить важные направления будущих научных исследований. Среди них особую значимость приобретает проблема организации досуга среди молодых людей и формирование положительно направленных профессионально-образовательных ценностей.

Список литературы

1. Анафьянова Т.В. Особенности развития иерархии семейных ценностей молодой семьи // *Современные наукоемкие технологии*. 2010. № 8. С. 119–122.
2. Батнасунов А.С. Досуг как сфера жизнедеятельности современной российской молодежи: автореф. дис. ... к.соц.н. Ставрополь, 2004. 28 с.
3. Боряз В.Н. Молодежь. Методологические проблемы исследования. М.: Наука, 2003. 155 с.
4. Гегер А.Э. Выявление индивидуальных и групповых ценностей в группе молодежи. Релевантные методические решения // *Социологические исследования*. 2010. № 1. С. 132–141.
5. Елишев С.О. Молодежная политика в формировании ценностных ориентаций современной российской молодежи: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2010. 31 с.
6. Зубок Ю.А. Риск в социальном развитии молодежи // *Социально-гуманитарные знания*. 2003. № 1. С. 147–162.
7. Королев С.Л. Онтологические и аксиологические аспекты трансформации современного отечественного образования: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2007. 26 с.
8. Лелекина И.А. Социально-экономический статус молодежи в трансформирующемся российском социуме: автореферат дис. канд. соц. наук. Майкоп, 2007. 24 с.

9. Никандров Н.Д. Образование на рубеже тысячелетий: вечное и преходящее // Народное образование. 2001. № 2. С. 178–182.
10. Омельченко Е.Л. Молодежь. Открытый вопрос. Ульяновск: Симбирская книга, 2004. 184 с.
11. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы. М., 2000. 116 с.

References

1. Anafianova T.V. Osobennosti razvitiya ierarhii semeinih tsennostei volodoi semyi [The Characteristics of the Hierarchy of Family Values of the Young]. *Sovremennie naukoemkie tekhnologii* [Modern Science Technologies]. 2010. № 8, pp. 119–122.
2. Batnasunov A.S. *Dosug Kak Sfera Zhiznedeyatelnosti Sovremennoy Rossiyskoi Molodezhi* [Leisure as a Part of Young People's Life]: PhD author's thesis. Stavropol, 2004. 28 p.
3. Boryaz V.N. Molodezh. Metodologicheskie Problemi Issledovaniya [Methodological problems of Research]. *Vlast* [Power], 2008. № 10, pp. 91–93.
4. Geger A. E. Viuavlenie individualnih i gruppovih tsennostei v gruppe molodezhi. Relevantnie metodicheskie resheniya [Identification of Individual Values and Values in a Group of Young People. Relevant Solutions]. *Sociologicheskie resheniya* [Social Science Solutions], 2010. № 1, pp. 132–141.
5. Eliscev S.O. *Molodejnaia politika v formirovanii tsennostnyh orientacii sovremennogo rossiyskogo obschestva* [Youth policy in the formation of value orientations of modern Russian society]: PhD author's thesis. M., 2010. 31 p.
6. Zubok Y.A. Risk v socialnom razvitii molodezhi [The Risk of Social Development of the Youth]. *Socialno-gumanitarnie znaniya* [Social and Humanities Science], 2003. № 1, pp. 147–162.
7. Korolev S.L. *Ontologicheskiye i aksiologicheskiye aspekty transformatsii sovremennogo otechestvennogo obrazovaniya* [Ontological and

- Axiological Aspects of the Transformation in Russian Society]: PhD author's thesis. Novosibirsk, 2007. 26 p.
8. Lelekina I.A. *Sotsialno-ekonomicheskiy status molodezhi v transformiruemom rossiyskom sociume* [Social and Economic status of the Youth in the Transforming Russian Society]: PhD author's thesis. Maikop, 2007. 24 p.
 9. Nikandrov N.D. *Obrazovaniye na rubezhe tisyacheletiy: vechnoe I prehodiyashee* [Education on the Verge of the Epochs: Eternal and Ephemeral]. *Narodnoe obrazovanie* [Popular Education], 2001. № 2, pp. 178–182.
 10. Omelchenko E.L. *Molodezh. Otkritiy Vopros* [The Youth. An Open Issue]. Ulyanovsk: Simbirskaya Kniga, 2004. 184 p.
 11. Chuprov V.I., Zubok Y.A. *Molodezh v obschestvennom vosпроизводстве: problemi i perspektivi* [The Youth in the Social Reproduction: Problems and prospects]. M., 2000. 116 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Бормотов Игорь Владимирович, заведующий кафедрой философии, истории и права, доцент, кандидат философских наук
Тульский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
ул. Оружейная, 1а, г. Тула, Тульская область, 300012, Российская Федерация
tula@fa.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Bormotov Igor Vladimirovitch, Chairman of the Department of Philosophy, History and Law, Associate Professor, PhD
Financial University under the Government of the Russian Federation (Tula branch)
1, Oruzheynaya Str, Tula, Tula Region, 300012, Russian Federation
tula@fa.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-1-134-147

УДК 130.2

ПОЖИЛОЙ ВОЗРАСТ И ЕГО КУЛЬТУРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Овсянникова Н.В.

Цель работы. Цель данного исследования состоит в том, чтобы дать анализ пожилого возраста и его культурного содержания. Возраст является важной характеристикой человека. Достойная старость во многом зависит от усилий человека по саморазвитию на протяжении всей жизни и достигнутого им культурного уровня. Каждый следующий шаг человечество делает, используя все ранее накопленное культурой, поэтому культурное содержание пожилого возраста непосредственно влияет на качество сохранения и передачи базовых ценностей другим поколениям. Важность темы исследования диктуется необходимостью выработки новой культурной парадигмы развития в условиях демографического кризиса. Старение общества выдвигает новые требования к пожилому человеку, предписывающие быть активным творцом постиндустриальной цивилизации. В качестве гипотезы выдвигается идея о привлечении духовной энергии «третьего возраста» для конструирования и совершенствования новых элементов культурного кода.

Методы и методология проведения работы. Характер исследования проблемы старости в системе культуры обусловил необходимость междисциплинарного подхода, позволяющего исследовать ее в комплексе. Для решения поставленной исследовательской задачи используется сочетание нескольких мето-

дологических подходов: культурологического, исторического и системного.

Результаты. Для полноценного развития люди должны иметь контакты со всеми носителями культуры, т.е. живущими ныне поколениями. Это уникальный для каждого человека «режим жизни», который детерминирован как внешней средой, так и внутренней логикой саморазвития. Благоприятные социально-экономические, политические и социокультурные условия позволяют пожилому человеку формировать стратегию активной старости, оставаться полноценным членом общества и реализовывать личный социокультурный потенциал. Чем больше поколений вовлечены в культуротворчество, тем надежнее функционируют системы морали и нравственности, яснее просматриваются национальные цели и качественнее решаются текущие задачи. Настоящее требует устойчивого развития, что предполагает динамичное соотношение традиционности, поддерживающей стабильность, и инноваций, благодаря которым общество продвигается вперед. Стабилизирующую роль в этих процессах играют люди старшего поколения, и она будет только возрастать. Современные «отцы и дети» при совместной генерации новаций могут с удвоенной силой осуществить радикальные преобразования общества.

Область применения результатов. Полученные результаты могут применяться в философских и культурологических исследованиях, служить теоретической базой для организации социально-политического проектирования элементов общественного развития.

Ключевые слова: возраст; культурное развитие, старость; «третий возраст»; старшее поколение, межпоколенное взаимодействие; отбор вариантов развития; современная культура.

ELDERLY AGE AND ITS CULTURAL CONTENT

Ovsyannikova N.V.

Purpose. Age is an important characteristic of a person. The worthy old age depends largely man's efforts to self-development throughout his life and the cultural level he has reached. Every next step, humanity makes using all previously accumulated culture, so the cultural content of the elderly directly affects the quality of preserving and transmitting the core values to other generations. The importance of the research topic is dictated by the need for a new cultural paradigm of development under conditions of demographic crisis. The ageing of society poses new challenges to the elderly person prescribing to be an active creator of post-industrial civilization. As a hypothesis, the idea of bringing the spiritual energy of the "third age" for the construction and improvement of new elements of the cultural code is put forward. On this basis the aim of this work was to analyze the cultural content of the elderly and its ability to transform the modern world.

Methodology. The nature of the study of the problem of old age in the culture system necessitated an interdisciplinary approach that allows to explore it in the complex. To solve the problem of the research, a combination of the principle of historicism with cultural methodological approach is used, that allows for a fresh look at the noted issues.

Results. For full development people must have contacts with all bearers of culture, i.e. the present generations. It is unique "mode of life" for each person, which is determined by both the external environment and the internal logic of self-development. Favorable socio-economic, political and socio-cultural conditions allow an elderly person to form the active aging strategy to be a productive member of society and to realize personal socio-cultural potential. The more generations are involved

in cultural creativity, the more secure the system of morality and ethics are functioning, national objectives become distinctly visible and current problems are solved better quality. This requires a sustainable development, which implies a dynamic ratio of tradition, maintaining stability and innovation, thanks to which the society moves forward. A stabilizing role in these processes is played by people of the older generation, and it will only grow. Modern “fathers and sons” in co-generation of innovations can bring about radical transformation of society with a vengeance.

Practical implications. The obtained results can be used in philosophical and cultural studies and serve as the theoretical basis for the organization of socio-political design elements of social development.

Keywords: *age; cultural development, old age; «third age»; the older generation, intergenerational interaction; the selection of development options; modern culture.*

Возраст человека является универсальной категорией, он описывается в биологических, социально-психологических, демографических, философских категориях и обладает культурно-исторической и национальной спецификой. Особенности возрастного развития фиксируются в системе культуры. Каждая национальная культура формирует свои представления о возрасте, статусно-ролевых ожиданиях, возрастной символике и ритуальной общественной практике. В процессе реализации возрастных функций индивид неизбежно испытывает на себе влияние культурной среды. Период старости и детства наиболее зависимы от окружающей их среды [5]. Причем для успешного функционирования этих возрастов она должна быть благоприятной. Остановимся на анализе благоприятных социально-экономических, политических и социокультурных условий, позволяющих пожилому человеку формировать стратегию активной старости, оставаться полноценным членом общества и реализовывать личный социокультурный потенциал.

Характер исследований проблем старости в системе культуры обуславливает необходимость междисциплинарного подхода, позволяющего рассмотреть их в комплексе. Для решения поставленной задачи потребовалось сочетание нескольких методологических подходов: культурологического, исторического и системного.

Пожилой человек, как правило, принадлежит ко многим социальным группам одновременно, и в каждой из них роль возраста в определении его положения может быть различной. В семье измерение его социально-возрастной позиции основано, прежде всего, на принадлежности к генеалогическому поколению, в то время как за пределами дома, в сфере общественно-трудовой деятельности, – на хронологическом и пенсионном возрасте [1, с. 63]. Следует отметить, что эта проекция является одновременно индивидуальной, возраст-групповой и социально-исторической, поскольку она складывается из личного опыта человека, тех установок, которые приняты у людей его возрастной группы, а также норм и стереотипов, существующих в данной социальной среде и исторических условиях.

Особенностью процесса культурного развития человека является непрерывность, невозможность окончательной культурной фиксации его способностей. Это уникальный для каждого человека «режим жизни», который детерминирован как внешней средой, так и внутренней логикой саморазвития [8]. Уровень культурного развития в старости характеризуется наличием и степенью сохранности определенных качеств, которые позволяют пожилому человеку быть активным творцом своей жизни, «задавать и удерживать метафизические, экзистенциальные вопросы» [13, с. 36].

Пожилые люди с древних времен играли существенную роль в сохранении и передаче базовых ценностей другим поколениям. Межпоколенная передача жизненно важного опыта и знаний осуществляется как вертикально от «отцов к детям», так и горизонтально через информационное взаимодействие. Через обратные связи

информационного взаимодействия осуществляется также влияние и на старшее поколение. Эти процессы обостряют взаимодействие поколений и приводят к нарушению традиционных ценностных и этических представлений. Для полноценного развития люди должны иметь контакты со всеми носителями культуры, т.е. живущими ныне поколениями [6]. Этот тезис мотивируется тем, что передача ценностей осуществляется, в основном, «из рук в руки».

В соответствии с законом роста [4] развитие цивилизации как бы самоускоряется, и каждый следующий шаг человечество делает, используя все ранее накопленное культурой. Однако культура в ее современном варианте уже не справляется с глобальными вызовами. Видимо, если не сменить парадигму развития, то мир окажется в расширяющемся поле конфликтов, стержнем которых будет борьба за ресурсы. Главным ресурсом современности является информация. Сузить поле конфликтов способно общество разумных потребностей, которое может быть результатом духовной революции [10].

Анализ имеющейся у автора историко-культурной информации позволяет предположить, что формирование культуры иной, альтернативной цивилизации находится в зачаточном состоянии, а для ее формирования потребуется последовательная работа 3–4-х поколений (примерно 60–70 лет). Выработку новой культурной парадигмы развития, взамен современной «цивилизации потребления», необходимо осуществить силами ныне живущих поколений из элементов индустриальной цивилизации. Надежным механизмом для конструирования и совершенствования новых элементов культурного кода может стать духовная энергия всех без исключения поколений, но, естественно, содержание этапов их жизненного цикла должно быть изменено.

Однако такое развитие социокультурных процессов таит некоторые опасности. Поспешные, разрушающие действия в рамках межпоколенных связей грозят «падением за горизонт событий» [15], т.е. в «черную дыру» истории, откуда нет выхода. Упасть за горизонт со-

бытий – значит разрушить прежнюю мораль, подменяя историю «отцов героев» на альтернативную, виртуальную историю «антигероев», уже использовавших свою попытку. Это путь национального разрушения, так как институты (образование, просвещение, политические партии, конфессии), опирающиеся на доминирующие ранее моральные нормы, перестают эффективно работать, а выстроить новые препятствует нравственность, которая во время крушения общественных моральных устоев еще больше укрепляется. Однако в историческом, долговременном плане, без опоры на традиционные ценности, перемены могут оказаться радикальными. Российское общество, подменив реальные «цели развития» на ложные, может не попасть в узкий «коридор» эволюции и лишиться будущего [9, с. 74.]. Поэтому, чем больше поколений вовлечены в культуротворчество, тем надежнее функционируют системы морали и нравственности, явственнее просматриваются национальные цели и качественнее решаются текущие задачи. Видимо, имманентное стремление к максимальной свободе должно гармонично уравниваться ресурсами и пассионарностью. Стабилизирующую роль в этих процессах людей старшего поколения трудно переоценить и она будет только возрастать.

В современном мире все отчетливее ощущается связь технологического прогресса и старения населения. Способность к инновационной деятельности имеет возрастные ограничения, хотя деловые навыки, которые человек получает ценой собственного опыта, с возрастом только совершенствуются. Создается некое противоречие, тормозящее развитие бизнеса и предпринимательства. С одной стороны, молодые и креативные еще не обладают навыками, необходимыми для создания и управления успешным бизнесом, с другой, - пожилые люди редко решаются открыть свой бизнес, тем более, инновационный [14]. Приструктурные изменения общества в сторону увеличения численности пожилых людей приведет к их доминированию в области управления по причине более высокого профессионализма этого

возраста. С успехами медицины у старшего поколения будет расти и продуктивный период, что превратит работу до почтенного возраста в норму. Можно предположить, что такое развитие цивилизации замедлит научно-технический прогресс из-за снижения креативности населения. Это в свою очередь значительно снизит шансы молодых людей преуспеть в неуклонно стареющем обществе.

В условиях демографического перехода ключевым моментом является изменение принципов отбора новых вариантов общественного развития. Причем в сложившейся ситуации они приобретают смысл и значение только в виде вариантов выживания [11, с. 16]. Такие варианты в перспективе могут стать общекультурными ценностями. Выявление и фиксация ценностей, способствующих успешному выживанию, как правило, осуществляется на завершающих стадиях жизненного цикла творческими личностями. В то же время любая деятельность старшего поколения в этом контексте является полезной, создавая своеобразное поле межпоколенного культурного взаимодействия. Это значительно расширяет возможности российской социокультурной системы и обуславливает оригинальное сочетание традиций и инноваций в ней.

Высказанный тезис имеет опору в идеях М. Вебера, который считал, что реальная жизнь состоит из сознательной, ценностно-ориентированной деятельности [2]. Общественную жизнь нельзя представлять себе и как «равнодействующую» индивидуальных устремлений. В этой связи, видится уникальным феномен русской культуры – соборность. Развивая идеи славянофилов XIX века, будем понимать его в нашей работе как сомыслие, т.е. способность не только совместно трудиться, но и соединять интеллект для решения особо трудных задач. Настоящее требует устойчивого развития, что предполагает динамичное соотношение традиционности, поддерживающей стабильность, и инноваций, благодаря которым общество продвигается вперед. Поэтому российскому обществу не-

обходимы носители этих системных качеств, включая старшее поколение. Занятие ниши, связанной с традиционностью, исторически закреплено за пожилыми людьми. Однако от них, видимо, в современном мире требуется дополнительная «работа» по формированию особого социокультурного ответа на вызовы времени.

В процессе своего развития национальные культуры выявили и закрепили распределение ролей между поколениями, которое базировалось на совместном проживании трех поколений – детей, родителей и бабушек с дедушками. Наличие трех поколений – неотъемлемая, существенная часть любого человеческого сообщества, достигшего определенной зрелости. Такое сочетание молодости и старости диктуется самим ходом истории. От каждого поколения ожидается воспроизведение наиболее типических черт, в нашем случае – национальных особенностей и образцов поведения. Однако учета культурно-исторической динамики в образцах поведения при сохранении этой модели ожидать не стоит. Можно предположить, что в этом случае из имеющихся национальных элементов и форм может быть построена единственно возможная социокультурная система, адекватная насущной среде, т.е. трехуровневое межпоколенное взаимодействие.

Индустриальный тип культуры значительно поколебал, но окончательно не разрушил, традиционный образец этого взаимодействия. Однако постиндустриальное общество не сможет состояться без радикального решения проблемы «третьего возраста». Ее суть состоит в том, что современный мир находится на пороге появления четвертого поколения, как полноправного субъекта истории. Прабабушки и прадедушки займут нишу людей преклонного возраста, разделив ее с дедушками и бабушками. Но уже сегодня «третий возраст» не хочет стареть и стремится остаться в нише со своими детьми, нередко жестко конкурируя с ними.

В этом смысле вновь придется вернуться к проблеме «отцов и детей», решая ее под конкретные задачи постиндустриальной цивилиза-

ции. На этом этапе совместного развития (коэволюции) природы и общества как никогда необходим коллективный разум и воля (смыслие). Такое развитие социума возможно при дружеском взаимодействии всех поколений, их плодотворном взаимодополнении. Отцы и дети, способные к генерации новаций духовного и материального свойства, могут объединиться в инновационный процесс с удвоенной силой и осуществить радикальные преобразования общества [16, с. 44].

Возрастные изменения могут протекать с различной скоростью, в результате чего психологические свойства человека, зачастую, отстают или, наоборот, опережают его биологическое развитие. Асинхрония во многом детерминируется социальными и культурными факторами, что проявляется на уровне не только отдельных индивидов, но и в обществе целиком. Поэтому возраст продолжает определять, по сути дела, все сферы жизнедеятельности современного человека. В процессе жизненного цикла траектории биолого-психологического и культурного развития людей пересекаются с фазами их социального положения. Биологическая эволюция человека, начинающаяся рождением и заканчивающаяся смертью, - автономный процесс. В то же время, с самых ранних стадий, она насквозь пронизана социальными связями [7, с. 2072–2073].

Социальное развитие человека может не совпадать с тем, которое предусматривается культурой каждого конкретного общества. Помимо социально-возрастного регулирования, которое в современном обществе, во многом, осуществляется государством, каждый социум имеет свое культурное «возрастное расписание» жизненного пути индивида. Этот путь во многом строится на сложившихся в обществе традициях [11, с. 16]. Однако осознание возрастных различий членами общества и их важности в процессе передачи культурного опыта со временем менялось: от наивысшей степени ритуализации и символизации возраста в традиционных обществах до его формализации и нивелирования в индустриальных и постиндустри-

альных обществах. Таким образом, культурное содержание возраста тесно связано с реализацией механизма овладения культурой и ее преемственности [3, с. 90].

Суммируя сказанное, отметим, что существенные преобразования в российском обществе, во много обусловленные демографическим переходом, требуют новых решений во взаимодействии между поколениями. Пожилые люди продолжают играть существенную роль в сохранении и передаче базовых ценностей. Выработку новой культурной парадигмы развития, следует осуществить силами всех поколений, учитывая тесную связь технологического прогресса и старения населения. Сегодня сохраняется важность стабилизирующей роли в государстве людей старшего поколения, которая будет только возрастать.

Список литературы

1. Бочаров В.В. Антропология возраста. СПб., 2001. 192 с.
2. Вебер М. Избранное: Кризис европейской культуры. СПб.: Университетская книга, 1999. 565 с.
3. Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1996. 415 с.
4. Капица С.П. Синергетика и прогнозы будущего. М.: Едиториал УРСС, 2003. 288 с.
5. Кон И.С. Социологическая психология. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 1999. 560 с.
6. Лепешкина Л.Ю. Обряды жизненного цикла как алгоритм преодоления критических ситуаций // Общество: философия, история, культура. 2016. № 1. С. 98–102.
7. Лепешкина Л.Ю. Представления о жизненном цикле человека в современной культуре // В мире научных открытий. 2014. № 3.5 (51). С. 2061–2073.

8. Мухранова Е.Н. Возраст как феномен культуры: автореф. дис... канд. культурологии. СПб., 2006. 22 с. URL: <http://cheloveknauka.com/vozrast-kak-fenomen-kultury> (дата обращения: 18.05.2016).
9. Овсянников В.П. Белые пятна и черные дыры истории или как можно заблудиться целым поколением // Запад-Россия-Восток: политическое, экономическое, техническое и культурное взаимодействие: сборник статей V международной научно-практической конференции / Поволжский гос. ун-т сервиса. Тольятти: Изд-во ПВГУС, 2011. С. 70–76.
10. Овсянников В.П. Культурология: учебное пособие. Тольятти : Изд-во ПВГУС, 2009. 363 с.
11. Овсянников В.П. Некоторые направления культурологических исследований региональной культуры с использованием постнеклассических методов // Этносоциуми межнациональная культура. 2013. № 3 (57). С. 12–37.
12. Пригожин И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М. : Прогресс, 1986. 431 с.
13. Смирнов С.А. Культурный возраст человека. Философское введение в психологию развития. Новосибирск, 2004. 261 с.
14. Флорида Р. Креативный класс : люди, которые меняют будущее. М.: Издательский дом «Классика-XXI» , 2007. 421 с. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/kr/florida.pdf> (дата обращения: 18.05.2016).
15. Хокинг С. Черные дыры и молодые вселенные. СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008. 166 с.
16. Явон С.В. Жизненное самоопределение молодежи: монография / С.В. Явон. М.: Изд-во гуманитар.ун-та, 2012. 170 с.

References

1. Bocharov V.V. *Antropologiya vozrasta* [Age Anthropology]. St. Petersburg, 2001. 192 p.

2. Veber M. *Izbrannoe: Krizis evropeyskoy kul'tury* [Selected works: The Crisis of European Culture]. St.-Petersburg: *Universitetskaya kniga*, 1999. 565 p.
3. Kagan M.S. *Filosofiya kul'tury* [Philosophy of Culture]. St.Petersburg, 1996. 415 p.
4. Kapitsa S.P. *Sinergetika i prognozy budushchego* [Synergetics and Forecasts of the Future]. Moscow: Editorial, URSS, 2003. 288 p.
5. Kon I.S. *Sotsiologicheskaya psikhologiya* [Sociological Psychology]. Moscow: *Moskovskiy psikhologo-sotsial'nyy inst.*; Voronezh: NPO «MO-DEK» publ., 1999. 560 p.
6. Lepeshkina L.Yu. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 2016. № 1, pp. 98–102.
7. Lepeshkina L.Yu. *V mire nauchnykh otkrytiy*. 2014. № 3.5 (51), pp. 2061–2073.
8. Mukhranova E. N. *Vozrast kak fenomen kul'tury* [Age as a Cultural Phenomenon]. <http://cheloveknauka.com/voznrast-kak-fenomen-kultury> (accessed May 18, 2016).
9. Ovsyannikov V.P. *Belye pyatna i chernye dyry istorii ili kak mozhenno zabludit'sya tselym pokoleniem.; Zapad-Rossiya-Vostok: politicheskoe, ekonomicheskoe, tekhnicheskoe i kul'turnoe vzaimodeystvie: sbornik statey V mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [White Spots and Black Holes of History or How You Can Get Lost a Whole Generation.; West-Russia-East: political, economic, technical and cultural cooperation: a collection of articles of the fifth international scientific-practical conference]. Togliatti: PVGUS publ., 2011, pp. 70–76.
10. Ovsyannikov V.P. *Kul'turologiya: uchebnoe posobie* [Cultural Studies. Tutorial]. Togliatti: PVGUS publ., 2009. 363 p.
11. Ovsyannikov V.P. *Nekotorye napravleniya kul'turologicheskikh issledovaniy regional'noy kul'tury s ispol'zovaniem postneklassicheskikh metodov* [Some areas of cultural studies of regional culture, using

- post-non-classical methods]. *Ethnosocial and international culture*. № 3 (57). 2013, pp. 12–37.
12. Prigozhin I. *Poryadok iz khaosa. Novyy dialog cheloveka s prirodoy* [Order out of chaos. Man's new dialogue with nature]. Moscow: Progress Publ., 1986. 431 p.
13. Smirnov S.A. *Kul'turnyy vozrast cheloveka. Filosofskoe vvedenie v psikhologiyu razvitiya* [Cultural age of the person. A philosophical introduction to the psychology of development]. Novosibirsk, 2004. 261 p.
14. Florida P. *Kreativnyy klass : lyudi, kotorye menyayut budushchee* [Creative Class: People Who Change the Future]. <http://www.ruthenia.ru/logos/kr/florida.pdf>. (accessed May 18, 2016).
15. Khoking S. *Chernye dyry i molodye vseennye* [Black Holes and Baby Universes]. St.-Petersburg. Amfora. TID Amfora, 2008. 166 p.
16. Yavon S.V. *Zhiznennoe samoopredelenie molodezhi: monografiya* [Vital Self-Determination of Youth: Monograph]. Moscow. Humanitarian Univ., publ., 2012. 170 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Овсянникова Наталья Валериевна, доцент кафедры «Социально-культурная деятельность», кандидат исторических наук, доцент
Поволжский государственный университет сервиса
ул. Гагарина, 4, г. Тольятти, Самарская область, 445017, Российская Федерация
tata_os00@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ovsyannikova Natal'ya Valerievna, Associate Professor, Department of Socio-Cultural Activity, Candidate of Historic Sciences
Volga Region State University of Service
4, Gagarin St., Togliatti, Samarskaya oblast, 445677, Russian Federation
tata_os00@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-1-148-156

УДК 30.304

РОЛЬ ПАТРИОТИЗМА В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Попова С.В., Попов М.Е.

Цель. Целью статьи является анализ факторов и условий интеграции российского общества, исследование специфики национальной идеи как феномена и патриотизма как национальной идеи современной России.

Метод или методология проведения работы. В работе применяется социокультурный подход в качестве методологии исследования, а также сравнительный, исторический и диалектический методы.

Результаты. Показано, что национальная идея – это синтез прошлого, настоящего и будущего нации, систематизация связей синхронного и диахронного уровней. В качестве основных препятствий к формированию патриотизма авторы выделяют отсутствие однозначных и устойчивых представлений о «мы-сообществе», границы которого являются размытыми, приводят к сохранению у части граждан советской идентичности, а у других – к идентификации с регионом или этносом.

Область применения результатов. Материалы статьи могут представлять интерес для специалистов, занимающихся изучением проблем социокультурной интеграции современной России в историческом и современном контексте, вопросами конструирования общероссийской идентичности и общенациональной идеи.

Ключевые слова: национальная идея; патриотизм; интеграция; российская цивилизация; гражданская нация.

THE ROLE OF PATRIOTISM IN SOCIAL AND CULTURAL INTEGRATION OF RUSSIAN SOCIETY

Popova S.V., Popov M.E.

Purpose. The purpose of this article is to analyze the factors and conditions for integration of the Russian society, study the specificities of the national idea as a phenomenon of patriotism as a national idea of modern Russia.

Methodology. The work applies sociocultural approach as a research methodology, as well as comparative, historical and dialectical methods.

Results. It is shown that the national idea is a synthesis of past, present and future of the nation, the systematization of the relations of synchronic and diachronic levels. As the main obstacles to the formation of patriotism, the authors emphasize the lack of a clear and stable views about the “we-community”, whose boundaries are blurred, leading to the preservation on the part of citizens of the Soviet identity, and others – to identify with the region or ethnic group.

Practical implications. The article may be of interest to professionals who study the problems of socio-cultural integration of modern Russia historical and contemporary context, the issues of construction of Russian national identity and national idea.

Keywords: national idea; patriotism; integration; Russian civilization; civil nation.

Уже более двух десятков лет не иссякает интерес ко всему, что составляет основу общенационального единства и интеграции посткоммунистической России. Развернувшиеся преобразования

российского общества актуализировали необходимость выработки государственной идеологии, направленной на укрепление социокультурной интеграции. Социокультурная интеграция – это процесс и результат поддержания ценностного единства, формирующий социальную субъектность в политической, культурной, экономической жизнедеятельности на основе принципов ненасилия, сотрудничества, справедливости и равенства; при этом в области этнокультурных взаимоотношений социокультурная интеграция исключает процессы подчинения и подавления культурных различий, попытки навязать унифицированную идентичность, основанные на силовой ассимиляции [3, с. 41].

Дискуссия о «национальной идее» с самого начала имела двусмысленный характер, подразумевая, с одной стороны, национальную идеологию, а с другой – идею как некую метафизическую реальность. При этом, в процессе деидеологизации российского общества национальная идеология зачастую отождествлялась с политической, игнорируя внутренние духовные законы развития общества и культурно-историческую преемственность.

Реальность такова, что либерально-демократическая революция в России происходила в духовной пустоте. Прежние ценности были отвергнуты, а новые не созданы. Необходимость в национальной идее возникла как следствие духовного вакуума. В этом плане справедливо замечено, что в идеале зарождение демократии происходит одновременно с рождением народа, тогда как в нашей стране народ сформировался как система исторических смыслов «до рождения собственной демократии» [2], что и породило многолетнюю дискуссию об объединяющих скрепах общества.

Наиболее важный из всех элементов дискурса о национальной идее (патриотический, ментальный, политический, формационный) – это патриотизм, как проявление духовного здоровья на-

ции через опору на собственные глубинные культурные смыслы. Именно патриотизм характеризует адаптационные возможности нации к постоянно трансформирующейся социально-политической обстановке, противостояние процессам, угрожающим целостности народа как социокультурного типа. В кризисный период для позитивного прогноза на будущее и перехода на более высокий качественный уровень развития порой требуется «возврат» к прошлому с целью его переосмысления с точки зрения современной социокультурной реальности. В основе формирования патриотизма лежат национальные ценности и идеалы, представляющие собой совокупность этических, интеллектуальных и исторических особенностей народа, прошедших длительный эволюционный путь развития. Отсюда одной из важнейших задач сегодняшнего дня является возрождение целостной и непротиворечивой национальной идентичности, с порой на преемственность гуманистической, общечеловеческой традиции духовности.

Совсем недавно глава государства в своем выступлении именно патриотизм выделил в качестве самоценной и центральной идеи, вокруг которого должна строиться жизнь общества. На активе «Клуба лидеров» 3 февраля 2016 года он заявил, что «у нас нет и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма» [5]. В этой связи, возникает множество вопросов, в частности: может ли патриотизм выступить в качестве национальной идеи? Все ли граждане России адекватно и точно понимают, что включают в себя понятие патриот?

Понятие «патриотизм» в социально-философском аспекте характеризуется теоретической дискуссионностью. Следует также учитывать, что Россия – многонациональное государство, что порождает патриотизм локального масштаба, который зачастую занимает приоритетные позиции по отношению к «большой»

родине. Вряд ли такая, хоть и позитивная, разновидность патриотизма сможет стать основой общенационального единства, о которой говорил президент. Поэтому чтобы внедрить сознание о патриотизме, нужно не только «постоянно говорить о патриотизме на всех уровнях» [5], как отметил В.В. Путин, но четко разделять при этом этнический и национальный патриотизм. Кроме того, крах советской идеологии привел к кризису представлений у граждан о «большой» родине, выведя на первый план именно образ «малой» родины. Отсутствие однозначных и устойчивых представлений о «мы-сообществе», «мы-цивилизации», границы которого оказываются размытыми, приводят к сохранению у части граждан советской идентичности, а у других – к идентификации с регионом или этносом, формированию «региональной идентичности» [1, с. 25].

Поэтому на современном этапе крайне важно, чтобы патриотизм был реальным, наполненным «национальным» содержанием, во избежание т.н. «пустого» патриотизма. Подобно незаполненному сосуду, «пустой» патриотизм представляет собой форму в отсутствии содержания. Отсюда, чтобы в полной мере соответствовать статусу «национальной идеи», патриотизм нуждается в смысловом (идейном) наполнении. В этом плане, как справедливо заметил Е.Н. Трубецкой еще в 1918 году, «чтобы отдаться чувству любви к родине, нам нужно знать, чему она служит, какое дело она делает. И нам нужно верить в святость этого дела, нам нужно сознавать его правоту. Нам нужна цель, которая бы поднимала наше народное дело над национальным эгоизмом» [7, с. 371]. Отсюда, действия правительства во внутренней и внешней политике – это основа для взращивания или подавления патриотического чувства, и, прежде всего, такого его вектора как уважение и любовь к государству.

Российское общество в настоящее время обладает всеми возможностями для укрепления своих позиций на международной арене. В современной геополитической обстановке, характеризующейся поступательной утратой народами всего мира своих духовных основ, российская цивилизация в перспективе могла бы стать одним из мировых духовных центров, играющим уравновешивающую роль в мировой политике [4]. То, что делает сегодня Россия на международной арене – это, прежде всего, противостояние глобальным силам зла, борьба с моралью «исключительности» одних в ущерб другим, защита суверенитета России и других стран и народов, отстаивание справедливости и равноправия в мировых вопросах. В этом кроется суть нашей национальной идеи, обращенной к миру.

В усилении патриотизма огромную роль играет чувство гордости за свою страну, свой народ, установление справедливости не только в международных делах, но и внутри страны. В этом плане государство обязано создавать условия для соблюдения прав граждан, раскрытия внутренних сущностных сил и потенциала каждого представителя данного общества, а гражданам, в свою очередь, необходимо, осуществляя свои права, осознавать и выполнять свой долг и обязанности перед Отечеством, государством [6].

Таким образом, наиболее важный элемент дискурса о национальной идее – это патриотизм, как проявление духовного здоровья нации через опору на собственные глубинные культурные смыслы. В основе формирования патриотизма лежат национальные ценности и идеалы, представляющие собой совокупность этических, интеллектуальных и исторических особенностей народа, прошедших длительный эволюционный путь развития. При этом объединить представителей различных этносов и ре-

лигий в единую общность возможно только через усиление национального патриотизма и формирование надэтнической идентичности.

Статья подготовлена в рамках проекта «Социокультурная интеграция как способ снижения этнической напряженности на Северном Кавказе», Грант Президента МД-7429.2015.6.

Список литературы

1. Наливайченко И.В., Лысак И.В. Патриотизм в современной России: изменение содержания и трудности формирования // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2011. N 1. С. 23–26.
2. Новиков А. По ту сторону национальной идеи [Электронный ресурс] // Русский журнал. URL:<http://old.russ.ru/politics/articles/99-06-25/novik.htm> (дата обращения: 20.02.2016).
3. Попов М.Е. Социокультурная интеграция и проблемы разрешения конфликтов идентичностей: региональный аспект // Вестник Волгоградского государственного ун-та. Серия 7, Философия. 2015. N 2 (28). С. 40–46.
4. Попова С.В. Национальные интересы и роль российской цивилизации в современном цивилизационном пространстве [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2014. N 11. URL: <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/11201422> (дата обращения: 15.09.2015).
5. Путин: патриотизм – «это и есть национальная идея» [Электронный ресурс] // ТАСС: Информационное агентство России. 2016. 3 февраля. URL: <http://tass.ru/politika/2636647> (дата обращения 04.02.2016).

6. Томилина С.Н. К вопросу о государственно-патриотическом воспитании курсантов морского вуза // Проблемы и перспективы развития образования: материалы VI междунар. науч. конф., г. Пермь, апрель 2015, Пермь: Меркурий, 2015. С. 266–270.
7. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2000. 656 с.

References

1. Nalyvaychenko I.V., Lysak I.V. Patriotizm v sovremennoi Rossii: izmenenie soderjaniya i trudnosti formirivaniya [Patriotism in modern Russia: changes in the content and difficulty forming]. *Gumanitarnie i sotsialno-ekonomicheskie nauki* [Humanitarian and socio-economic science], 2011, no.1, pp. 23–26.
2. Novokov A. Po tu storonu natsionalnoi idei [On the other side of the national idea]. *Russian journal*. <http://old.russ.ru/politics/articles/99-06-25/novik.htm> (accessed 20 February 2016).
3. Popov M.E. Sotsiokulturnaya integratsiya i problemi razresheniya konfliktov identichnosti: regionalnii aspekt [Socio-cultural integration and the problems of resolving conflicts of identity: the regional dimension]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo un-ta* [Bulletin of Volgograd state University], 2015, no. 2 (28), pp. 40–46.
4. Popova S.V. National interests and the role of the Russian civilization in the modern civilized space. *Modern research of social problems*, 2014, no. 11. <http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/11201422> (accessed 15 September 2015).
5. *Putin: patriotism – “eto i est natsionalnaya ideya”* [Putin: patriotism – “this is the national idea”]. <http://tass.ru/politika/2636647> (accessed 4 February 2016).
6. Tomilina S.N. K voprosu o gosudarstvenno-patrioticheskom vospitanii kursantov morskogo vuza [To the question of state-Patriotic

education of cadets of the Maritime University]. *Problemi I perspektivi razvitiya obrazovaniya: materialy 6 mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Problems and prospects of education development: materials of 6th international scientific conference]. Perm, 2015, pp. 266–270.

7. Trubetskoy E.N. *Smisl zhizni* [The meaning of life]. Moscow, LLC “Publishing house AST”; Kharkov: Folio, 2000. 656 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Попова Светлана Владимировна, кандидат философских наук, доцент

Северо-Кавказский Федеральный университет

ул. Пушкина, 1, г. Ставрополь, 355009, Российская Федерация
s_popova80@mail.ru

Попов Максим Евгеньевич, доктор философских наук, доцент

Северо-Кавказский Федеральный университет

ул. Пушкина, 1, г. Ставрополь, 355009, Российская Федерация
maximus.popov@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Popova Svetlana Vladimirovna, PhD, Associate Professor

North-Caucasian Federal University

1, Pushkin Str., Stavropol, 355009, Russian Federation
s_popova80@mail.ru

Popov Maksim Evgenevich, Ph.D., Associate Professor

North-Caucasian Federal University

1, Pushkin Str., Stavropol, 355009, Russian Federation
maximus.popov@gmail.com

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-1-157-185

УДК 1(091)

**РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ В КНР
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ:
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Чжан Си

Цель. В статье впервые рассматривается процесс развития религиоведения в КНР в конце XX – начале XXI веков, раскрываются положительные тенденции в изучении религии и общее положение данной науки для более глубокого осмысления аналогичных процессов трансформации теоретических методик в других научных областях.

Методология проведения работы. Работа выполнена на основе диалектических, феноменологических, герменевтических, антропологических, историко-материалистических, критико-идеологических методов исследования.

Результаты. В статье показаны достигнутые в области религиоведческих исследований результаты и их диапазон, кратко проанализировано воздействие западных идей на развитие китайской науки о религии, а также связь стремительного развития религиоведения в КНР с отношением правительства и КПК к науке о религии и к существованию религиозных феноменов в социалистическом обществе. Отчается, что после политики реформ и открытости в конце XX – начале XXI веков в КНР динамика общественного развития открыла широчайший простор для изучения религии, был проведен целый ряд мероприятий для поддержки китайского религиоведения. В настоящее время в китайской ака-

демической сфере само религиозиедение стало более свободным и активным, изучение религии идет по пути устойчивого развития.

Область применения результатов. Изучение трансформации теоретико-методологических основ в гуманитарно-социальных областях после политики реформ и открытости в конце XX – начале XXI веков в КНР.

Ключевые слова: *религиоведение в Китае; марксистская религиозная система; интерпретация религии; межконфессиональный диалог.*

RELIGIOUS STUDIES IN CHINESE PEOPLE'S REPUBLIC AT THE END OF XX – AT THE BEGINNING OF XXI CENTURIES: PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Chzhan Si

Purpose. The article is concerned with the problems of investigations in religious studies' sphere in China at the end of XX – at the beginning of XXI centuries, it uncovers positive trends in religion's explorations and the condition of religious studies in a whole for deeper understanding of the analogical processes of the transformations of theoretical methods in other scientific areas.

Methodology. The work is fulfilled in the base of dialectical, phenomenological, hermeneutic, anthropological, historical-materialistic, and critical-ideological methods of investigations.

Results. The article shows the results of the religious studies and their range, gives the short analysis of the effects of western ideas to the development of Chinese religious studies and the correlation of the rapid development of religious studies in China and the attitude of the government and Communistic Party of China to the religious studies and

the existence of religious phenomena in socialistic society. It's pointed out that after policy of reforms and openness at the end of XX – at the beginning of XXI centuries in China the dynamic of society's development opens the widest perspectives for religion's investigations, the government of Chinese People's Republic undertakes the measures for the support of Chinese religious studies. Nowadays in Chinese academic field religious studies have become freer and more active, religious investigations constantly increase.

Practical implications. The investigation of the transformation theoretical and methodological bases in humanities after policy of reforms and openness at the end of XX – at the beginning of XXI centuries in China.

Keywords: *Religious studies in China; Marxist religious system, the interpretation of religion; interfaith dialog.*

В КНР на научные исследования, особенно в гуманитарной и социальной сферах, оказывает большое влияние социально-политическая ситуация. Люй Дацзи (吕大吉, 1931–2012), известный китайский религиовед, выделяет три этапа в истории изучения религии в Китае: начало XX века – 1949 г. (просвещение, развитие отраслей европейской науки, возникновение религиоведения); 1949–1976 гг. (идеологическая борьба, культурная революция и упадок религиоведения); с 1976 г. по настоящее время (реформы, раскрепощение мышления, развитие религиоведения в Китае) [10]. Директор Института мировых религий Академии общественных наук КНР (АОН КНР) Чжо Синьпин (卓新平) также провел анализ отечественного изучения религии, отметив, что в начале XX века китайские исследователи религии проводили углубленное обсуждение тем «Существует ли религия в Китае?» и «Что такое религия?». В 1950–1960-х гг. отношение между религией, верой и суеверием стало предметом полемики, а с конца 1970-х и начала

1980-х гг. под воздействием раскрепощения мышления в китайском теоретическом изучении религии были достигнуты значительные результаты [7, с. 1–3].

Именно после Третьего пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978 г.) пришло осознание, что существование религии в современном обществе является объективной данностью и ее устранение с помощью административно-силовых методов невозможно. В постановлении ЦК КПК «Основная точка зрения и основы политики по вопросам религий на период социализма» (1982 г.) признана особая роль религии в социалистическом преобразовании общества. Так, в материковом Китае долговременное молчание по отношению к религиозной деятельности исчезло, а систематическое и специализированное развитие китайского религиоведения стало возможно лишь после Реформы и Открытости Китая (1978 г.). Правительство КНР провело целый ряд мероприятий для развития китайского религиоведения: расширение и совершенствование разноплановых научно-исследовательских центров и организаций по религиоведческим дисциплинам, создание религиоведческого сообщества и печатных изданий по данной науке, создание новой структуры образования по направлению «Религиоведение». Активизация китайского религиоведения нашла отражение, прежде всего, в работе АОН КНР, где в 1982 г. была утверждена программа «Построение марксистской религиоведческой системы», ориентирующаяся на правильное понимание религии и всестороннюю разработку ее социальных функций в современном Китае. Широко обсуждались проблемы «рассуждение Карла Маркса о религии как опиуме для народа», «религия как один из образцов культуры», «является ли Конфуцианство религией» и др.

В КНР исследования религии по-прежнему ориентируются на марксистские концепции, в 50–60-х гг. XX века религия рассма-

тривалась как «опиум народа» однозначно в негативном смысле из-за усиления атеистической идеологии. Но в 1980-х годах ученые начали проводить интегрирование западных религиоведческих парадигм и марксистского религиоведения, постепенно преодолевая узкий взгляд на религию как на реакционное явление. В этом научно-исследовательском контексте были опубликованы многочисленные работы по теоретическому религиоведению. В 1985 г. вышла в свет работа Люй Дацзи «Основы религиоведения», в которой отражены первые результаты соединения марксистских взглядов с западными религиоведческими методологиями. В ней автор отмечает: «Не следует рассматривать марксистское мировоззрение и понимание религии как единственно верные выводы и неизменные доктрины, тем более нельзя рассматривать рассуждения Маркса, Энгельса, Ленина как ссылки и инструменты ... Марксистские теории должны быть открытой системой, из которой необходимо своевременно отбросить ошибки. Маркс, Энгельс, Ленин не создавали полную теоретическую систему изучения религии, в их теориях исследуются религиозные вопросы не во всех аспектах, именно поэтому их позиции по отношению к религиям не могли стать абсолютной истиной. Не следует подходить к марксистским взглядам на религию с суеверных позиций, не следует использовать классические цитаты вместо анализа конкретного религиозного вопроса» [9, с. 7].

Дискуссии вокруг определения религии Марксом как «опиуме для народа» велись примерно 10 лет. Она открывает новую эру китайского исследования религии, в котором понимание марксистских трактовок избавилось от предвзятого догматизма, и демонстрирует открытые подходы к исследованиям марксистских классических произведений. Это привело к тому, что в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века в китайских научных кругах религия

часто рассматривается с точки зрения социологии религии, подчеркиваются ее социальные функции, а не природа и присущее ей содержание. Процесс переосмысления марксистской интерпретации религии называется «китаизацией марксистской концепции религии», которая отличается соединением марксистских религиозно-ведческих концепций с китайской социальной действительностью.

В конце 1980-х гг. в Китае ученые уделяли больше внимания темам «Религия как один из культурных образов» и «Национальные религии как важные составляющие части национальной культуры». Несмотря на то, что эти темы сами по себе не новые, они сыграли огромную роль в дальнейшем раскрепощении мышления. Известный китайский философ Фан Литянь (方立天, 1933–2014) отмечал, что феномены религии тесно связаны с человеческой культурой. Люй Дацзи также писал, что «религия является архаическим и универсальным социально-культурным явлением в истории человечества» [11, с. 6]. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. исследования культуры достигли небывалого расцвета, было опубликовано большое количество популярных книг, монографий, переводов, темой которых стали отношения между религией и различными образами культуры [17]. В 1995 г. журнал Института мировой религии Академии Общественных Наук КНР «Материалы мировых религий» был переименован, и стал называться «Культура мировых религий» (《世界宗教文化》), также вышли в свет такие журналы по изучению религии, как «Рецензия культуры христианства» (《基督教文化评论》), «Культура религии» (《宗教文化》) и «Культура буддизма» (《佛教文化》). Как отметил Люй Дацзи, после 1949 г. не было никакой другой теории или идеи исследования, кроме как «религии как одного из культурных образов» [7, с. 66]. Данная дискуссия помогла китайским ученым прояснить культурный смысл религии в соединении традиции и современности, так-

же постепенно осознать социальную функцию религии в современном глобализирующемся мире.

В 1990-х годах прошлого века велась острая дискуссия вокруг темы «Является ли конфуцианство религией». Она на протяжении более 20 лет стимулировала развитие китайского религиоведения. Несмотря на то, что в начале дискуссии позиции разных сторон были непримиримы, в конце концов, в основных вопросах было достигнуто относительное согласие. Этот факт подтверждает, что китайские научные исследования религии вышли за рамки здорового развития. Именно в рамках этой дискуссии подавляющее большинство ученых подтвердило религиозный характер конфуцианства. Это означает, что в настоящее время в Китайском обществе религия или религиозность не считаются суеверием или негативной вещью, они получили объективную оценку, что предполагает необходимые предпосылки для китайского религиоведения. Одновременно, в этой дискуссии китайские ученые стали различать институциональную и духовную религию. Это также значит, что китайское религиоведение стало использовать для исследований научный подход [5, 8, 12]. Однако западные религиоведческие теории и методики развиваются в евро-американских странах, где христианство рассматривается как основной объект исследования, а китайские традиционные религии, очевидно, имеют свои особенности. Это привело к тому, что при конструировании религиоведческих концепций китайские исследователи обращают внимание на результаты современного религиоведения, возвращаясь к объективному рассмотрению различных религиозных феноменов вместо однобоких догматических взглядов, стремясь продемонстрировать результаты со своей спецификой и выразить самобытный дух своей культуры.

В конце XX – начале XXI века в Китае проблемное поле исследований расширяется. В начале 1990-х годов вышли в свет много-

численные энциклопедии и справочники по религиоведению, большинство из которых было посвящено конкретным исследовательским проблемам. Также проводилось комплексное изучение религии [18]. В изучении философии религии ученые добились значительных успехов. Во-первых, проводились отдельные исследования, посвященные буддизму (Ду Цзивэнь (杜继文) и Фан Литянь (方立天, 1933–2014), даосизму (Цин Ситай (卿希泰, 1927–2011) и Лу Голун (卢国龙), исламу (Цзинь Ицзю (金宜久) и Цинь Хуэйбинь (秦惠彬), философии христианства (Чжао Дуньхуа (赵敦华) и Инь Даи (尹大贻, 1925–2001). Появились работы не только по философии отдельных религиозных верований [19], но и были опубликованы результаты комплексного изучения философии религии [20]. Например, в книге «Священное желание: философия религии» систематически излагаются основные проблемы философии религии, рассматривается явление существования Бога в различных религиях. В работе «Исследование философии религии» анализируется англо-американская философия религии, доказываются существование Бога и отношение разума и веры, существующие проблемы раскрываются методами западной философии религии, показывается трансформация объекта и приемов исследования. В книге «Религия и ее социальные функции» не только изложены различные функции религии в исторической перспективе, но и сделана оценка «идеи равенства» в современном обществе. В работе «Религия и современное китайское общество» раскрывается влияние общественных изменений на развитие религиозных организаций. Можно отметить, что в XXI веке китайские ученые стали обращать внимание на конкретные религиозные вопросы, связанные с общественной жизнью.

Хэ Гуаньху (何光沪), как свидетель восстановления и развития китайского религиоведения, считает, что для развития изучения религии и дальнейшего раскрепощения мышления в китайских

интеллектуальных кругах требуются многочисленные академические материалы. Ученый перевел и опубликовал ряд работ, посвященных религиозной философии, христианству и другим исследовательским областям. В своей работе «Плюрализм в концепции Бога» он впервые отметил, что философия религии является основной ветвью философии и религиоведения, она стала междисциплинарной наукой для философии и религии. Он полагает, что концепция «Бог» является основной темой и в философии, и в религиоведении; проводит анализ западных концепций изучения религии в XX веке [21]. Наряду с этим, ученый исследует культуру и историю Китая и западных стран в духовном и религиозном аспектах, полагая, что для исследования китайских социальных и культурных проблем необходимо сбросить идеологические оковы и систематически изучать основное ядро западной культуры – христианство. Исследователь отметил, что межрелигиозный диалог является основой создания цивилизованного и гармоничного общества. Стремясь исследовать религиозную философию основных мировых цивилизаций, исследователь предложил всестороннюю и систематическую теорию «Глобальная религиозная философия» как общий язык и основу межрелигиозного диалога [22].

В изучении социологии религии китайские ученые также достигли больших успехов. В начале 80-х годов XX века, изучая социологию религии, Чжэн Ефу (郑也夫) проводил сравнительное исследование теории Э. Дюркгейма и М. Вебера, Су Госюнь (苏国勋) – теории Макса Вебера; в конце 1980-х годов Гао Шинин (高师宁) перевел на китайский язык труды Питера Бергера «Священный покров: элементы социологической теории религии» и «Румор ангелов» [23]. Кроме того, китайские социологи обращали внимание на конкретные проблемы, составив «Общее введение в социологию религии» и «Социология религии» [24]. В последние годы появились много-

численные работы [25], в которых ученые не только сконцентрировали внимание на тематическом анализе состояния религиозных организаций и их функционирования, но и попытались дать интерпретацию отношений между традиционными религиями и государственной властью. Изменились и методы исследования социологии религии. Вместо объективистского описания и простого анализа стали использовать качественные и количественные параметры, сочетать исследование источников и теоретический анализ. Однако из-за отсутствия горизонтального и вертикального сравнительных параметров некоторые выводы тематических исследований не являются авторитетными. В целом, обобщение различных тематических выводов, обнаружение особенностей религиозных вероисповеданий, анализ социальных функций религии стали главными задачами, стоящими перед китайскими социологами религии [26].

Антропология религии как религиоведческая дисциплина быстро развивается в последние годы. С одной стороны, вышла в свет череда серьезных переводов западных трудов, например, «Западная антропология религии в XX веке», «Происхождение религии и ее развитие», «Примитивные культуры», «Золотая ветвь», «Дикое мышление», «Теория первобытной религии», «Введение в антропологию религии» и других. С другой стороны, были изданы многочисленные материалы научных экспедиций, посвященные китайским национальным религиям. Например, «Сборник материалов о примитивных религиях китайских национальностей» представляет собой сборник полевых исследований, литературных документов, описаний археологических находок, научных данных о первобытных религиях китайских национальностей [27]. Появились многочисленные работы по теоретической антропологии религии, такие, как «Исследования религиозного запрета», «Введение в антропологию религии», «Запрещение религии», «Новая

структура антропологических теорий», «Урбанизация деревень и смена религиозной веры», «Изменение проблемного поля по антропологии религии», «Методика исследования современной антропологии религии» [28]. Вышеуказанные работы показали, что в области антропологии религии китайские исследователи достигли серьезного успеха в накоплении и обработке данных научных экспедиций. Однако необходимо отметить, что западные антропологи религии ранее проводили сложные социальные и межкультурные исследования, а китайские ученые только в настоящее время стали обращать внимание на исследования конкретных региональных, национальных верований и ритуалов.

Для исследования психологии религии были переведены западные труды, такие как «Моисей и единобожие» Зигмунда Фрейда, «Многообразие религиозного опыта» Уильяма Джеймса, «Психология религии» И.О. Махмудова, И.О. Ходорковского, «Теории психологии религии» и «Введение в психологию религии», а также другие работы советских исследователей. Были написаны такие работы, как, например, «Религиозная психика китайцев: теоретический анализ и эмпирическое исследование религиозной идентичности», «Культ и духовное управление», «Обозрение психологии религии Эриксона» и так далее [29].

В настоящее время в Китае изучение феноменологии религии пока еще находится в зачаточном состоянии. Вышла в свет лишь работа «Встреча разума и веры: методология ранней феноменологии религии Хайдеггера». В 2006 году издательством Жэньминь был опубликован перевод «Феноменологии религии». Также были переведены некоторые работы западных исследователей [30]. Можно отметить, что в то время китайские ученые в основном занимались переводами зарубежных трудов, а не самостоятельными исследованиями.

Достигнуты значительные успехи в религиоведческой сфере, однако необходимо отметить, что китайское религиоведение не получило внутреннего равномерного развития. Антропология и социология религии развиваются относительно быстро, психология и феноменология религии – относительно медленно, на другие религиоведческие дисциплины не обращалось достойного внимания.

В новом веке китайское теоретическое религиоведение сосредоточилось на изучении специфики культуры и общества. В связи с этим внимание ученых привлекают проблемы межконфессионального диалога, роли религии в процессе общественного развития. Для установления межрелигиозного диалога в Китае был организован ряд конференций, например, «Межконфессиональные диалоги: Китай и Запад» (в Шаньдунском университете в 2001 г.), «Диалог буддизма и христианства» (в педагогическом университете Шэньси в 2003 г.), «Диалог религии и построение гармоничного общества» (в Ланьчжоуском университете в 2007 г.).

Китайские исследователи, главным образом, систематически проводят изучение религии в двух аспектах: религиозного опыта и роли и функции религии в процессе развития общества. Это, отчасти, раскрывает значение и роль религиоведения в Китае. Оно не только затрагивает основные теоретические и исторические вопросы духовного развития отдельного человека, но и обращает внимание на стратегические проблемы развития общества, актуально и имеет практическое значение.

После политики реформ и открытости в конце XX – начале XXI веков в КНР динамика общественного развития открыла широчайший простор для изучения религии. В настоящее время в китайской академической сфере само религиоведение находится в статусе самостоятельного комплексного междисциплинарного проекта, гуманитарные социальные исследования стали более свободными и активными, изучение религии идет по пути устойчивого развития.

Список литературы

1. Ван Цзоань. Религиозный вопрос и политика в сфере религий в Китае. Пекин: Религиозная культура, 2002. 406 с. (王作安: 中国的宗教问题和宗教政策. 宗教文化出版社, 2002年. 406页。)
2. Ван Чжичэн. Желание мира: теории межконфессионального диалога в современное время. Пекин: Религия и культура, 2003. 463 с. (王志成: 和平的渴望-当代宗教对话理论, 宗教文化出版社, 2003年. 463页。)
3. Диалог: конфуцианство, даосизм, буддизм и христианство / Под ред. Хэ Гуанху, Чжао Дуньхуа, Сюй Чживэй. Пекин: Литература социальных наук, 1998. 623 с. (何光沪、许志伟、赵敦华等人主编: 对话: 儒释道与基督教, 社会科学文献出版社, 1998. 623页。)
4. Дуань Дэчжи. Перспектива китайского религиоведения в XXI веке // Вестник Уханьского университета. 2003. № 2. (段德智: 21世纪中国宗教学研究前瞻 // 武汉大学学报. 2003年. 第2期。)
5. Ду Вэймин. Конфуцианские традиции в современности // Жуцзя юбао / Под ред. Чэн Мин. 2010. № 4. (杜维明: 多元现代性中的儒家传统 // 儒家周报. 2010年. 第4期。)
6. Исследования религиоведения в современном Китае / Под ред. Чжо Синьпин. Пекин: Социальные науки Китая, 2011. 415 с. (当代中国宗教学研究(1949-2009)/ 卓新平主编. 中国社会科学出版社, 2011年. 415页。)
7. Итоги китайского религиоведения за 30 лет: с 1978 по 2008 гг. / Под ред. Чжо Синьпин. Пекин: Социальные науки Китая, 2008. 419 с. (中国宗教学30年: 1978-2008. 卓新平主编, 中国社会科学出版社, 2008. 419页。)
8. Ли Цян. Изучение конфуцианства с точки зрения социологии религии // Вестник Северо-западного университета сельского и лесного хозяйства. 2006. № 1. (李强: 从宗教社会学角度看儒教 // 西北农林科技大学学报(社会科学版). 2006年. 第1期。)

9. Люй Дацзи. Мышление о природе религии // Социальные науки Китая. 1987. № 5. (吕大吉: 关于宗教本质问题的思考 // 中国社会科学. 1987年. 第5期。)
10. Люй Дацзи. Обзор столетней истории китайского религиоведения и прогноз его развития // Религиоведение. 2008. №1. (吕大吉: 中国现代宗教学术研究一百年的回顾与展望. // 宗教学研究. 2008. 第1期。)
11. Люй Дацзи. Основы религиоведения. Пекин: Социальные науки Китая, 1989. 348 с. (吕大吉: 宗教学通论, 中国社会科学出版社, 1989年版。)
12. Фан Литянь, Хэ Гуанху, Чжао Дуньхуа, Чжо Синьпин. Текущее состояние и будущее отечественного религиоведения // Вестник Китайского народного университета. 2002. № 4. (方立天等: 我国宗教学研究的现状与未来 // 中国人民大学学报. 2002. 第4期。)
13. Хэ Гуанху. Столетняя история изучения религии в Китае // Круги научных исследований. 2003. №3. (何光沪: 中国宗教学百年 // 学术界. 2003. 第3期。)
14. Цзян Цзяньюн. Возможности и вызовы в китайских исследованиях религии // Религия Китая. 2010. № 8. (蒋坚永: 中国宗教学研究的机遇与挑战 // 中国宗教. 2010年. 第8期。)
15. Чжо Синьпин. Несколько вопросов о китайских религиоведческих исследованиях // Религиоведение. 2001. № 3. (卓新平: 关于中国宗教研究的几个问题 // 宗教学研究. 2001年. 第3期。)
16. Чжо Синьпин. Опыты западного религиоведения. // Исследования мировых религий. 2001. № 3. (卓新平: 西方宗教学经验 // 世界宗教研究. 2001年. 第3期。)
17. «Популярный сборник культуры религии» («Культура буддизма», «Очерк христианской культуры», «Очерк исламской культуры» и т.д.) («宗教文化通俗丛书»: 《佛教文化面面观》, 《基督教文化面面观》, 《伊斯兰教文化面面观》等), Ван Чжюань. «Культу-

- ра религии» (в том числе сто вопросов различных религий и т.д.) (王志远编 “宗教文化丛书”), Фан Литянь. «Китайский буддизм и традиционная культура» (方立天著 《中国佛教与传统文化》), Гэ Чжаогуан. «Даосизм и китайская культура» (葛兆光著 《道教与中国文化》), Дин Гуансинь, Ян Хуэйлинь. «Энциклопедия христианской культуры» (丁光训、杨慧林等编著 《基督教文化百科全书》), Хэ Гуанху. «Религия и мир» (в том числе разные переводы трудов по религии и литературе, религии и политики, религии и науки, религии и философии, религии и культуры) и др.) (何光沪编著 “宗教与世界” 丛书(包括宗教与文学、宗教与政治、宗教与科学、宗教与哲学、宗教与文化等方面的译著多种。))
18. Хэ Гуанху, Гао Шинин. Религия во всесторонних аспектах. Пекин: Чжунго хуацяо, 1997. (何光沪, 高师宁等编著: 方方面面说宗教, 中国华侨出版社, 1997); Хэ Гуаньху. Священный корень. Гуандун: Гуандун цзяюй, 1998. (何光沪: 神圣的根, 广东教育出版社, 1998); Словарь религии / Под ред. Жэнь Цзюйюй. Шанхай: Шанхай цишу, 1981. (任继愈 主编: 宗教词典, 上海辞书出版社, 1981); Большой словарь религии / Под ред. Жэнь Цзюйюй. Шанхай: Шанхай цишу, 1998. (任继愈主编: 宗教大词典, 上海辞书出版社, 1998); Китайская большая энциклопедия религии. Пекин: КБЭ, 1992. (《中国大百科全书·宗教》卷, 中国大百科全书出版社, 1992); Токарев С.А. Религия в мировой народной истории. Пекин: Социальные науки Китая, 1985. (谢·亚·托卡列夫: 世界各民族历史上的宗教, 魏庆征译, 中国社会科学出版社, 1985); Крывелев И.А. История религии. Пекин: Социальные науки Китая, 1984. (约·阿·克雷维列夫: 宗教史, 中国社会科学出版社, 1984); Три мировых религии / Под ред. Хуан Синьчуань, Дай Каншэн. Пекин: Саньянь, 1979. (黄心川 戴康生等编著: 世界三大宗教, 北京生活·读书·新知三联书店出版, 1979); Десять мировых религий / Под ред. Хуан Синьчуань. Пекин: Восток, 1988. (黄心川主编: 世界十大宗教, 东方出版社, 1988年);

- Общая история религии / Под ред. Ло Чжунфэна. Шанхай: Изд-во Восточно-китайского педагогического университета, 1990. (罗竹风: 宗教通史简编, 华东师范大学出版社, 1990年)
19. Фан Литянь. Философия буддизма в Китае. Пекин: Изд-во Китайского народного университета, 2002. (方立天: 中国佛教哲学要义, 中国人民大学出版社, 2002年); Сунь Шаян, Лю Цзункун. Философия христианства в Китае. Пекин: Изд-во Столичного педагогического университета, 2002. (孙尚扬、刘宗坤: 基督教哲学在中国, 首都师范大学出版社, 2002年); Лу Голун. Философия даосизма. Пекин: Хуася, 2007. (卢国龙: 道教哲学, 华夏出版社, 2007年).
20. Альманах западной философии религии в XX веке / Под ред. Лю Сяофэн. Т.3. Шанхай: Шанхай Саньянь, 1991–1992. (刘小枫编著: 二十世纪西方宗教哲学文选(三卷), 上海三联书店, 1991/1992); Ван Чжичэн. Философия глобальной религии. Пекин: Религия и культура, 2005. (王志成: 全球宗教哲学, 宗教文化出版社, 2005年); Ван Чжичэн. Сычжу. Священное желание: философия религии. Пекин: Цзянсу женьминь, 2000. (王志成、思竹: 神圣的渴望: 一种宗教哲学, 江苏人民出版社出版, 2000年); Чжан Чжиган. Исследование философии религии. Пекин: Изд-во Китайского народного университета, 2003. (张志刚: 宗教哲学研究--当代观念、关键环节及其方法论批判, 中国人民大学出版社, 2003年); Ван Ляо, Юй Би. Религия и его социальные функции. Пекин: Изд-во Аньхойского университета, 2006. (王利耀、余秉颐主编, 宗教平等思想及其社会功能研究, 安徽大学出版社, 2006年); Хэ Гуанху. Религия и современное китайское общество. Пекин: Изд-во Китайского народного университета, 2006. (何光沪主编: 宗教与当代中国社会, 中国人民大学出版社, 2006年); Современная западная философия религии / Пер. Чжоу Вэйч. Ху Цзысинь, Чжао Дуньхуа. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2001. (周伟驰、胡自信、赵敦华等译介: 当代西方宗教哲学, 北京大学出版社, 2001年); Ху Цзинчжун. Чжан Цинсюн. Аль-

- манах западной философии религии. Шанхай: Шанхай женьминь, 2002. (胡景钟、张庆熊编: 西方宗教哲学文选, 上海人民出版社, 2002年); Хэ Гуанху. Луна освещает реки. Пекин: Социальные науки Китая, 2003. (何光沪: 月印万川, 中国社会科学出版社, 2003年)
21. Хэ Гуанху. Плюрализм в концепции Бога: Обзор западной философии религии в XX веке. Гуйчжоу: Гуйчжоу Жэньминь, 1991. (何光沪: 多元化的上帝观: 20世纪西方宗教哲学概览. 贵州人民出版社, 1991. 第)
22. Хэ Гуанху. Столетняя история изучения религии в Китае // Круги научных исследований. 2003, № 3. (何光沪: 中国宗教学百年// 学术界. 2003年. 第3期, 第)
23. Гао Шинин. Священный покров: элементы социологической теории религии. Шанхай: Шанхай Жэньминь, 1991; (彼得·贝格尔: 神圣的帷幕--宗教社会学理论之要素, 高师宁译, 上海: 上海人民出版社, 1991年.); Румор ангелов. Гонконг, 1996. (彼得·贝格尔: 天使的传言--现代社会与超自然的再发现, 高师宁译, 香港: 汉语基督教文化研究所, 1996)
24. Общее введение в социологию религии / Под ред. Чэнь Линьшу. Юань Яюй. Сычуань: Изд-во Сычуаньского университета, 2004. (陈麟书, 袁亚愚主编《宗教社会学通论》四川大学出版社. 2004); Социология религии / Под ред. Дай Каншэн. Пекин: Литература социальных наук, 2000. (戴康生主编《宗教社会学》社会科学文献出版社, 2000.)
25. Гао Шинин. Христианство и христиане в современном Пекине: тематическое исследование социологии религии. Гонконг: Изучение христианской культуры, 2005. (高师宁: 当代北京的基督教与基督徒: 宗教社会学个案研究, 汉语基督教文化研究所出版, 2005年); Чэнь Цуньфу. Христианство в переходный период китайского общества: тематическое исследование христианства в провинции Чжэцзян. Пекин: Восток, 2005. (陈村富: 转型期的中国基督教--浙江基督教个案研

- 究, 东方出版社, 2005年); Ли Фэнь. Характер сельских христианских организаций и их социальные структуры. Шанхай: Изд-во Фуданьского университета, 2005. (李峰: 乡村基督教的组织特征及其社会结构性位秩--华南Y县X镇基督教教会组织研究. 复旦大学出版社, 2005年); ЧэньЧанвэн. Свято-светский край. Сычуань: Сычуань жэньминь, 2004. (陈昌文: 圣俗边缘: 西部社会的环境、信仰和行为. 四川人民出版社, 2004); Ли Сянпин. Социологическая интерпретация китайских современных религий. Шанхай: Шанхай жэньминь, 2006. (李向平: 中国当代宗教的社会发学诠释. 上海人民出版社, 2006年); Ли Сянпин. Вера, революция и власть – социологическое исследование китайских религий. Шанхай: Шанхай жэньминь, 2006. (李向平: 信仰·革命与权力秩序—中国宗教社会学研究. 上海人民出版社, 2006年); Лян Липин. Социальное преобразование и религиозное убеждение: христианин как объект исследования // Исследования мировых религий. 2006, №2. (梁丽萍: 社会转型与宗教皈依: 以基督教徒为对象的考察// 世界宗教研究, 2006年.第2期); Гао Шинин. Исследование новых религиозных движений. Пекин: Социальные науки Китая, 2006. (高师宁: 新兴宗教初探, 中国社会科学出版社, 2006).
26. Гао Шинин. Развитие социологии религии в материковой части Китая // Вестник Шанхайского университета. 2007, № 3. (高师宁: 宗教社会学研究在中国大陆的发展 // 上海大学学报(社会科学版). 2007年.第3期); Минь Ли. Обзор теоретического религиоведения после 2000 года // Религиоведение. 2008, № 2. (闵丽: 2000年以来国内宗教学理论研究述评 // 宗教学研究. 2008年. 第2期); Яо Нанцян. Новая ориентация западной социологии религии // Вестник Восточно-китайского педагогического университета. 2009, № 4. (姚南强: 西方宗教学研究的新取向 // 哲学社会科学版). 2009年. 第4期)
27. Цзинь Цзэ. Исследования религиозного запрета. Пекин: Литература социальных наук, 1996. (金泽: 宗教禁忌研究, 社会科学文献出版社, 1996年)

28. Цзинь Цзэ. Запрещение религии. Пекин: Литература социальных наук, 2002. (金泽: 宗教禁忌, 社会科学文献出版社, 2002年); Цзинь Цзэ. Введение в антропологию религии. Пекин: Религия и культура, 2001. (金泽: 宗教人类学导论, 宗教文化出版社, 2001年); Нажебилиг. Новая структура антропологических теорий. Пекин: Литература социальных наук, 2001. (纳日碧力戈: 人类学理论的新格局, 社会科学文献出版社, 2001年); Лю Чжицзюнь. Урбанизация деревень и смена религиозной веры. Пекин: Литература социальных наук, 2007. (刘志军: 乡村都市化与宗教信仰变迁—张店镇个案研究, 社会科学文献出版社, 2007年); Хуан Юн. Изменение проблемного поля по антропологии религии // Вестник Западно-южного Транспортного университета. 2003, № 6. (黄勇: 宗教人类学研究视野的变迁// 西南交通大学学报. 2003年第6期); Гун Чжэпин. Методика исследования современной антропологии религии // Вестник Уханьского университета. 2000, № 5. (官哲兵: 现代宗教人类学的方法// 武汉大学学报. 2000年第5期).
29. Левенталь. Теории психологии религии / Пер. Ло Юэцзюнь. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2002. (洛文塔尔: 宗教心理学简论, 罗跃军译, 北京大学出版社, 2002年); Введение в психологию религии / Пер. Чэнь Бяо. Пекин: Изд-во Китайского народного университета, 2005. (麦克阿盖尔: 宗教心理学导论, 陈彪译, 中国人民大学出版社, 2005年); Лян Липин. Религиозная психика китайцев: теоретический анализ и эмпирическое исследование религиозной идентичности. Пекин: Литература социальных наук, 2004. (梁丽萍: 中国人的宗教心理--宗教认同的理论分析与实证研究, 社会科学文献出版社, 2004年); Ван Хуэйцзюнь. Культ и духовное управление. Сиань: Изд-во Сианьского транспортного университета, 2005. (王惠君: 崇拜与精神控制. 西安交通大学出版社, 2005年); Чэнь Бяо. Обзор психологии религии Эриксона. Диссертация магистратуры. 2002. (陈彪: 埃里克森宗教心理学思想述评, 硕士论文, 2002年).

30. Феноменология религии / Пер. Гао Бинцзян. Пекин: Жэньминь, 2006. (马利亚苏塞·达瓦马尼著, «宗教现象学», 高秉江译, 人民出版社, 2006); Хао Чанчи. Основные вопросы феноменологии религии // Современная философия. 2006, №1. (郝长池: 宗教现象学的基本问题 // 《现代哲学》, 2006年, 第1期); Гао Бинцзян. Исследование феноменологии религии // Современная философия. 2004, №3. (高秉江: 初探宗教现象学 // 《当代哲学》, 2004年, 第3期); Юй Пин. Феноменологические размышления о бессмертности // Вестник Сычуаньского университета. 2005, №4. (余平: 神仙观念与神仙信仰的现象学思考 // 《四川大学学报》, 2005年, 第4期)

References

1. Van Czoan'. *Religioznyj vopros i politika v sfere religij v Kitae* [Religious question and politics in religious sphere in China]. 2002. 406 p. (王作安: 中国的宗教问题和宗教政策. 宗教文化出版社, 2002年.)
2. Van Chzhichjen. *Zhelanie mira: teorii mezhkconfessional'nogo dialoga v sovremennoe vremja* [The desire of peace: theories of interfaith dialog in the modern time]. 2003. (王志成: 和平的渴望 – 当代宗教对话理论, 宗教文化出版社, 2003年.)
3. *Dialog: konfucianstvo, daosizm, buddizm i hristianstvo*. [Dialog: Confucianism, Daoism, Buddhism and Christianity] / Hje Guanhu, Chzhao Dun'hua, Sjuj Chzhivjej (ed.). 1998. (何光沪、许志伟、赵敦华等人主编: 对话: 儒释道与基督教, 社会科学文献出版社, 1998.)
4. Duan' Djechzhi. *Perspektiva kitajskogo religiovedenija v XXI veke*. [The perspective of Chinese religious studies in XXI century]. *Vestnik Uhan'skogo universiteta*. [The messenger of Unan university] 2003, № 2. (段德智: 21世纪中国宗教学研究前瞻 // 武汉大学学报. 2003年.第2期.)
5. Du Vjejin. *Konfucianskie tradicii v sovremenности*. [Confucian traditions in the modern time]. *Zhuczja jubao* [Zhuczja jubao] / Chjen

- Min. (ed.) 2010, № 4. (杜维明: 多元现代性中的儒家传统 // 儒家周报. 2010年. 第4期, 第21页.)
6. *Issledovanija religiovedenija v sovremennom Kitae*. [Religious studies in modern China] / Chzho Sin'pin (ed.), 2011. 415 p. (当代中国宗教学研究 (1949–2009) / 卓新平主编. 中国社会科学出版社2011年. 415页.)
 7. *Itogi kitajskogo religiovedenija za 30 let: s 1978 po 2008 gg.* [The results of Chinese religious studies for 30 years: 1978–2008] / Chzho Sin'pin (ed.). Pekin, 2008. (中国宗教学30年1978–2008. 卓新平主编, 中国社会科学出版社. 2008)
 8. Li Cjan. *Izuchenie konfucianstva s točki zrenija sociologii religii*. [The investigation of Confucianism according to sociology of religion]. *Vestnik Severo-zapadnogo universiteta sel'skogo i lesnogo hozjajstva* [The messenger of Norht-western university of agricultural and forest industry], 2006, № 1. (李强: 从宗教社会学角度看儒教 // 西北农林科技大学学报 (社会科学版). 2006年. 第1期.)
 9. Ljuj Daczi. *Myshlenie o prirode religii*. [Thinking about religion's nature]. *Social'nye nauki Kitaja* [Social sciences of China], 1987, №5. (吕大吉: 关于宗教本质问题的思考 // 中国社会科学. 1987年第5期.)
 10. Ljuj Daczi. *Obzor stoletnej istorii kitajskogo religiovedenija i prognozo ego razvitija*. [The overview of centenary history of Chinese religious studies and the prediction of its development]. *Religiovedenie* [Religious studies], 2008, №1. (吕大吉: 中国现代宗教学术研究一百年的回顾与展望. // 宗教学研究. 2008. 第1期.)
 11. Ljuj Daczi. *Osnovy religiovedenija* [The bases of religious studies]. *Ssocial'nye nauki Kitaja*, 1989. (吕大吉: 宗教学通论, 中国社会科学出版社, 1989年版.)
 12. Fan Litjan', Hje Guanhu, Chzhao Dun'hua, Chzho Sin'pin. *Tekushhee sostojanie i budushhee otechestvennogo religiovedenija*. [The modern state and the future of the native religious studies]. *Vestnik Kitajskogo narodnogo universiteta*. [The messenger of Chinese people's university],

- 2002, № 4. (方立天等: 我国宗教学研究的现状与未来 // 中国人民大学学报. 2002. 第4期.)
13. Hje Guanhu. Stoletnjaja istorija izuchenija religii v Kitae. [The centenary history of religion's investigations in China]. *Krugi nauchnyh issledovanij* [The circles of scientific investigations] 2003, №3. (何光沪: 中国宗教学百年 // 学术界. 2003. 第3期.)
14. Czjan Czjan'jun. Vozmozhnosti i vyzovy v kitajskih issledovanijah religii. [The possibilities and challenges in Chinese investigations of religion]. *Religija Kitaja* [Religion of China] 2010, № 8. (蒋坚永: 中国宗教学研究的机遇与挑战 // 中国宗教. 2010年. 第8期.)
15. Chzho Sin'pin. Neskol'ko voprosov o kitajskih religiovedcheskih issledovanijah. [A few questions about Chinese religious studies]. *Religiovedenie* [Religious studies]. 2001, № 3. (卓新平: 关于中国宗教研究的几个问题 // 宗教学研究. 2001年. 第3期.)
16. Chzho Sin'pin. Opyty zapadnogo religiovedenija. [The experiences of western religious studies]. *Issledovanija mirovyh religij* [The investigations of the world religions]. 2001, № 3. (卓新平: 西方宗教学经验 // 世界宗教研究. 2001年. 第3期.)
17. «Populjarnyj sbornik kul'tury religii» [Popular collection of religion's culture] («Kul'tura buddizma», «Ocherk hristianskoj kul'tury», «Ocherk islamskoj kul'tury» i t.d.) («宗教文化通俗丛书»: 《佛教文化面面观》, 《基督教文化面面观》, 《伊斯兰教文化面面观》等), Van Chzhijuan'. «Kul'tura religii» [Religion's culture] (v tom chisle sto voprosov razlichnyh religij i t.d.) (王志远编“宗教文化丛书”(包括各种宗教“文化百问”等), Fan Litjan'. «Kitajskij buddizm i tradicionnaja kul'tura» [Chinese Buddhism and traditional culture] (方立天著《中国佛教与传统文化》), Gje Chzhaoguan. «Daosizm i kitajskaja kul'tura» [Daoism and Chinese culture] (葛兆光著《道教与中国文化》), Din Guansin', Jan Hujelin'. «Jenciklopedija hristianskoj kul'tury» [Encyclopedia of Christian culture] (丁光训、杨慧林等编著《基督

教文化百科全书》), Hje Guanhu. «*Religija i mir*» [Religion and the world] (v tom chisle raznye perevody trudov po religii i literature, religii i politiki, religii i nauki, religii i filosofii, religii i kul'tury) i dr.) (何光沪编著“宗教与世界”丛书(包括宗教与文学、宗教与政治、宗教与科学、宗教与哲学、宗教与文化等方面的译著多种。))

18. Hje Guanhu, Gao Shinin. *Religija vo vsestoronnih aspektah*. [Religion in comprehensive aspects]. Pekin: Chzhungo huacjao, 1997. (何光沪, 高师宁等编著: 方方面面说宗教, 中国华侨出版社, 1997); Hje Guan'hu. *Svjashennyj koren'*. [Sacred root] Guandun: Guandun czjaojuj, 1998. (何光沪: 神圣的根, 广东教育出版社, 1998); *Slovar' religii*. [The dictionary of religion] / Pod red. Zhjen' Czijuj. Shanhaj: Shanhaj cishu, 1981. (任继愈 主编: 宗教词典, 上海辞书出版社, 1981); *Bol'shoj slovar' religii* [The big dictionary of religion] / Zhjen' Czijuj (ed.). Shanhaj: Shanhaj cishu, 1998. (任继愈主编: 宗教大词典, 上海辞书出版社, 1998); *Kitajskaja bol'shaja jenciklopedija religii* [Chinese big encyclopedia of religion]. Pekin: KBJe, 1992. (《中国大百科全书·宗教》卷, 中国大百科全书出版社, 1992); Tokarev S. A. *Religija v mirovoj narodnoj istorii*. [Religion in the world national history]. Pekin: Social'nye nauki Kitaja, 1985. (谢·亚·托卡列夫: 世界各民族历史上的宗教, 魏庆征译, 中国社会科学出版社, 1985); Kryvelev I. A. *Istorija religii* [The history of religion]. Pekin: Social'nye nauki Kitaja, 1984. (约·阿·克雷维列夫: 宗教史, 中国社会科学出版社, 1984); *Tri mirovyh religii* [Three world religions] / Huan Sin'chuan', Daj Kanshjen (ed.). Pekin: San'ljan', 1979. (黄心川 戴康生等编著: 世界三大宗教, 北京生活·读书·新知三联书店出版, 1979); *Desjat' mirovyh religij*. [Ten world religions] / Huan Sin'chuan' (ed.). Pekin: Vostok, 1988. (黄心川主编: 世界十大宗教, 东方出版社, 1988年); *Obshhaja istorija religii*. [The general history of religion] / Lo Chzhufjena (ed.). Shanhaj: Izd-vo Vostochno-kitajskogo pedagogicheskogo universiteta, 1990. (罗竹风: 宗教通史简编, 华东师范大学出版社, 1990年)

19. Fan Litjan'. *Filosofija buddizma v Kitae*. [Buddhistic philosophy in China]. Pekin: Izd-vo Kitajskogo narodnogo universiteta, 2002. (方立天: 中国佛教哲学要义, 中国人民大学出版社, 2002年); Sun' Shajan, Lju Czunkun. *Filosofija hristianstva v Kitae* [Philosophy of Christianity in China]. Pekin: Izd-vo Stolichnogo pedagogicheskogo universiteta, 2002. (孙尚扬、刘宗坤: 基督教哲学在中国, 首都师范大学出版社, 2002年); Lu Golun. *Filosofija daosizma* [Daoistic philosophy] Pekin: Huasja, 2007. (卢国龙: 道教哲学, 华夏出版社, 2007年)
20. *Al'manah zapadnoj filosofii religii v XX veke* [Almanac of the western philosophy of religion in the XX century]/ Lju Sjaofjen (ed.). V.3 Shanhaj: Shanhaj San'ljan', 1991–1992. (刘小枫编著: 二十世纪西方宗教哲学文选(三卷), 上海三联书店, 1991/1992); Van Chzhichjen. *Filosofija global'noj religii* [Philosophy of global religion]. Pekin: Religija i kul'tura, 2005. (王志成: 全球宗教哲学, 宗教文化出版社, 2005年); Van Chzhichjen. Sychzhu. *Svjashhennoe zhelanie: filosofija religii* [Sacred desire: philosophy of religion]. Pekin: Czjansu zhen'min', 2000. (王志成、思竹: 神圣的渴望: 一种宗教哲学, 江苏人民出版社出版, 2000年); Chzhan Chzhigan. *Issledovanie filosofii religii* [The investigation of philosophy of religion]. Pekin: Izd-vo Kitajskogo narodnogo universiteta, 2003. (张志刚: 宗教哲学研究--当代观念、关键环节及其方法论批判, 中国人民大学出版社, 2003年); Van Lijao, Juj Bi. *Religija i ego social'nye funkcii* [Religion and its social functions]. Pekin: Izd-vo An'hojskogo universiteta, 2006. (王利耀、余秉颐主编, 宗教平等思想及其社会功能研究, 安徽大学出版社, 2006年); Hje Guanhu. *Religija i sovremennoe kitajskoe obshhestvo* [Religion and modern Chinese society]. Pekin: Izd-vo Kitajskogo narodnogo universiteta, 2006 (何光沪主编: 宗教与当代中国社会, 中国人民大学出版社, 2006年); *Sovremennaja zapadnaja filosofija religii* [Modern western philosophy of religion] / Per. Chzhou

- Vjejch. Hu Czysin', Chzhao Dun'hua. Pekin: Izd-vo Pekinskogo universiteta, 2001. (周伟驰、胡自信、赵敦华等译介:当代西方宗教哲学,北京大学出版社,2001年); Hu Czinchzhun. Chzhan Cinsjun. *Al'manah zapadnoj filosofii religii* [Almanac of western philosophy of religion]. Shanhaj: Shanhaj zhen'min', 2002. (胡景钟、张庆熊编:西方宗教哲学文选,上海人民出版社,2002年); Hje Guanhu. *Luna osveshhaet reki* [The moon shines on the rivers]. Pekin: Social'nye nauki Kitaja, 2003. (何光沪:月印万川,中国社会科学出版社,2003年)
21. Hje Guan'hu. *Pljuralizm v koncepcii Boga: Obzor zapadnoj filosofii religii v HH veke* [Pluralism in God's conception: the overview of western philosophy in the XX century]. Gujchzhou: Gujchzhou Zhjen'min, 1991. (何光沪:多元化的上帝观:20世纪西方宗教哲学概览. 贵州人民出版社,1991. 第)
22. Hje Guanhu. *Stoletnjaja istorija izuchenija religii v Kitae* [Centenary history of religion's investigations in China] *Krugi nauchnyh issledovanij* [The circuses of scientific investigations]. 2003, № 3. (何光沪:中国宗教学百年//学术界. 2003年. 第3期, 第)
23. Gao Shinin. *Svjashennyj pokrov: jelementy sociologicheskoi teorii religii* [Sacred cover: the elements of sociological religion's theory]. Shanhaj: Shanhaj Zhjen'min, 1991; (彼得·贝格尔:神圣的帷幕--宗教社会学理论之要素,高师宁译,上海:上海人民出版社,1991年.); *Rumor angelov* [Angels' horn]. Gonkong, 1996. (彼得·贝格尔:天使的传言--现代社会与超自然的再发现,高师宁译,香港:汉语基督教文化研究所,1996.)
24. *Obshhee vvedenie v sociologiju religii* [General introduction in sociology of religion] / Chjen' Lin'shu. Juan' Jajuj (ed.). Sychuan': Izd-vo Sychuan'skogo universiteta, 2004. (陈麟书,袁亚愚主编《宗教学社会学通论》四川大学出版社.2004); *Sociologija religii* [Sociology of religion] / Daj Kanshjen (ed.). Pekin: Literatura

- social'nyh nauk, 2000. (戴康生主编《宗教社会学》社会科学文献出版社, 2000.)
25. Gao Shinin. *Hristianstvo i hristiane v sovremennom Pekine: tematičeskoe issledovanie sociologii religii* [Christianity and Christians in modern Pekin: thematic investigation of sociology of religion]. Gongkong: Izuchenie hristianskoj kul'tury, 2005. (高师宁: 当代北京的基督教与基督徒: 宗教社会学个案研究, 汉语基督教文化研究所出版, 2005年); Chjen' Cun'fu. *Hristianstvo v perehodnyj period kitajskogo obshhestva: tematičeskoe issledovanie hristianstva v provincii Chzhjeczjan* [Christianity in transitive period of Chinese society: thematic investigation of Christianity in Chzhjeczjan region]. Pekin: Vostok, 2005. (陈村富: 转型期的中国基督教--浙江基督教个案研究, 东方出版社, 2005); Li Fjen'. *Harakter sel'skih hristianskih organizacij i ih social'nye struktury* [The type of the country Christian organizations and their social structure]. Shanhaj: Izd-vo Fudan'skogo universiteta, 2005. (李峰: 乡村基督教的组织特征及其社会结构性位秩--华南Y县X镇基督教教会组织研究. 复旦大学出版社, 2005年); Chjen'Chanvjen. *Svjato-svetskij kraj* [Sacred-secular region]. Sychuan': Sychuan' zhjen'min', 2004. (陈昌文: 圣俗边缘: 西部社会的环境、信仰和行为. 四川人民出版社, 2004年); Li Sjanpin. *Sociologičeskaja interpretacija kitajskih sovremennyh religij* [Sociological interpretation of modern religions]. Shanhaj: Shanhaj zhjen'min', 2006. (李向平: 中国当代宗教的社会学诠释. 上海人民出版社, 2006年); Li Sjanpin. *Vera, revoljucija i vlast' – sociologičeskoe issledovanie kitajskih religij* [Belief, revolution and power – sociological investigation of Chinese religions]. Shanhaj: Shanhaj zhjen'min', 2006. (李向平: 信仰·革命与权力秩序—中国宗教社会学研究. 上海人民出版社, 2006年); Ljan Lipin. *Social'noe preobrazovanie i religioznoe ubezhdenie: hristianin kak ob#ekt issledovanija* [Social reform and religious belief: Christian as the object

- of investigation]. *Issledovanija mirovyh religij*. [Investigations of world religions], 2006, №2. (梁丽萍: 社会转型与宗教皈依: 以基督教徒为对象的考察 // 世界宗教研究, 2006年.第2期); Gao Shinin. *Issledovanie novyh religioznyh dvizhenij* [The investigation of the new religious movements]. Pekin: Social'nye nauki Kitaja, 2006. (高师宁: 新兴宗教初探, 中国社会科学出版社, 2006.)
26. Gao Shinin. *Razvities sociologii religii v materikovoju chasti Kitaja* [The development of sociology of religion in the continental part of China]. *Vestnik Shanhajskogo universiteta* [Messenger of Shanghai university], 2007, № 3. (高师宁: 宗教社会学研究在中国大陆的发展 // 上海大学学报(社会科学版). 2007年.第3期); Min'Li. *Obzor teoreticheskogo religiovedenija posle 2000 goda* [Overview of theoretical religious studies after 2000 years]. *Religiovedenie* [Religious studies]. 2008, № 2. (闵丽: 2000年以来国内宗教学理论述评 // 宗教学研究. 2008年.第2期); Jao Nancjan. *Novaja orientacija zapadnoj sociologii religii* [The new orientation of western philosophy of religion]. *Vestnik Vostochno-kitajskogo pedagogicheskogo universiteta* [Messenger of East Chinese pedagogical university] 2009, № 4. (姚南强: 西方宗教社会学研究的新取向 // 华东师范大学学报(哲学社会科学版). 2009年.第4期)
27. Czin' Czje. *Issledovanija religioznogo zapreta* [The investigations of religious taboo]. Pekin: Literatura social'nyh nauk, 1996. (金泽: 宗教禁忌研究, 社会科学文献出版社, 1996年)
28. Czin' Czje. *Zapreshhenie religii* [The prohibition of religion]. Pekin: Literatura social'nyh nauk, 2002. (金泽: 宗教禁忌, 社会科学文献出版社, 2002年); Czin' Czje. *Vvedenie v antropologiju religii* [The introduction of anthropology of religion]. Pekin: Religija i kul'tura, 2001. (金泽: 宗教人类学导论, 宗教文化出版社, 2001年); Nazheblig. *Novaja struktura antropologicheskikh teorij* [The new structure of anthropological theory]. Pekin: Literatura social'nyh nauk,

2001. (纳日碧力戈: 人类学理论的新格局, 社会科学文献出版社, 2001); Lju Chzhiczjun'. *Urbanizacija dereven' i smena religioznoj very* [The urbanization of village and the changing of religious belief]. Pekin: Literatura social'nyh nauk, 2007. (刘志军: 乡村都市化与宗教信仰变迁—张店镇个案研究, 社会科学文献出版社, 2007年); Huan Jun. *Izmenenie problemnogo polja po antropologii religii* [The change of problem field in anthropology of religion]. *Vestnik Zapadno-juzhnogo Transportnogo universiteta* [Messenger of Western-southern university of transport]. 2003, № 6. (黄勇: 宗教人类学研究视野的变迁//西南交通大学学报. 2003年第6期); Gun Chzhjepin. *Metodika issledovanija sovremennoj antropologii religii* [The methodology of investigation in modern anthropology of religion]. *Vestnik Uhan'skogo universiteta* [Messenger of Uhan university]. 2000, № 5. (官哲兵: 现代宗教人类学的方法//武汉大学学报. 2000年第5期).
29. Levental'. *Teorii psihologii religii* [Theories of psychology of religion] / Per. Lo Jujeczjun'. Pekin: Izd-vo Pekinskogo universiteta, 2002. (洛文塔尔: 宗教心理学简论, 罗跃军译, 北京大学出版社, 2002年); *Vvedenie v psihologiju religii* [The introduction in psychology of religion] / Per. Chjen' Bjaо. Pekin: Izd-vo Kitajskogo narodnogo universiteta, 2005. (麦克·阿盖尔: 宗教心理学导论, 陈彪译, 中国人民大学出版社, 2005年); Ljan Lipin. *Religioznaja psihika kitajcev: teoreticheskij analiz i jempiricheskoe issledovanie religioznoj identichnosti* [Religious mind of Chinese: theoretical analysis and empirical investigation of religious identity]. Pekin: Literatura social'nyh nauk, 2004. (梁丽萍: 中国人的宗教心理--宗教认同的理论分析与实证研究, 社会科学文献出版社, 2004年); Van Hujeczjun'. *Kul't i duhovnoe upravljenje* [Cult and spiritual conduction]. Sian': Izd-vo Sian'skogo transportnogo universiteta, 2005. (王惠君: 崇拜与精神控制. 西安交通大学出版社, 2005年); Chjen' Bjaо. *Obozrenie psihologii religii Jeriksena* [Review of

- Erickson's psychology of religion]. 2002. (陈彪: 埃里克森宗教心理学思想述评, 硕士论文, 2002年).
30. *Fenomenologija religii* [Phenomenology of religion] / Per. Gao Binczjan. Pekin: Zhjen'min', 2006. (马利亚苏塞·达瓦马尼著, «宗教现象学», 高秉江译, 人民出版社, 2006); Hao Chanchi. Osnovnye voprosy fenomenologii religii [The main questions of phenomenology of religion]. *Sovremennaja filosofija* [Modern philosophy], 2006, №1. (郝长池: 宗教现象学的基本问题 // 《现代哲学》, 2006年, 第1期); Gao Binczjan. Issledovanie fenomenologii religii [The investigation of phenomenology of religion]. *Sovremennaja filosofija* [Modern philosophy]. 2004, №3. (高秉江: 初探宗教现象学 // 《当代哲学》, 2004年, 第3期); Juj Pin. Fenomenologicheskie razmyshlenija o bessmertnosti [Phenomenological thinking about immortality]. *Vestnik Sychuan'skogo universiteta* [Messenger of Sychuan university]. 2005, №4. (余平: 神仙观念与神仙信仰的现象学思考 // 《四川大学学报》, 2005年, 第4期)

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Чжан Си, аспирант

*Санкт-Петербургский государственный университет
Менделеевская линия, 5, г. Санкт-Петербург, 199034, Рос-
сийская Федерация
zhxzhangxi@hotmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Chzhan Si, Postgraduate Student

*Saint-Petersburg State University
5, Mendelevskaya liniya, Saint-Petersburg, 199034, Russian
Federation
zhxzhangxi@hotmail.com*

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-1-186-208

УДК 37.025:316.77

ЯЗЫЧЕСКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ПАМЯТЬ АНТИЧНОСТИ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Шестеркина Н.В.

Целью предлагаемой вниманию статьи является освещение сущности языческой религиозной памяти, основания которой сформулированы М. Хальбваксом. Коллективные представления, по Л. Леви-Брюлю, неосознанно передаются из поколения в поколение и являются в то же время продуктом веры. Религиозная память предполагает работу с воспоминаниями, что подтверждается историей, всецело проникнутой религиозными идеями. В статье анализируется классификация процессов, связанных с сохранением языческого религиозного прошлого народов античности, среди которых – взаимопроникновение религий, компромисс нового со старым, что связано с поминовением умерших (теторiа, коммеморация), возрождение древних религий и др.

Ключевые слова: *память; коллективная память; античность; язычество; религиозная память; теторiа; воспоминания; коммеморация.*

PAGAN AND RELIGIOUS MEMORY OF ANTIQUITY AS SOCIAL PHENOMENON

Shesterkina N.V.

The aim of this article is to elucidate the essence of pagan and religious memory, which basics were defined by M. Halbwachs. Collective

ideas, by L. Levy-Brules, unconsciously go from generation to generation and in the same time it is a product of belief. Religious memory assumes a work with recollections that is confirmed by history, entirely full of religious ideas. In the article is analyzed the classification of processes, connected to saving of religious past of the people, among which are interpenetration of religions, compromise of new and old, which is connected to commemoration of dead, resurrection of ancient religions and so on.

Keywords: *memory; collective memory; antiquity; paganism; religious memory; memoria; recollections; commemoration.*

Социология занимается разными проблемами, связанными с человеком. (См., например, [11; 25; 20] и др.). В последнее время для обозначения социальных образов пользуются понятием «коллективная память» (Т.В. Пушкарева, Е.М. Шемякина). Социологи изучают участие коллективных представлений и памяти в конструировании социальной реальности на основе таких базовых характеристик бытия, как повторяемость, возвращение прошлого в традиции и др. (Е.К. Краснухина). Коллективная память определяет, что является ценным и достойным повторения, а процесс становится величиной переменной. Память формирует динамическую модель мира и превращает человека в сложную систему, умеющую обучаться, адаптироваться и прогнозировать (О.Н. Астафьева, Д.Г. Давлетшина, О.А. Захарова). Социальная реальность создается взаимодействием людей, открывая возможности исследований памяти как процесса конституирования воспоминаний (М. Billig).

Для нашего анализа важно понятие «коллективная память» (далее КП), связанное с именем социолога М. Хальбвакса. КП – некая социальная конструкция прошлого, создаваемая в настоящем, разделяемая коллективом, формирующаяся посредством

повседневных практик при участии общественных институтов и имеющая природу конвенций [26]. Она включает большие группы населения, нации, поколения [35, с. 147–174], т. е. социальная память отождествляется с КП. Предмет КП – исторические события и персонажи, имеющие большую ценностную нагрузку, связанные с эмоциональными переживаниями коллективов, требованиями ситуации [38, с. 131–146]. Эмоциональность и ценностность КП делает ее контекстуально детерминированной [28], обеспечивают ее ценностно-этический потенциал [12, с. 56–66], Будучи социально-культурным, нацеленным на реконструкцию и реинтерпретацию прошлого феноменом, КП включает трансформации прошлого (в пользу собственной группы), активно используемые каналами общественной коммуникационной системы [1]. (О религии как коллективной духовной культуре см. [23; 27]).

Л. Леви-Брюль подчеркнул социальную природу «коллективных представлений», доминирующих в обществе: они присущи всем членам социальной группы, передаются из поколения в поколение; навязываются отдельным личностям, пробуждая в них сообразно обстоятельствам чувства уважения, страха, поклонения и т.д. Они не зависят от отдельной личности. Они проявляют черты, «которые невозможно осмыслить и понять путем одного только рассмотрения индивида как такового» [17, с. 5]. Коллективные представления – основа любых знаний и действий – определяют их границы для сохранения и поддержания общества: они «навязывают» себя личности, т. е. являются для нее «не продуктом рассуждения, а продуктом веры» [17, с. 13–14]. Коллективные представления бессознательны, часто воспринимаются как алогичные и недоказуемые, но эти признаки относятся к любым представлениям, определяющим мифологическое восприятие [15, с. 47–48]. Со времен Э. Дюркгейма возникла идея мифа как «коллективного

сознания» – существенной социальной силы и проекции вне самого общества, обеспечивающей его устойчивость [10].

Основатель анализа социальной, коллективной, культурной, исторической и *религиозной* памяти, Хальбвакс, показал, что память определяется социальными и культурными параметрами [6, с. 463–503; 22, с. 39–46; 1; 14, с. 7–24]. По Хальбваксу, есть четыре области внешнего исследования памяти: мимическая, предметная, коллективная и культурная. Последняя передается поколениям, продолжая жить в символических фигурах (Октябрьская революция для России, Жанна д'Арк для французов и т. п.). При «приращении» к ним определенных воспоминаний история часто становится мифом [8, с. 317–322]. Хальбвакс подчеркивал сакральную природу культурной памяти: она не распространяется сама, а всегда имеет специальных носителей – учителей, жрецов, историков [26; 30]. Основная мысль книги Хальбвакса в том, что память – не чисто индивидуальный процесс сохранения впечатлений и их обработки, а ее деятельность определяется обществом. Любая общая идея социальна и относится к гражданской ответственности. Хальбвакс пользуется термином «рамка» (*cadre*) для анализа социального элемента памяти. Воспоминания есть события, а рамка – воспоминания [14, с. 9–10]. Он делит воспоминания на социально санкционированные для всего общества, они передаются от человека к человеку, и на этой мемориальной основе каждый человек «припоминает или реконструирует» свои воспоминания по модели современного ему общества. Хальбвакс называет «ориентирами» базовые социальные воспоминания, образующие «рамку», но дает и иное понимание рамки, когда ее образуют время и пространство, т. е. внешние, обрамляющие формы [27]. Один аспект «рамки» связан у него с ролью языка, которую он играет в воспоминаниях. Язык здесь – «минимальная рамка», нечто соз-

данное людьми, но никто не может его изменить по желанию. Мы не свободны в выборе языка и пользуемся словами и идеями, выраженными в нем. А работа памяти помещена в рамки языка [14, с. 11, 13]. Хальбвакс признает индивидуальную, «внутреннюю» память, отличную от коллективной, «внешней» («автобиографической и исторической»). Его интересует только внутренняя речь человека, внешняя речь исключена из его социологии памяти. Если внутреннее слово – опора для воспоминаний, то произнесенное, записанное или напечатанное уже не связано с деятельностью памяти и может дезориентировать ее. С. Зенкин считает недостатком теории памяти Хальбвакса то, что автор не подводит под понятие КП такие артефакты, как библиотеки, памятники и пр., т.е. «всю внешне-знаковую сторону культуры» [14, с. 16–17]. И. Стаф видит у Хальбвакса существенные недостатки: он понимает память как процесс взаимодействия между людьми и вещным миром, но почти исключает из анализа культурную память. Книги, архивы, обряды – все традиционное, по его мысли, избавляют людей от памяти, реконструкции картины своего прошлого. Здесь Хальбвакс сближается с древними мыслителями, считающими, что письменный текст – угроза памяти и свидетельство умственной лени [24].

В поздних работах Хальбвакс начал понимать память как «культурную память», обладающую бóльшим объемом, чем память отдельной группы. В конце XX века его труды продолжили свое развитие у Я. Ассмана, писавшего, что Хальбвакс сделал открытие, объявив коллектив носителем памяти и воспоминаний и создав понятия «групповая память» и «память нации» [5, с. 37]. Память общества Я. Ассман разграничивает на «коммуникативную» и память о прошлом, запечатленную в мифологических «истоках» и «началах», – «культурную»; она отличается формализацией, символическим устройством (включая письменную фиксацию), нали-

чием носителей традиции, социально выражена. В зависимости от культуры она обращается к космическим мифам или к историческим легендам. В ее истории важнейшее событие – «замораживание» памяти, т. е. процесс, «когда течение традиции останавливается созданием канона» [5, с. 100]. Все тексты культуры Ассман делит на сакральные тексты, но вместе с комментариями к ним, поэтому появляется сословие толковников-книжников, занимающихся комментированием. Эта модель учитывает закрепление памяти усилиями социальной группы в текстах [14, с. 19–20].

А. Варбург параллельно изучал происхождение и функции воспоминаний, считая произведения искусства «изобразительными символами» культуры определенного круга, представляющими «свою культурную идентичность» в определенные эпохи истории. Исходный пункт у него – «деталь», создающая представление о вещи. В искусстве он видел неразрывную связь с религией и этот аспект считал средством познания «основополагающих структур истории человечества» [4, с. 47–48]. Его идея воплотилась в проекте «Mnemosyne», где он представил в европейском искусстве теорию «социальной памяти» – изображений и жестов Запада и Востока. Культурный ареал их распространения он считал «сообществом воспоминающих» [42]. «Коллективная память» Хальбвакса и «социальная память» Варбурга – при разном формулировании проблемы – вывели проблему структуры на индивидуального «знания», «памяти» из биологии в область культуры [4, с. 48].

Идея М. Хальбвакса о социальности памяти имеет ряд важных следствий. По отношению к религиозным или общественным группам она выявляет роль традиции в поддержании групповой идентичности. Его книга о религиозной памяти содержит новый взгляд на религию и ее социальную роль: любое верование хранит память о собственном легендарном прошлом. В религии рамки па-

мяти более статичны, она существует вне того времени, когда развивается общество. У других обществ память стремится к взаимосогласованности и взаимопроницаемости, а религиозная память, как считалось, зафиксирована на века и заставляет других приспосабливаться к ее представлениям или игнорирует их и относит к низшему разряду, противопоставляя свое постоянство и их нестабильность [26, с. 223]. А т. к. в эпохи потрясений коллективное сознание вспоминает прошлое, то многие поворотные процессы в истории были религиозно окрашены [24].

При анализе функций языка Хальбвакс подчеркивает главную характеристику работы памяти: воспоминание – реконструкция прошлого, а не «погружение» в забытые события. Для этого нужно воздействие восприятия событий, людей, книг. Но «рамочные» факторы не повторяются полностью, поэтому память, подчиняясь новым силам общества, согласует прошлое с настоящим. Общество обязывает людей не просто мысленно воспроизводить прежние события, но и ретушировать их, чтобы «мы, оставаясь убежденными в точности своих воспоминаний, приписывали им обаяние, каким не обладала реальность» [26, с. 151]. Рамки социальной памяти подвижны, поэтому коллективная память у Хальбвакса имеет исторический характер [14].

Позиция Хальбвакса вскрывает важный аспект работы с воспоминаниями, это появление традиции, которая постоянно проверяется. Она строит нынешние представления, «реутилизируя обломки старых, уже мало что говорящих ей воспоминаний – как своих, так и чужих» [14, с. 17]. Христианство вспоминает язычество и его верования. По Хальбваксу, есть два типа верующих – догматики и мистики. Первые связывают прошлое с учением – появляется ритуализация памяти, «застывание» [26, с. 249]. Вторые живут религией. Однако в религии есть место обоим: своими видениями и

переживаниями они укрепляют рамки традиционных верований. Есть аналогии и в других социальных группах: традиция восстанавливает связи с прошлым, исходя при этом из понимания нужд настоящего [16]. Для Хальбвакса все религиозные представления носят общий и частный, логический и исторический, абстрактный и конкретный характер [26, с. 332]. П. Рикёр [21] рассматривает память как деятельность, подытоживая социализацию памяти Хальбвакса, он возвращается к концепции А. Бергсона с его «образом-воспоминанием» и социальной «памятью-привычкой», ориентированной внешней деятельностью, а Хальбвакс доказывал, что и «образы-воспоминания» имеют социальные рамки. Но, по Рикёру, работа памяти производится как на уровне отдельного человека, так и общества [14, с. 21]. Хальбвакс пересмотрел выводы Дюркгейма, пытавшегося «спасти религиозное, отбросив религии» [32, с. 304], и выделил понятие религии из понятия сакрального [9]. Для него сущность религии в хранении памяти о собственном легендарном прошлом, он определяет религию через «особый тип памяти», разрушающий «исторические памяти во имя бесконечного превосходства вечности», а не с помощью оппозиции *sacrum – profanum*. По Хальбваксу, каждая религия – «пережиток прошлого» [26, с. 332]. М. Хальбвакс не исследует функции религии и содержание духовного опыта и находится «вне классических тенденций в определении религии» [14, с. 22–23].

По Хальбваксу, вся история народов в преданиях всецело проникнута религиозными идеями. В то же время «о любой религии можно сказать, что она в более или менее символических формах воспроизводит историю миграций и слияний рас и народностей, историю... великих событий» [26, с. 219]. По Н. Брагиной, следы прошлого – образ трансцендентного, свидетельство присутствия, символ знака памяти. По следам восстанавливается прошлое. «Об-

рета. . . развитие в метафизических и религиозных контекстах, сохраненный след соединяется с идеями вечности и бессмертия» [7, с. 209, 215]. В религиозных практиках сохранение следа противостоит смерти, забвению и связано с символическим продлением жизни или неполной смертью [7, с. 215].

Мы попытались составить классификацию процессов (по М. Хальбваксу), связанных с сохранением античной памяти народов об их религиозном прошлом на примере Древней Греции (см. также [13]):

1. *Смешение первобытных родов и семейств, принадлежащих к более развитому обществу.* При изучении античного города обнаружили две религии: одна связана с домашним очагом и памятью о предках и культ олимпийских богов, адресованный силам природы. Смешанная религия возникла благодаря слияниям племен и фратрий. Когда рождались полисы, новые культы и божества-эпонимы представляли память об этих истоках и переменях. Здесь отмечается постоянство воспоминаний, связываемых с основанием городов, и почитание их основателей, местных богов – покровителей города [26].

2. *Наложение и взаимопроникновение религий.* В Греции, где обряды, верования и суеверия продолжали жить у простонародья, религии накладывались и проникали друг в друга. Греческая религия родилась из слияния уранических и хтонических культов («нечистых духов») [36, с. 93].

3. *Конфликт и слияние исконных религий и религий завоевателей как результат военных действий.* Поединок хтонических и уранических религий – война между пеласгами и захватчиками с севера, из слияния которых и возникла классическая Греция [37]. Верования римлян связаны с противоположными религиями, слившимися в одну: культ Неба и Огня, культ Земли и подземных Сил.

Культ Земли был у средиземноморских крестьян, а культ Неба – у кочевников севера. То же различие было в религии плебеев и патрициев [37, с. 94]. Патриции произошли от завоевателей, а плебеи – от местного населения. Мифы говорят о победе уранических богов над хтоническими и пришедших пастухов над местными землепашцами. Символ компромисса культов – союз / брак хтонических и уранических богов.

4. *Распад древнейших больших богов.* Уранический культ тяготел к монотеизму, но из атрибутов Зевса родились новые божества или произошла контаминация его культа при контакте с языческими. Г. Узенер писал, что небо – корень, откуда вышли все боги. Древнейшими являются четыре-пять богов, но всех их (кроме женских) можно свести к одному богу неба – Зевсу [41, с. 275].

5. *Компромисс нового со старым/прошлым.* Когда враждующие боги стали едины, выявились компромиссы, сопровождающие те же оппозиции. В религии греков, по Хальваксу, к олимпийским богам относились «обряды служения», а к героям, подземным божествам – «обряды отвращения». Первые имели «радостно-рациональный» характер, вторые – мрачный, тяготевающий к суевериям. Были и обряды в честь олимпийцев, где не было ничего общего с ними, – очищение и поклонение призракам. Т. о., олимпийские обряды образуют вторичный слой: одни обряды не могли произойти от других. В древности антестерии были праздником мертвых душ. В День горшков приносили жертву не олимпийским богам, а Гермесу Хтониосу с пищей духов, трапезой мертвых. Верили, что духи умерших были среди них в День кружек. Проводились «апотропейные» обряды, отводившие влияние духов [26, с. 222–223]. Т. о., люди возвысились до менее мрачной религии, но новые идеи были помещены в *рамке веры* в подземных богов и в злоторное действие мертвых. Греческая религия V–IV вв. совмещала далекие по происхождению

во времени элементы со *следами* социально-нравственной эволюции, заменившей первобытные обычаи более передовой верой. Но коллективное мышление систематизировало обряды и верования прошлого, от которых оно не избавилось [26, с. 223].

Подобные практики были и в наше время. Немецкие историки К. Шмид, И. Воллаш и Г. Телленбах изучили поминальные тексты Средневековья и сделали вывод о поминовении умерших как важной части самоопределения человека [2, с. 19–37; 3, с. 171–172]. Латинское *memoria* означает понятие «память» во всех его проявлениях. По Ю. Арнаутовой, *memoria* – способность воссоздать знание о прошлом, умерших или отсутствующих людях – свойство человеческого сознания [2, с. 19]. В Германии оформились направления *memoria*: изучение мемориальных традиций знатных родов и литургическая *memoria*. Исследования стали междисциплинарными и интернациональными. Источниками изучения были *libri memorialis* – книги памяти – литургические тексты, используемые при богослужении, со списками поминаемых людей (живых и умерших): монахов, членов конвента, благодетелей. К ним относились и *necrologii* – поминальные книги. Для VIII–X вв. все эти книги дали бесценный материал [40, с. 64–110]. По ним изучали родственные связи, но решающим фактором является сознание человека, его ощущения своего родства [39, с. 365–405]. Параллельно изучали практики литургической *memoria* – представления о смерти, общественном статусе умерших – и связанные с ними социальные действия. Расширился круг источников – письма, грамоты, постановления соборов, поэзия, биографическая литература, изображения и памятники архитектуры. *Memoria* была свидетельством особого мышления в правовой, религиозной, хозяйственной жизни, духовной культуре. В результате появилась идея «о нерасторжимом сообществе живых и мертвых» [25]. Программное

значение имеют работы О. Эксле [33, с. 70–96; 34, с. 21–77], где *memoria* – форма отношений живых и мертвых, коллективный феномен. Средневековую *memoria* изучали в религиозном (поминование мертвых) и в социальном (сообщество живых и мертвых) аспектах: называние имени умершего и поминальная трапеза. Называние имени означает память о нем, представление его рядом. Поминование – явление «реального присутствия» отсутствующего человека [2, с. 23].

В поминовании объединены религиозный и социальный аспекты. При поклонении память становится *коммеморацией*. Оба понятия родственны, но сильно отличаются друг от друга. Память – «побочный продукт прошлого опыта», поминование появляется из желания подтвердить единство и общность, укрепляя связи к прошлым событиям благодаря отношениям, которых, возможно, никогда не было. Коммеморация важна для многих религий: Пасха в еврейской традиции, Рождество и Пасха в христианской и др. Коммеморация скрепляет сообщества [18, с. 116]. Практики коммеморации отражают интерес к массовому сознанию. В результате возникла ситуация множественности репрезентаций прошлого. Люди помнят, что важно передать семье, обществу, сохранить в памяти всего народа [5]. По Н. Брагиной, памятная вещь, вызывающая воспоминания, объект личной, коллективной коммеморации, обретает ценность, создавая предпосылки для увековечивания человека, события и пр. Наделение вещи сакральными коннотациями превращает ее в *реликвию* [7, с. 249]. В основе коммеморации лежат два представления: 1) смерть не обрывает существования человека; 2) называние имени равнозначно присутствию отсутствующего. Эти представления вряд ли объяснимы влиянием только христианской литургики и документированы источниками дохристианских представлений. Убежденность, что «быть назван-

ным» и «быть» – одно и то же, – свойственна устным культурам [2, с. 23]. Для таких отношений Эксле ввел понятие *Gegenwart der Toten* – «присутствие», «настоящее» мертвых [34, с. 22]. По Эксле, «воспоминания», «память» в Средневековье были не только восстановлением эмоционального «оживления», но и различных действий, с помощью которых осуществляется это «восстановление в настоящем» поминаемого покойника.

Отношения живых и мертвых – своего рода договор, распространившийся на религиозную практику и сферы жизни. В истории есть введенное М. Моссом понятие *memoria* как «тотального социального феномена» [31]. «Присутствие в настоящем» мертвых значило признание общества, где живые и мертвые есть субъекты отношений в обществах. Началом этого стал обмен дарами, символическими или материальными [19]: дар мертвому молитвы помогал ему на «том» свете; в ответ было заступничество перед Богом, покровительство на «этом». Характер договора *memoria* проявляется в культе святых. Его соседство с обычными людьми в некрологах указывает на их родство. Культ святых вырос из поминовения мертвых, где самым важным было называние имени. Их имена включили в литургику и в календари церковных праздников [2, с. 25].

6. *Частичное возрождение древних религий в новых условиях.* Новым религиям трудно устранить вытесненные, они не полностью удовлетворяют религиозные потребности, поэтому привлекаются элементы древних культов. Общество не извлекает из памяти полузабытые древние религии, делая их составными частями нового культа. Что-то сохраняется вне общества, в его частях, менее подверженных воздействию новой религии, вне «памяти» общества, хранящего то, что включено в нынешние институты. Хальбакс приводит пример «пифагорейских суеверий», внедренных в

определенной группе и ставших оппозицией к официальной религии, но в согласии с верованиями, сохранившимися в местах, с которыми официальная религия вынужденно считалась. Новый культ был и результатом влияния извне: с одной стороны, это не вновь возникает воспоминание о древних верованиях, а вновь утверждаются побежденные и вытесненные сохранившиеся древние верования; с другой стороны, укрепляющие их обстоятельства – те же, при каких они зародились: соприкосновение с народами той же расы, цивилизации, которые обновляют почву и вновь формируют ту же первобытную этническую и нравственную среду [26, с. 224–225].

7. *Противопоставление старых верований новым.* Сохраняя в религиях древние верования, общество делает это не только для удовлетворения отсталых групп людей. Люди должны помнить, откуда они отправлялись; многие *новые идеи* уточняются через противопоставления. Свет олимпийских культов на мир и души был тем ярче, т.к. в природе хранились уголки мрака и тайны, посещаемые чудовищами и духами, а у человека сохранялись страхи, роднившие современных людей с первобытными. У Гомера есть древние поверья со следами культа мертвых: Ахиллу во сне является тень Патрокла, он посвящает ей жертву по типу древних заклятий человеческих жертв. Об этом говорит и нисхождение Улисса в преисподнюю. Чтобы яснее было превосходство уранических сил, нужны воспоминания о древних гигантах, уничтожении или порабощении прежних богов [26, с. 224]. Основатели христианства противопоставляли его иудаизму: новая религия имеет термины Ветхого Завета, толкования пророчеств, которые евреи понимали буквально, а она наполняет их своим духом. Основные тексты христианства говорят об оппозиции фарисеев и христиан, иудаизма и религии Иисуса; христианство – выражение через догматы и обряды нрав-

ственного переворота: торжества религии духовного содержания над формалистическим культом, и религии, не различающей расы/ народы, над религией узконациональной [26, с. 226–227].

Общество чувствует, что новая религия – не абсолютное начало. Проецируя в прошлое выработанные им концепции, оно включает в новую религию элементы старых культов, уверяя своих членов, что они когда-то уже имели эти верования и даже что они просто вспоминают их. Но это удастся лишь тогда, если оно не нападает на все прошлое, а сохраняет его формы. Мифология Гомера находится между религиозными представлениями и литературными вымыслами. Политеизм Гомера тоже был религией. Обращаться с преданиями о богах легкомысленно грекам не давало чувство, что в древних святилищах настоящие боги. Их облик преображался, но нужно было хотя бы временно сохранять их божественную природу [26, с. 227–228]. В то время как память стремится к взаимной согласованности, религиозная переносит нас в иной мир, считает себя вечной и незыблемой, а религиозные акты символизируют вечность и неизменность бесконечным повторением и единообразием [26, с. 233–234].

Итак, любой языческий обряд сопровождался верой в божественных персонажей, которые в определенных местах и в определенные времена присутствовали и совершали свои деяния на земле и чьи жесты, слова и мысли как символы воспроизводились в обрядах. Любое религиозное представление имеет одновременно общий и частный, абстрактный и конкретный, логический и исторический характер. Но в них предполагается существование богов, реальность их речей, жизни, смерти и воскресения. То, что казалось логической истиной, было с самого начала памятью. Религиозная мысль античного язычества – идея, состоящая из конкретных воспоминаний, образов, событий и лиц, локализованных

в пространстве и времени. Религиозные мысли античности – это конкретные образы, придающие обобщенность и императивность идеям, представляющим уникальных лиц и уникальные события.

И сегодняшняя религия – не просто поминовение прошлого, т. к. воскресший Христос присутствует в церкви повсюду и в каждый момент. Церковь старается связывать новые данные о нем с древними, создавать новые традиции. Конечно, они действительно не совсем новые, но люди не сразу видят в них все содержание первого Откровения. Церковь дополняет прежние воспоминания представлениями, которые, хотя и недавние, но тоже являются воспоминаниями, т. е. религиозная память подчинена тем же законам, что и любая коллективная память, – она реконструирует прошлое.

Список литературы

1. Аникин Д.А. Пространство социальной памяти: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2008. 24 с.
2. Арнаутова Ю.Е. MEMORIA: «Тотальный социальный феномен» и объект исследования // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: Кругъ, 2003. С. 19–37.
3. Арнаутова Ю.Е. От Мемогія к «истории памяти» // Одиссей: Человек в истории. М., 2003(а). С. 170–198.
4. Арнаутова Ю.Е. Культура воспоминания и история памяти // История и память. М.: Кругъ, 2006. С. 47–56.
5. Ассман Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 368 с.
6. Бикбов А.Т. Метод и актуальность М. Хальбвакса // М. Хальбвакс. Социальные классы и морфология. М. - СПб.: ИЭС-Алетейя, 2000. С. 463–505.

7. Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М.: Яз. слав. культур, 2007.
8. Высокова В.В. Память как исторический феномен. URL: <http://elar.ufrfu.ru/bitstream/10995/22784/1/iurg-2008-59-31.pdf> (дата обращения: 25.11.2015).
9. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Берн, 1912.
10. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: Тотемическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. М., 2011. С. 175–231.
11. Егорова Т.В., Горшкова Е.С. Социально-педагогические и психологические условия социальной идентификации молодежи // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 1 (21). С. 166–174.
12. Емельянова Т.П. Социальное представление как инструмент коллективной памяти (на примере воспоминаний о Великой Отечественной войне) // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 4. С. 56–66.
13. Зелинский Ф.Ф. Сказочная древность Эллады. М.: Моск. рабочий, 1993.
14. Зенкин С.Н. Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки // Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. С. 7–24.
15. Козолупенко Д.П. Мифопоэтическое мировосприятие. М., 2009. 432 с.
16. Колягина Н. Морис Хальбвакс. Социальные рамки памяти. URL: <http://www.urokiistorii.ru/media/book/halbwachs> (дата обращения: 25.11.2015).
17. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление / Пер. с франц. / Под ред. В.К. Никольского и А.В. Кисина. М.: Атеист, 1930. 339 с.

18. Мегилл А. Историческая эпистемология / Пер. Кукарцевой М., Катаева В., Тимонина В.М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2007. 480 с.
19. Мосс М. Опыт о даре: Форма и основание обмена в архаических обществах // Общества. Обмен. Личность. М.: КДУ, 2011. С. 134–285.
20. Обухов К.Н. Идентификация социального в пространственно-географических структурах «обществ» // Современные исследования социальных проблем. 2013. № 1 (13). С. 28–33.
21. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуман. лит., 2004. 728 с.
22. Романовская Е.В. Феномен памяти: между историей и традицией // Философия и общество. № 1. 2010. С. 98–109.
23. Серов Н.В. Мировая иконика религий // Современные исследования социальных проблем. 2014. № 4.1 (20). С. 463–495.
24. Стаф И. Чужая память? (Ирина Стаф о книге М. Хальбвакса). URL: <http://novizdat.livejournal.com/102250.html> (дата обращения: 25.11.2015).
25. Федорченко Е.Р. Общество как совокупность социальных практик: теоретико-методологический анализ // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 2 (22). С. 5–13.
26. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
27. Шестеркина Н.В. Сущность религиозных верований как часть духовной культуры // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 4 (24). С. 219–243.
28. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М., 1999. 448 с.
29. Gedächtnis, das Gemeinschaft stiftet: Schriftenreihe der Katholischen Akademie der Erzdiözese Freiburg / Hg. v. K. Schmid. München–Zürich, 1985. 107 S.

30. Halbwachs M. La mémoire collective. Paris: Les Presses universitaires de France, 1967. 229 p.
31. Mauss M. Essai sur le don: Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques // *L'Année Sociologique*. Nouvelle série, 1. P., 1925, pp. 30–186.
32. Namer G. Postface // Halbwachs M. Les cadres sociaux de la mémoire. Paris: Albin Michel, 1994.
33. Oexle O.G. Memoria und Memorialüberlieferung im früheren Mittelalter // *Frühmittelalterliche Studien*. 10. 1976. S. 70–95.
34. Oexle O.G. Die Gegenwart der Toten // *Death in the Middle Age (Mediaevalia Lovaniensia*. Ser. 1, St. 9). Leuven, 1983, pp. 19–77.
35. Paez D., Basade N., Gonzales J. Social processes and collective memory: a cross-cultural approach to remembering political events // *Collective memory of political events*. Mahwah (N.J.): Lawrence Erlbaum Associates, 1997, pp. 147–174.
36. Piganiol A. Essai sur l'origine de Rome. Paris: Ed. de Boccard, 1917. 110 p.
37. Ridgeway W. *Early Age of Greece*. v. 1. London, 1901. 710 p.
38. Rimé B. How Individual Emotional Episodes Feed Collective Memory / B. Rimé, V. Christophe // *Collective memory of political events: Social psychological perspectives*. Mahwah (N.J.): Lawrence Erlbaum Associates, 1997, pp. 131–146.
39. Schmid K., Wollasch J. Die Gemeinschaft der Lebenden und Verstorbenen in Zeugnissen des Mittelalters // *Frühmittelalterliche Studien: Jahrbuch des Instituts für Frühmittelalterforschung der Universität Münster*. 1967. Bd. 1. S. 365–405.
40. Tellenbach G. Der Liber memorialis von Remiremont: Zur kirchlichen Erforschung und zum Quellenwert liturgischen Gedenkbücher // *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 1969. Hft. 25. S. 64–110.

41. Usener H. Götternamen. Bonn: Verlag von Friedrich Kohen, 1896. 391 S.
42. Warburg A.M. Ausgewählte Schriften und Würdigungen / Hg. v. D. Wuttke. 3. Aufl. Baden-Baden, 1992. 263 S.

References

1. Anikin D.A. *Prostranstvo social'noy pamyani* [Social memory space]. Saratov, 2008. 24 p.
2. Arnautova Ū.E. *Obrazi prošlogo i kollektivnaya identičnost' v Evrope do načala Novogo vremeni* [Images of the past and collective identity in Europe prior to the beginning of modern times]. M.: Krug, 2003, pp. 19–37.
3. Arnautova Ū.E. *Odissey: Čelovek v istorii* [Odyssey: A man in history]. M., 2003(a), pp. 170–198.
4. Arnautova Ū.E. *Istoriya i pamyat': Istoričeskaya kul'tura Evropi do načala novogo vremeni* [History and Memory]. M.: Krug, pp. 47–56.
5. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo i pamyat' o prošlom i političeskaya identičnost' v visokikh kul'turakh drevnosti* [Culture memory Letter and the memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. M.: Yazyki slavyanskoy kul'turi, 2004.
6. Bikbov A.T. *Khal'bvaks M. Sozial'niye klassi i morfologiya* [M. Halbwachs. Social classes and morphology]. M. SPb.: IES-Aleteya, 2000, pp. 463–505.
7. Bragina N.G. *Pamyat' v yazike i kul'ture* [Memory in language and culture]. M., 2007. 520 p.
8. Vysokova V.V. *Pamyat' kak istoričeskij fenomen* [Memory as a historical phenomenon]. <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/22784/1/iurg-2008-59-31.pdf>
9. Dûrkgeym E. *Elementarniye formi religioznoj žizni* [The Elementary Forms of Religious Life]. Bern, 1912. 410 p.
10. Dûrkgeym E. *Mistika. Religiya. Nauka* [Mystic. Religion. Science]. M., 2011, pp. 175–231.

11. Egorova T.V., Gorškova E.S. *Sovremenniyе issledovaniya social'nikh problem*. 2015. № 1 (21), pp. 166–174.
12. Emel'yanova T. P. *Psikhologičeskij žurnal*. 2002. V. 23. № 4, pp. 56–66.
13. Zelinskiy F. *Skazočnaya drevnost' Ellady* [Fabulous ancient Greece]. M.: Moskv. Rabochiy, 1993.
14. Zenkin S.N. *Khal'bvaks M. Sozial'niye ramki pamyati* [M. Halbwachs social frameworks of memory]. M.: Novoye izdanel'stvo, 2007, pp. 7–24.
15. Kozolupenko D.P. *Mifopoetičeskoye mirovospriyatiye* [Mifopoeticheskogo worldview]. M., 2009. 432 p.
16. Kolyagina N. *Moris Khal'bvaks. Social'niye ramki pamyati* [Maurice Halbwachs. The social frameworks of memory]. 2009. <http://www.urokiistorii.ru/media/book/halbwachs>
17. Levi-Brûl' L. *Pervobytnoye myšleniye* [Primitive Thinking]. M.: Ateist, 1930. 339 p.
18. Megill A. *Istoričeskaya epistemologiya* [Historical Epistemology]. M.: Kanon, 2007. 480 p.
19. Moss M. *Obšestva. Obmen. Ličnost'* [Company. Exchange. Personality]. M.: KDU. 2011, pp. 134–285.
20. Obukhov K.N. *Sovremenniyе issledovaniya social'nikh problem*. 2013. № 1 (13), pp. 28–33.
21. Rikyer P. *Pamyat', istoriya, zabveniye* [Memory, history, oblivion]. M.: Izd-vo guman. lit., 2004. 728 p.
22. Romanovskaya E.V. *Filosofiya i obšestvo*. № 1. 2010, pp. 98–109.
23. Serov N.V. *Sovremenniyе issledovaniya social'nikh problem*. 2014. № 4.1 (20), pp. 463–495.
24. Staf I. *Otečestvenniye zapiski*. 2008. № 4(43). URL: <http://novizdat.livejournal.com/102250.html>
25. Fedorčenko E.R. *Sovremenniyе issledovaniya social'nikh problem*. 2015. № 2 (22), pp. 5–13.

26. Khal'bvaks M. *Sozial'niye ramki pamyati* [The social frameworks of memory]. M., 2007. 348 p.
27. Šesterkina N.V. *Sovremenniyе issledovaniya social'nykh problem*. 2015. №4(24), pp. 219–243.
28. Šikhirev P.N. *Sovremennaya sozial'naya psikhologiya* [Contemporary social psychology]. M., 1999. 48 p.
29. Gedächtnis, das Gemeinschaft stiftet: Schriftenreihe der Katholischen Akademie der Erzdiözese Freiburg / Hg. v. K. Schmid. München–Zürich, 1985. 107 S.
30. Halbwachs M. *La mémoire collective*. Paris: Les Presses universitaires de France, 1967. 229 p.
31. Mauss M. Essai sur le don: Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques. *L'Année Sociologique. Nouvelle série*, 1. P., 1925, pp. 30–186.
32. Namer G. Postface. *Halbwachs M. Les cadres sociaux de la mémoire*. Paris: Albin Michel, 1994.
33. Oexle O.G. Memoria und Memorialüberlieferung im früheren Mittelalter. *Frühmittelalterliche Studien*. 10. 1976. S. 70–95.
34. Oexle O.G. Die Gegenwart der Toten. *Death in the Middle Age (Mediævalia Lovaniensia. Ser. I, St. 9)*. Leuven, 1983, pp. 19–77.
35. Paez D., Basade N., Gonzales J. Social processes and collective memory: a cross-cultural approach to remembering political events. *Collective memory of political events*. Mahwah (N.J.): Lawrence Erlbaum Associates, 1997, pp. 147–174.
36. Piganiol A. Essai sur l'origine de Rome. Paris: Ed. de Boccard, 1917. 110 p.
37. Ridgeway W. *Early Age of Greece*. v. 1. London, 1901. 710 p.
38. Rimé B. How Individual Emotional Episodes Feed Collective Memory / B. Rimé, V. Christophe. *Collective memory of political events: Social psychological perspectives*. Mahwah (N.J.): Lawrence Erlbaum Associates, 1997, pp. 131–146.

39. Schmid K., Wollasch J. Die Gemeinschaft der Lebenden und Verstorbenen in Zeugnissen des Mittelalters. *Frühmittelalterliche Studien: Jahrbuch des Instituts für Frühmittelalterforschung der Universität Münster*. 1967. Bd. 1. S. 365–405.
40. Tellenbach G. Der Liber memorialis von Remiremont: Zur kirchlichen Erforschung und zum Quellenwert liturgischen Gedenkbücher. *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters*. 1969. Hft. 25. S. 64–110.
41. Usener H. Götternamen. Bonn: Verlag von Friedrich Kohn, 1896. 391 S.
42. Warburg A.M. Ausgewählte Schriften und Würdigungen / Hg. v. D. Wuttke. 3. Aufl. Baden-Baden, 1992. 263 S.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Шестеркина Наталья Викторовна, доцент факультета иностранных языков, кандидат филологических наук
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
ул. Большевикская, 68, г. Саранск, Республика Мордовия,
430000, Российская Федерация
nvshest@mail.ru
SPIN-код: 8504-4539

DATA ABOUT THE AUTHOR

Shesterkina Natalya Viktorovna, Associate Professor, Candidate of Philology
National Research Mordovian State University
68, Bol'shevistskaya Str., Saransk, 430000, Russian Federation
nvshest@mail.ru
SPIN-code: 8504-4539

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-1-209-228

УДК 37.01

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ

Шпалова Е.В.

Статья посвящена экспликации религиозной культуры как элемента общей культуры личности. Цель работы – определение сущности и структуры религиозной культуры личности в контексте общей культуры личности и духовности как высшего качества этой культуры.

В качестве методологической основы используется деятельностная концепция культуры, дополненная аксиологической, или ценностной концепцией. Применительно к отдельной личности, автор рассматривает ее индивидуальную культуру как способ социальной жизнедеятельности личности и ее ценностных ориентаций, определяющих этот способ.

В результате исследования установлено, что основу религиозной культуры личности составляют духовность и религиозность, как особая форма духовности. Духовность рассматривается как гуманистическое сознание и ценностные ориентации личности, реализующиеся в ее практическом поведении. Духовность т.о. предполагает цельность личности, единство гуманистического сознания и поведения. Религиозность является формой духовности, которая основывает гуманистические идеалы и ценности на вере в абсолютную, сверхъестественную высшую сущность – Бога. В структуре религиозной культуры личности автор выделяет 1. религиозное сознание (комплекс религиозных представлений и эмоциональных переживаний), 2. религиозные ценностные ори-

ентации (система мировоззренческих ценностей и поведенческих установок) и 3. религиозное поведение (система деятельности личности, обусловленной религиозным сознанием и религиозными ценностными ориентациями).

Опираясь на определение религиозной культуры личности, автор дает характеристику типов религиозности.

Ключевые слова: религиозная культура; религиозное сознание; религиозная деятельность; духовность личности.

RELIGIOUS CULTURE OF PERSON

Shpalova E.V.

The article is devoted to the explication of religious culture as an element of the general culture of the person. Purpose - to determine the nature and the structure of the religious culture identity in the context of the general culture of personality and spirituality as the highest quality of this culture.

As a methodological basis is used activity concept of the culture, supplemented axiological or value concept. With regard to the individual, the author examines its individual culture as a way of social activity of the person and its value orientations that define this method.

The study found that the basis of the religious culture of the individual constitute the spirituality and religiosity, as a special form of spirituality. Spirituality is seen as a humanistic consciousness and value orientations of a person that are realized in its practical behavior. Spirituality thus suggests integrity of the person, the unity of humanistic consciousness and behavior. Religiosity is a form of spirituality, which establishes the humanistic ideals and values on the belief in the absolute, supernatural supreme being - God. The religious culture of the

personality structure of the author identifies: 1. religious consciousness (a complex of religious ideas and emotional experiences), 2. religious value orientation (ideological system of values and behavioral attitudes) and 3. religious behavior (the system of the individual activities, due to the religious consciousness and religious value orientations).

Based on the definition of the religious culture of the individual, the author gives a description of types of religiosity.

Keywords: *religious culture; religious consciousness; religious activities; spiritual identity.*

Современное состояние общества, характеризующееся всё нарастающими явлениями бездуховности, основанными на гипертрофии таких личностных черт, как эгоизм, жестокость, нетерпимость, равнодушие, стяжательство, указывает на необходимость всестороннего анализа духовности современного человека с учётом её противоречивого характера, вызванного, в первую очередь, изменением ценностных ориентаций личности [11].

Многие опаснейшие недуги социальной жизни – преступность, аморализм, проституция, алкоголизм, наркомания и прочие – объясняются, прежде всего, массовым распространением бездуховности в российском обществе, вызывающем серьёзную тревогу и прогрессирующим из года в год. Поиск путей преодоления этих социальных пороков выдвигает проблему духовности в центр гуманитарного знания. Немаловажным является тот факт, что Россия всегда считалась (вспомним русских классиков) средоточием, воплощением истинной духовности и в этом смысле противопоставлялась сытому, мещанскому западному миру. Поэтому утрата духовности в современном российском обществе может быть расценена в известной степени как утрата самобытности, уникальности российской культуры [6].

Что же может послужить неким заслоном, противоядием против деструктивной для личности и общества «болезни бездуховности», поражающей наше общество? В поисках культурных институтов, занимающихся формированием, сохранением и трансляцией духовности, мы неизбежно обращаемся к религии. Отсюда идет формулировка общей проблемы нашей работы. Какую роль в решении проблемы бездуховности может играть религия, и, в особенности, религиозная культура личности?

Исходя из данной постановки проблемы, можно сформулировать нашу главную цель – определение сущности и структуры религиозной культуры личности в контексте общей культуры личности и духовности как высшего качества этой культуры.

Сущность религиозной культуры личности невозможно определить, не решив целый ряд задач: 1. установить авторскую интерпретацию таких многозначных понятий, как культура, религия и духовность, 2. определить соотношение данных понятий в контексте цели исследования. Кроме того, необходимо определиться с собственными ценностными позициями или поскольку при анализе сущности религиозной культуры существует ценностно обусловленный плюрализм подходов.

В контексте нашего исследования в качестве методологической основы может быть использована деятельностная концепция культуры, дополненная аксиологической, или ценностной концепцией. Применительно к отдельной личности, мы рассматриваем ее индивидуальную культуру как способ социальной жизнедеятельности личности и ее ценностных ориентацией, определяющих этот способ. Культура личности есть целостность её природных, и социальных характеристик, базирующихся на её включенности в творческую созидательную деятельность, на её гуманистическом отношении к миру, на наличии в личности нравственно-регулиру-

ющей рефлексии, развитой инкультурированности и социализации, образованности, воспитанности и духовности, нацеленности на высшие смыслы существования.

Культура личности в целом представляет собой совокупность социокультурных норм и ценностей, которыми человек руководствуется в процессе своей практической деятельности, реализуя свои потребности и интересы [10]. Культура личности – это также комплекс знаний, способностей, привычек, способов достижения целей, ценностных ориентаций, позволяющий личности жить в гармонии с общечеловеческой и национальной культурой, обеспечивая своё личностное развитие и способствуя развитию общества. Поэтому, безусловно, очень важно гармоничное сочетание всех элементов, составляющих систему «культура личности» [7, с. 134–136].

Поскольку культурное пространство, созданное человечеством, включает различные сферы: образование, воспитание, мораль, религию, законы, искусство, политику и т.д., а также, поскольку личность реализует себя во всех существующих формах и сферах социальной деятельности и социальных отношений, постольку индивидуальная культура личности может быть разделена на множество составляющих частей. Важнейшими составляющими общей культуры личности следует считать нравственную, правовую, политическую, религиозную, экологическую, эстетическую, коммуникативную, профессиональную культуру и др. Характеризуя культуру личности, мы должны избегать примитивного подхода, который состоит в том, чтобы разделив цельность личности, разбить на фрагментированные сектора и ее культуру. При этом религиозная культура тогда выступает как частный сектор. Причем у атеистов она может просто отсутствовать. Культура личности на самом деле есть единство ее деятельности, способ и форма

ее реализации в определенной социокультурной деятельности в конкретной социальной среде. В гармонично развитой личности необходимо целостное сочетание всех перечисленных составляющих, связанных с понятием «культура личности».

Поскольку нас интересует религиозная культура личности, необходимо определиться с контекстом термина «религия» или «религиозность». Здесь, на наш взгляд, важно преодолеть противостояние богословского и атеистического понимания религии на основе объективного научного подхода, который рассматривает религию как специфическую и крайне важную сферу духовной жизни личности раскрыть, связанную не только с верой в сверхъестественное и удвоением мира на материальный и духовный, но и с духовной фундаментализацией высших социокультурных ценностей на основе веры в абсолютную духовную сущность. Несмотря на все успехи науки и техники религия, вопреки ожиданиям и предсказаниям адептов научно-технического и социального прогресса, религия не исчезла из духовного арсенала человечества и отдельной личности. Это связано, на наш взгляд, с тем, что религиозность коренится в самой природе человека, в фундаментальных потребностях личности в вере в высшие, абсолютные ценности, в необходимости духовной, психологической компенсации актуальной ограниченности способностей и возможностей человека и неизбежно связанных с этой ограниченностью страданий.

То.о. понятие религии и религиозной культуры личности невозможно раскрыть без такой качественной характеристики как духовность. В широком смысле слова духовность рассматривают как всю совокупность проявлений сознания в мире и в человеке. Однако, такой подход вряд ли позволит прояснить специфику религиозной культуры личности. В этом плане более конструктивным нам представляется подход, рассматривающий духовность в связи

с определенным комплексом высших гуманистических социокультурных ценностей и качеств общества и человека.

В теоретическом плане духовность можно обозначить как систему смысловых ценностей бытия, освоенную и принятую человеком, группой, народом. Множественность трактовок в различных научных направлениях приводит к множественности дефиниций понятия «духовность», ее признаков и структурных компонентов. В связи с этим духовность рассматривается с нескольких сторон: во-первых, как важнейший ресурс, позволяющий человеку организовать свои действия и поведение в соответствии со своей системой ценностных ориентаций и выстраивать позитивные взаимоотношения с обществом, другими людьми и с самим собой на высоком уровне морали и нравственности; во-вторых, как высший уровень развития личности на уровне субъекта, творца своей жизни, при котором человеческое поведение мотивируется высшими общечеловеческими ценностями, а активность личности направляется на удовлетворение духовных потребностей [20].

Применительно к индивидуальной культуре личности можно определить духовность как гуманистическое сознание и ценностные ориентации личности, реализующиеся в ее практическом поведении. Духовность т.о. предполагает цельность личности, единство гуманистического сознания и поведения. Важными характеристиками культуры гуманистической, гармонично развитой личности являются развитое самосознание, образованность, духовность, интеллигентность, тактичность. Надо отметить, что в становлении культуры личности роль тактичности велика, т.к. она выражается в этикете, а также в совпадении внешнего и внутреннего аспектов общения [9].

Каким же образом связаны духовность, культура и религия? Возможна ли культура без религии и наоборот? Как они взаимодействуют в индивидуальной культуре личности?

По нашему мнению, религия – это душа культуры и фундамент духовности. Без нее остается пустая форма, которую уже нельзя назвать культурой в истинном и высшем ее смысле. Религиозная сублимация гуманистического идеала – необходимое условие его сохранения и утверждения как абсолютной, а не исторически переходящей или субъективно выборной ценности. Вот чего не замечают атеисты. Освобождая личность от религии, они т.о. освобождают ее и от духовности и от культуры.

Религиозная культура есть высшая интегративная сущность культуры личности. Ее структура формально может быть разделена на три части: сознание, деятельность, ценностные ориентации. Но это может быть сделано только в абстрактном теоретическом анализе. В реальности эти элементы сложно опосредуют друг друга.

Для характеристики религиозной культуры личности ключевую роль играет ее качество: степень превращения духовности в личные убеждения и степень реализации духовности в деятельности личности на практике. Антитезой религиозной культуры является религиозный индифферентизм или абсентизм. Извращенными формами религиозной культуры являются религиозный фанатизм и воинствующий, агрессивный атеизм.

Разберем подробнее «религиозность» как характеристику религиозной культуры личности. Под «религиозностью» в зарубежных и отечественных психологических и религиоведческих исследованиях понимают:

1. воздействие религии на поведение и сознание отдельных индивидов и социальных демографических групп [14, с. 127];
2. определенное состояние отдельных групп, общностей, людей, которые поклоняются и верят сверхъестественному, привержены к религии и принимают её вероучения и предписания [13, с. 293];

3. качество индивида и группы, выражающееся в совокупности религиозных свойств сознания, поведения и отношений [22, с. 133];

4. «целостное отношение человека к миру, пронизанное эмоциональным и оценочным восприятием явлений как природного, так и социального уровней, восприятием через универсальную призму сверхъестественного» [18, с. 17];

5. определённый вид отношения человека к миру в форме чувственной «уверенности», которая основана на чувствах и эмоциональных переживаниях индивида, получаемых им через религиозный мистический опыт (исповеди, молитвы, переживание «обращения» и т. д.) и понимания существования высших сил [2, с. 98];

6. ощущение того, что наш мир есть часть чего-то большего, сверхъестественного, где осознаются и осуществляются высшие цели существования человека [1, с. 152];

7. психологически, культурно, социально детерминированное явление, без которого не может существовать общество, возникшие в результате отказа от влечений, институционализированных через табу и тотем и осознания бессмысленности убийства отца и т. д. [19].

Рассмотренные нами определения позволяют трактовать понятие религиозной личности, как субъекта социальных отношений и сознательной деятельности, наделённого мировоззрением, выражающим совокупность религиозных свойств поведения, сознания и отношений [21].

Однако, данное определение религиозности нуждается в уточнении, связанном с различными типами и формами религиозности. Проблема классификации типов религиозности верующих людей в отечественной литературе долгое время рассматривалась и продолжает рассматриваться до сих пор, прежде всего, в рамках социологических исследований. Это связано с тем, что вера и

религиозность в советском периоде официально не поощрялись, а верующие люди подвергались гонениям. Поэтому в работах советских учёных-религиоведов общие теоретические положения по этому вопросу были практически не подкреплены эмпирическими исследованиями.

В современный период развития отечественной науки появились различные классификации типов религиозности. Так типология мировоззренческих групп людей, основанная на их отношении к религии и атеизму, предложенная Н.А. Мельниковой [5, с. 64], представлена шестью типами людей: глубоко верующие (проявление религиозности реализуется в поведении); верующие (вера слабо реализуется в поведении); колеблющиеся (характерно колебание между неверием и верой и элементы религиозного поведения); индифферентные к религии люди (характерно и отсутствие веры, и отсутствие ярких атеистических убеждений, религиозное поведение практически отсутствует); пассивные атеисты (проявляются неосознанные атеистические убеждения, религиозное поведение отсутствует, но и атеистические взгляды слабо реализуются в поведении); активные атеисты (присутствуют глубокие атеистические убеждения, реализуемые в поведении). При этом религиозная личность может быть выражена в таких типах, как мистик, пророк, священнослужитель, реформатор, монах, основоположник религии и др.

В типологии, основанной на оценке критериев социальной ориентации и условий формирования религиозности, в ходе эмпирических исследований Э.В. Протасовым были выделены два типа личности верующих с позитивным и негативным социальным восприятием. На основе критерия условий формирования религиозности было также выявлено два типа религиозной личности: религиозные с детства (это люди, которые относятся к религии как к чему-то привычному и устоявшемуся, а значительная часть – не

имеет твёрдых убеждений по поводу истинности религиозных догматов) и пришедшие к религии в результате «обращения» (верующие, выросшие в безрелигиозной среде, пришли к религии в юности или в зрелом возрасте, как правило, в результате жизненного кризиса, в поисках выхода из него) [21].

В типологии, основанной на содержании религиозного сознания в сочетании с типом религиозного поведения в рамках общей системы социальной деятельности индивида, И.Н. Яблоков выделил четыре типа верующих [22, с. 111–112]:

1. верующие, определяющей жизненной ориентацией у которых является религиозная ориентация убеждены и в других догматах, существенных для религии, их нравственное сознание находится под влиянием религии и они играют активную роль в религиозной группе;

2. верующие, религиозная ориентация у которых является важной, но не определяющей, веря в Бога, не убеждены в некоторых других существенных догматах, их нравственное сознание лишь в какой-то степени находится под влиянием религии, а в религиозной группе верующие не играют активной роли;

3. верующие, религиозная ориентация у которых является подчинённой утратили другие существенные элементы религиозной веры, сохраняя веру в Бога. Для них характерно освобождение нравственного сознания от влияния религии, нерегулярное участие в культовых действиях и отсутствие сознательного участия в распространении религиозных взглядов;

4. колеблющиеся люди между верой и неверием не уверены в существовании Бога, в истинности тех религиозных догматов, которые предлагает церковь, они редко совершают культовые действия, у них нет постоянных связей с религиозной группой, и они не являются распространителями религиозных взглядов.

Данные классификации типов верующих, на наш взгляд, можно дополнить классификацией, основанной на двух критериях религиозности: 1.наличии у личности подлинно гуманистических идеалов, 2.фундаментализации этих идеалов в сознании и психике личности на вере в абсолютную, сверхъестественную высшую сущность – Бога.

Подлинная религиозность предполагает наличие обоих качеств у личности. Беспочвенная религиозность предполагает наличие гуманистических идеалов, но отсутствие фундаментализации их на вере. Дегуманистическая религиозность представлена сочетание антигуманных идеалов и их религиозной фундаментализации. Безрелигиозность предполагает отсутствие обеих признаков.

Рассмотренные нами классификации типов верующих личностей, показывают, что, для определения того или иного типа религиозной личности, требуется использовать целый комплекс критериев: отношение к религии и атеизму; религиозный возраст и уровень развития мышления (религиозная вера, религиозные догматы, которые признают люди); религиозная информированность (знание и понимание основных положений вероучения); религиозный опыт (познание и самопознание Бога); религиозная мотивация социального поведения; воздействие религии на поведение человека; религиозные цели (направленность личности, задачи и социальные установки личности, определяющие характер и выраженность религиозности); религиозный стаж; и воздействие личностных характеристик индивида на восприятие религиозных идей (преобладание тех или иных защитных механизмов, ригидность мышления, конформизм и др.) [21].

Данные критерии характеризуют определенное качество религиозной культуры личности. Но какова ее структура. Очевидно, что понятие религиозной культуры личности может быть выведе-

но на основе структуры религии, или религиозной культуры общества, поскольку они друг друга опосредуют.

Религиозная культура общества – это культурная система, возникшая и развившаяся под определяющим влиянием той или иной религии (конфессии) и «обслуживающая» сакральное отношение последней. Идеальный тип религиозной культуры характеризуется в структурном отношении строго иерархической (пирамидальной) архитектуроникой, а в содержательном отношении сложным двухуровневым строением, предполагающим сочетание «сверхчувственного» и «чувственного» социально-когнитивного содержания» [4].

В структуре религиозной культуры выделяются религиозное сознание, отношения, институты и организации и соответствующая деятельность. Последняя представляет собой «движущий», «беспокойный» компонент. Следует различать нерелигиозную и религиозную деятельность религиозных индивидов, групп, институтов и организаций. Нерелигиозная деятельность осуществляется в нерелигиозных областях: экономическая, производственная, профессиональная (в различных сферах разделения труда), политическая, государственная, художественная, научная. Она может быть религиозно окрашена, в качестве одного из ее мотивов может выступать религиозный мотив.

Религиозная деятельность занимает своеобразное место в системе общественной деятельности, она может быть *внекультовой* и *культовой*, важнейшим элементом которой является *культ*, содержание которого определяется соответствующими религиозными представлениями, идеями, догматами. Религиозное сознание предстает в культе, прежде всего, в виде культового текста, к которому относятся тексты Священного Писания, Священного Предания, молитв, псалмов, песнопений и др.

Индивидуальная религиозная культура, основанная на соответствующей системе ценностей и идеалов, которая проявляется в исполнении религиозных предписаний, норм поведения, отправлении религиозных культов и ритуалов, как правило, конечной целью признает индивидуальное моральное совершенствование. Религиозная культура личности является сложным психологическим комплексом, включающим в себя три основных компонента: 1. религиозное сознание (комплекс религиозных представлений и эмоциональных переживаний), 2. религиозные ценностные ориентации (система мировоззренческих ценностей и поведенческих установок) и 3. религиозное поведение (система деятельности личности, обусловленной религиозным сознанием и религиозными ценностными ориентациями).

Исходя из всего вышесказанного мы можем заключить, что религиозная культура – одна из основных разновидностей духовной культуры человечества, совокупность ценностей, норм, идеалов, образов и значений, характеризующих каждую из мировых религий. В основе религиозной культуры лежит комплекс верований, которые регулируют самые различные виды жизнедеятельности людей, их поведение и внутренние духовные процессы.

Несмотря на существенные различия между отдельными мировыми религиями и религиозными направлениями, можно говорить о некоторых общих доминантах исторического развития религиозной культуры. Прежде всего, религиозная культура отличается установлением универсальных критериев поведения человека и жизни общества. Одновременно, при общей направленности и ориентации на Бога или на сверхприродные сущности, она обращена к межличностным отношениям, а ее организующая роль связана с внедрением целого ряда этических норм. Поэтому, утверждая через институт церкви идеи долга, веры, сострадания, божествен-

ного знания, озарения и спасения, религиозная культура в равной степени обращена к обыденному существованию, к повседневной жизни и духовному миру всех без исключения людей независимо от их сословия, ранга, национальности или имущественного положения. В религиозной культуре находят поддержку и развитие принципы гуманизма.

По отношению к человеку религиозная культура всегда носила двойственный характер: с одной стороны, она утверждала уход от обыденного мира, а с другой – объективно способствовала его принятию путем познания его высшей сущности или его совершенствования и преобразования. На протяжении длительного времени, а точнее, вплоть до установления господствующего положения светской культуры в капиталистическую эпоху Нового времени, религиозная культура оставалась одной из важнейших форм социальной и духовной жизни простых людей, что характерно для некоторых регионов мира (например, Ближний Восток) и по сей день.

Поэтому религиозная культура является важнейшим средством ориентации человека в мире на основе идеальных представлений о его строении и поведении людей. В истории человечества религиозная культура стала одним из важнейших социальных институтов, который непосредственно воплощает присутствие божественных или высших духовных начал на земле и одновременно выполняет практические организационные функции [16].

Выводы

Духовность и культура неразрывно связаны с религиозностью, понимаемой как фундаментализация гуманистических ценностей и ценностных ориентаций личности на вере в абсолютное духовное существо. Соответственно основным критериям религиозности можно выделить различные ее различные типы: подлинная

религиозность, беспочвенная религиозность, дегуманистическая религиозность представлена сочетание антигуманных идеалов и их религиозной фундаментализации.

Феноменологически религиозность проявляется в религиозной культуре личности, которая представляет собой систему, включающую в себя религиозное сознание, религиозные ценностные ориентации и религиозное поведение.

Обобщив все вышесказанное можно сказать, что религиозная культура личности – одна из основных, или базовых разновидностей духовной культуры человечества, которая регулируют самые различные виды жизнедеятельности людей, их поведение и внутренние духовные процессы, что так необходимо нашему обществу на современном этапе развития и духовного кризиса человечества.

Список литературы

1. Вундт В. Проблемы психологии народов. СПб.: Питер, 2001.
2. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М.: Наука, 1993.
3. Краткий психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Ростов н/Д.: Феникс, 1998.
4. Лебедев С. Философский глоссарий, 2002. URL: <http://terme.ru/dictionary/190/word/religioznaja-kultura> (дата обращения: 31.01.2016).
5. Мельникова Н.А. Социальная психология. М.: Аллель-2000, 2005. 64 с.
6. Мухамеджанова Н.М. Формирование духовности как задача образования. http://bank.orenipk.ru/Text/t13_327.htm (дата обращения: 31.01.2016).
7. Поломошнов А.Ф. Культурология: курс лекций /А.Ф. Поломошнов, Т.В. Хоменко, Е.Е. Пойда, Н.Н. Колосова; отв. ред. А.Ф. Поломошнов. п. Персиановский: Изд-во ДонГАУ, 2011. 168 с.

8. Поломошнов А.Ф. История религии: курс лекций / А.Ф. Поломошнов, Т.В. Хоменко, А.Д. Денисов, П.А. Поломошнов, М.С. Леонова, О.В. Пимонова; отв. ред. А.Ф. Поломошнов. п. Персиановский: Изд-во ДонГАУ, 2009. 285 с.
9. Поломошнов А.Ф. Краткий курс житейской мудрости / А.Ф. Поломошнов. п. Персиановский: Изд-во ДонГАУ, 2009. 272 с.
10. Поломошнов А.Ф. Творчество и гуманизм: альтернативные концепции / А.Ф. Поломошнов, П.А. Поломошнов // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2014. № 3 (13). С. 124–136.
11. Поломошнов А.Ф. Проблема творчества и постмодернистский кризис культуры / А.Ф. Поломошнов, П.А. Поломошнов // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 695.
12. Попов В.Я. Становление духовности личности. <http://www.dslib.net/soc-filosofia/stanovlenie-duhovnosti-lichnosti.html> (дата обращения: 31.01. 2016).
13. Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Прометей; Юрайт-М, 2001.
14. Угринович Д.М. Введение в религиоведение. 2-е изд., доп. М.: Мысль, 1985.
15. Угринович Д.М. Психология религии. М.: Политиздат, 1986. 352 с.
16. Федоров А.А. Введение в теорию и историю культуры. Словарь. <http://terme.ru/dictionary/1019380/word/religioznaja-kultura> (дата обращения: 31.01.2016).
17. «Философия». «Религия». Религиозная культура. <http://www.Grandars.ru/college/filosofiya/religioznaya-kultura.html> (дата обращения: 31.01.2016).
18. Финк Р.А. Религиоведение: учеб. пособие. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2009.
19. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1992. С. 17–64.

20. Чхиквадзе Т.В. Духовность личности: сущностные признаки, структура и особенности проявления у студентов. <http://www.dissects.com/content/dukhovnost-lichnosti-sushchnostnye-priznaki-struktura-i-osobennosti-proyavleniya-u-studentov#ixzz3yolkeN9o> (дата обращения 31.01.2016).
21. Шмелев И.М. Понятие «Религиозная личность» и классификации типов верующих людей в зарубежной и отечественной психологии. http://www.sociosfera.com/publication/conference/2012/151/ponyatie_religioznaya_lichnost_i_klassifikacii_tipov_veruyuwih_lyudej_v_zarubezhnoj_i_otechestvennoj_psihologii/ (дата обращения: 31.01.2016).
22. Яблоков И.Н. Методологические проблемы социологии религии. М.: МГУ, 1972. 133 с.

References

1. Vundt V. *Problemy psikhologii narodov* [Problems of the psychology of nations]. SPb.: Piter, 2001.
2. Dzheyms U. *Mnogoobrazie religioznogo opyta* [Varieties of Religious Experience]. М.: Nauka, 1993.
3. *Kratkiy psikhologicheskij slovar'* [Short psychological dictionary] / A.V. Petrovsky, M.G. Yaroshevsky (ed.). Rostov n/D.: Feniks, 1998.
4. Lebedev S. *Filosofskiy glossariy, 2002*. [Philosophical glossary]. <http://terme.ru/dictionary/190/word/religioznaja-kultura>
5. Mel'nikova N.A. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. М.: Allet-2000, 2005. 64 p.
6. Mukhamedzhanova N.M. *Formirovanie dukhovnosti kak zadacha obrazovaniya* [Formation of spirituality as a problem of education]. http://bank.orenipk.ru/Text/t13_327.htm
7. Polomoshnov A.F. *Kul'turologiya: kurs lektsiy* [Cultural Studies: lectures] / A.F. Polomoshnov, T.V. Khomenko, E.E. Poyda, N.N. Kolosova; A.F. Polomoshnov (ed.). Persianovskiy: Izd-vo DonGAU, 2011. 168 p.

8. Polomoshnov A.F. *Istoriya religii: kurs lektsiy* [The history of religion: a course of lectures] / A.F. Polomoshnov, T.V. Khomenko, A.D. Denisov, P.A. Polomoshnov, M.S. Leonova, O.V. Pimonova; A.F. Polomoshnov (ed.). Persianovskiy: Izd-vo DonGAU, 2009. 285 p.
9. Polomoshnov A.F. *Kratkiy kurs zhiteyskoy mudrosti* [A short course of worldly wisdom]. Persianovskiy: Izd-vo DonGAU, 2009. 272 p.
10. Polomoshnov A.F., Polomoshnov P.A. Tvorchestvo i gumanizm: al'ternativnye kontseptsii [Creativity and Humanity: Alternative Approaches]. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 2014. № 3 (13), pp. 124–136.
11. Polomoshnov A.F., Polomoshnov P.A. Problema tvorchestva i postmodernistskiy krizis kul'tury [Problem of creativity and post-modern culture crisis]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. 2014. № 5. p. 695.
12. Popov V.Ya. Stanovlenie dukhovnosti lichnosti. [Becoming a person of spirituality]. <http://www.dslib.net/soc-filosofia/stanovlenie-duhovnosti-lichnosti.html>
13. Toshchenko Zh.T. *Sotsiologiya. Obshchiy kurs* [Sociology. guideline]. M.: Prometey; Yurayt-M, 2001.
14. Ugrinovich D.M. *Vvedenie v religiovedenie* [Introduction to Religious Studies]. M.: Mysl', 1985.
15. Ugrinovich D.M. *Psikhologiya religii* [Psychology of religion]. M.: Politizdat, 1986. 352 p.
16. Fedorov A.A. *Vvedenie v teoriyu i istoriyu kul'tury. Slovar'* [Introduction to the theory and history of culture. Dictionary]. <http://terme.ru/dictionary/1019380/word/religioznaja-kultura>
17. «Filosofiya». «Religiya». Religioznaya kultura [«Philosophy», «Religion», «Religious Culture»]. <http://www.Grandars.ru/college/filosofiya/religioznaya-kultura.html>
18. Fink R.A. *Religiovedenie* [Religious Studies. benefit]. Omsk: Izd-vo OmGTU, 2009.

19. Freyd Z. *Budushchee odnoy illyuzii* [The Future of an Illusion]. Freyd 3. Psikhoanaliz. Religiya. Kul'tura. M.: Renessans, 1992, pp. 17–64.
20. Chkhikvadze T.V. *Dukhovnost' lichnosti: sushchnostnye priznaki, struktura i osobennosti proyavleniya u studentov* [Spiritual personality: the essential features of the structure and features of display of the students']. <http://www.dissects.com/content/dukhovnost-lichnosti-sushchnostnye-priznaki-struktura-i-osobennosti-proyavleniya-u-studentov#ixzz3yolkeN9o>
21. Shmelev I.M. *Ponyatie «Religioznaya lichnost'» i klassifikatsii tipov veruyushchikh lyudey v zarubezhnoy i otechestvennoy psikhologii* [The concept of “religious identity” and the classification of types of people who believe in the foreign and domestic psychology]. http://www.sociosfera.com/publication/conference/2012/151/ponyatie_religioznaya_lichnost_i_klassifikacii_tipov_veruyuwih_lyudej_v_zarubezhnoj_i_otchestvennoj_psihologii/
22. Yablokov I.N. *Metodologicheskie problemy sotsiologii religii* [Methodological problems of sociology of religion]. M.: MGU, 1972. 133 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Шпалова Елена Владимировна, соискатель кафедры философии и истории

*Донской Государственный Аграрный Университет
ул. Кривошлыкова 1, п. Персиановский, Ростовская область,
246493, Российская Федерация
shpalova.elena@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHER

Shpalova Elena Vladimirovna, Aspirant of the Department of Philosophy and History

*Don State Agrarian University
1, Krivoshtlikov Str., Persianovskiy, Rostov region, 246493, Russian Federation
shpalova.elena@mail.ru*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7-24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7-10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с.5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

- 1. Введение.**
- 2. Цель работы.**
- 3. Материалы и методы исследования.**
- 4. Результаты исследования и их обсуждение.**
- 5. Заключение.**
- 6. Информация о конфликте интересов.**
- 7. Информация о спонсорстве.**
- 8. Благодарности.**

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7-24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p.5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИЕ ШКОЛЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Валитов А.А. 7

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

О ДЕШИФРОВКЕ ТЕОНИМОВ ТАПАРНА И ШИБЛЕ
В ХАТТСКОМ И АБХАЗО-АДЫГСКИХ ЯЗЫКАХ
(СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ
И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗЫ)

Абазов А.Ч., Никитина Н.Н. 16

РОЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ
В РАСКРЫТИИ СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТОВ

Артемьева Ю.В. 28

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
ТЕЛЕВЕДУЩЕГО (НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ
ВИТАЛИЯ ТРЕТЬЯКОВА «ЧТО ДЕЛАТЬ?»)

Верхолюмова Е.В. 37

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ»
В КИЛЬДИНСКОМ СААМСКОМ ЯЗЫКЕ

Иванищева О.Н. 50

ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ ТЕРМИНОВ

Кухно И.Ю. 71

СИМВОЛИКА КОЛОРАТИВОВ В РАССКАЗЕ
Л.Н. АНДРЕЕВА «ГУБЕРНАТОР»

Морщинский В.С. 84

СЕМАНТИКА НОМИНАЦИЙ С ОСНОВНЫМ КОМПОНЕНТОМ ОЛ «УМЕРЕТЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА) Павлова И.П., Рожина Е.А.	94
---	----

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ МЕТАФОРЫ В ПЕРЕВОДЕ СКАЗКИ П.П. ЕРШОВА «КОНЁК-ГОРБУНОК» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК Панин В.В.	110
---	-----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ЦЕННОСТНЫЙ ВЫБОР РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ГРУППОВОЙ СРЕЗ Бормотов И.В.	123
---	-----

ПОЖИЛОЙ ВОЗРАСТ И ЕГО КУЛЬТУРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ Овсянникова Н.В.	134
--	-----

РОЛЬ ПАТРИОТИЗМА В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА Попова С.В., Попов М.Е.	148
---	-----

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ В КНР В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ Чжан Си	157
---	-----

ЯЗЫЧЕСКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ПАМЯТЬ АНТИЧНОСТИ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ Шестеркина Н.В.	186
---	-----

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ Шпалова Е.В.	209
--	-----

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	229
---------------------------	-----

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGICAL STUDIES

PAROCHIAL SCHOOL NORTHWEST SIBERIA IN LATE XIX –
EARLY XX CENTURY

Valitov A.A. 7

STUDIES IN PHILOLOGY

ON THE DECODING OF THEONYMS
OF TAPARNA AND SHIBLE IN THE HATTIC AND ABKHAZ-
CIRCASSIAN LANGUAGES (COMPARATIVE, HISTORICAL
AND CONTRASTIVE ANALYSES)

Abazov A.Ch., Nikitina N.N. 16

THE ROLE OF VERBAL ASSOCIATIONS STUDYING
IN CONCEPT MEANING DISCLOSING

Artemyeva Julia.V. 28

THE LINGUISTIC PERSONA REPRESENTATION
OF THE TV PRESENTER (AS ILLUSTRATED
BY THE V. TRETYAKOV'S TV PROGRAM "WHAT DO WE DO?")

Verkholomova E.V. 37

"REINDEER" CONCEPT IN THE KILDIN SAAMI LANGUAGE

Ivanishcheva O.N. 50

APPROACHES TO CLASSIFICATION OF TERMS

Kuhno I.Yu. 71

THE SYMBOLISM OF THE COLOR NAMES IN THE STORY
THE GOVERNOR BY L.N. ANDREYEV

Morschinsky V.S. 84

THE SEMANTICS OF NOMINATIONS WITH THE MAIN COMPONENT ØL “DIE” (ON THE BASIS OF THE YAKUT LANGUAGE) Pavlova I.P., Rozhina E.A.	94
---	----

WAYS OF METAPHOR TRANSFERRING IN TRANSLATION OF THE LITTLE HUMPBACKED HORSE FAIRY TALE BY P.P. ERSHOV INTO ENGLISH Panin V.V.	110
---	-----

STUDIES IN PHILOSOPHY

THE CHOICE OF VALUES OF THE RUSSIAN YOUTH: GROUP CUT Bormotov I.V.	123
---	-----

ELDERLY AGE AND ITS CULTURAL CONTENT Ovsyannikova N.V.	134
--	-----

THE ROLE OF PATRIOTISM IN SOCIAL AND CULTURAL INTEGRATION OF RUSSIAN SOCIETY Popova S.V., Popov M.E.	148
---	-----

RELIGIOUS STUDIES IN CHINESE PEOPLE’S REPUBLIC AT THE END OF XX – AT THE BEGINNING OF XXI CENTURIES: PROSPECTS OF DEVELOPMENT Chzhan Si	157
--	-----

PAGAN AND RELIGIOUS MEMORY OF ANTIQUITY AS SOCIAL PHENOMENON Shesterkina N.V.	186
--	-----

RELIGIOUS CULTURE OF PERSON Shpalova E.V.	209
---	-----

RULES FOR AUTHORS	229
--------------------------------	-----

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «ЛитераПринт»
г. Красноярск, ул. Гладкова, 6, офис 0-10
Подписано в печать и дата выхода: 30.09.2016. Заказ СИСПЗ-12016.
Тираж 5000. Усл. печ. л. 16,96. Формат 60×84/16